

63 5(2)
180

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО
ОБСКОМУ СЕВЕРУ

Тюмень: Библиотека краеведа

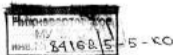
63.5(2)
190

Путешествия

по Обскому Северу

Григорий
НОВИЦКИЙ
Василий
ЗУЕВ

*Под редакцией С.Г. Пархимова
Составитель Ю.Л. Мандрика*

Издательство Ю. Мандрика
Тюмень, 1999

Краткое описание
о народе остячком,
сочиненное
Григорием Новицким
в 1715 году

Описание живущих
Сибирской губернии
в Березовском уезде
иноверческих народов
остяков и самоедцов,
сочиненное студентом
Васильем Зуевым

ББК 63.5 (2)

П 90

П 90 ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ОБСКОМУ СЕВЕРУ

Краткое описание о народе астяшском, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году; Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов астяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым/Под ред. С.Г. Пархимовича. — Тюмень: Издательство Ю.Мандрики, 1999. — 240 с. — [Приложение к журналу «Лукич»].

В третьей том приложения к журналу вошли работы, давно ставшие раритетами.

Книга адресована тем, кто интересуется историей края, Сибири.

© Издательство Ю. Мандрика (издание), 1999.

ISBN 5-93020-015-7

«...Тебе, ласкавый читателю»

Имена Григория Новицкого и Василия Зуева, чьи труды публикуются в настоящем издании, занимают особое место в истории изучения коренных народов Северо-Западной Сибири. Перу Новицкого принадлежит первое серьезное научное описание культуры и образа жизни ханты (остяков), а Зуев, путешествовавший по Обскому Северу во второй половине XVIII века, спустя почти 60 лет после Новицкого, составил весьма обстоятельное сочинение о быте и нравах ханты и ненцев (самоедов). Это были люди разных поколений и судеб: первый — из «гнезда Петрова», ссыльный полковник, затем миссионер, а второй — выходец из разночинцев, видный ученый «просвещенной» екатерининской эпохи. Зато судьбы рукописей представляемых трудов этих авторов во многом сходны. «Краткое описание» Новицкого было опубликовано лишь в 1884 году, спустя почти 270 лет после его создания, а сочинение Зуева — в 1947 году, т.е. через 144 года после написания. Характерна и еще одна досадная деталь: обе работы вышли в свет в измененном виде и под чужими именами.

Лавры автора «Краткого описания» беззастенчиво присвоил пленный немецкий капитан И.Б. Мюллер, опубликовавший его на немецком языке в 1721 году в Гамбурге. Труд Зуева в слегка измененном и сокращенном варианте был использован его научным руководителем, академиком П.С. Палласом при составлении третьей части его знаменитого фундаментального труда «Reise durch Verschiedene Provinzen des Russischen Reichs», вышедшей в Санкт-Петербурге в 1773 году. Трудно осуждать Палласа за присвоение результатов трудов Зуева: во-первых, сочинение никому неизвестного студента Императорская Академия наук ни за что бы не опубликовала, а во-вторых, подобное явление широко практикуется в наших научных кругах и сегодня, считается почти нормальным.

Трудно переоценить научную значимость публикуемых работ: этнографические сведения о ханты и ненцах, содержащиеся в них, ценны прежде всего тем, что они собраны и зафиксированы исследователями, непосредственно наблюдавшими жизнь аборигенов Северо-Западной Сибири в начале и второй половине XVIII века. Более ранние известия об этих народах отличаются отрывочным, подчас фантастическим характером (упоминания в древнерусских летописях, новгородское сказание «О человецех незнаемых в Восточной стране» и т.п.), краткостью или неточностью (записки русских и иностранных путешественников XVII века). Этнографы XIX—XX веков многие детали быта, обрядов и верований обских угров и северосамодийских народов застали уже трансформированными в результате внутреннего развития их культур и под влиянием русской культуры.

Кроме того, в «Кратком описании» Г. Новицкого содержатся бесценные сведения о миссионерской кампании Филофея Лещинского, активным участником которой был сам Новицкий. Данное сочинение является, таким образом, фактически единственным письменным свидетельством того, как проходила христианизация обских угров в начале XVIII века.

К сожалению, «Краткое описание о народе остицком», изданное вторично лишь в 1941 году в Новосибирске, и «Описание...» В. Зуева, впервые и единственный раз опубликованное Институтом этнографии Академии наук СССР в 1947 году, из-за небольших тиражей стали настоящими раритетами. Поэтому они известны узкому кругу специалистов и почти недоступны краоведам, студентам, изучающим историю и культуру коренных народов Тюменского Севера.

Язык, на котором написаны эти произведения, насыщенный непривычными сегодня архаизмами, несколько затрудняющими его восприятие, дает возможность ощутить колорит эпохи, услышать «живую» речь автора.

Кстати, об авторах. О Григории Новицком до сих пор известно крайне мало, что отмечал еще Л. Майков в предисловии к «Краткому описанию». Имеются отрывочные сведения о том, что его отец, казачий полковник, был видной политической фигурой на Украине в конце XVII века. Гри-

горий Ильич, получив духовное образование в Киево-Могиланской коллегии, все же пошел по стопам отца: дослужившись до чина полковника. Будучи некоторое время мазепинским резидентом при гетмане Сенявском, он в 1709 году написал покаинное письмо канцлеру Гавриле Головкину. Петр I простил Новицкого, но решил все же сослать его от греха подальше в Сибирь. Оказавшись в Тобольске в 1712 году, Григорий Новицкий был замечен первым губернатором Сибири князем Матвеем Петровичем Гагариным (весьма вероятно, не без протекции земляков, выпускников все той же Киево-Могиланской коллегии — бывшего митрополита Сибирского и Тобольского Филофея Лещинского и его преемника, пятого митрополита Иоанна Максимовича). Образованный, деятельный человек, бывший офицер, он был назначен ближайшим помощником преосвященного Филофея, который в 1712 году, выполняя волю Петра I, начал многолетнюю кампанию по «искоренению мрака кумирслужения» среди остяков. Новицкий участвовал в миссионерских походах Филофеев (в 1709 году принявшего схиму под именем Феодора) на Обь и ее притоки. Похоже, что Новицкий выполнял в отряде Филофея самую черную работу (палил языческие капища, уничтожал остяцких идолов), тогда как глава миссии, как видно из текста «Описания», читал проповеди и убеждал язычников в силе православной веры, открывая им «двери спасения».

В 1721 году Григорий Новицкий был назначен надзирателем за новокрещенными остяками Кондинской волости, где вскоре трагически погиб в столкновении с непокорными идолопоклонниками.

Будучи человеком незаурядным и любознательным, Григорий Новицкий вел путевые записи, которые в перерывах между «водными плаваниями» к остякам он превратил в научный труд, снабдив его дополнительно сведениями, почерпнутыми из рукописи Есиповской летописи, а также собственными пояснениями, философскими рассуждениями и даже стихами. Собственно этнографические сведения, собранные Новицким, изложены во II и III главах, а «летопись крещения» — в последующих IV—VIII главах — осталась незавершенной. «Описание» обрывается на рассказе о крещении кондинских вогулов (манси) в 1715 году. В пос-

ледней фразе Новицкий сообщил, что после успешного завершения религиозной дискуссии с коварным «князем Сатыгой» миссия двинулась дальше...

Научный преемник Новицкого Василий Федорович Зуев (1752—1794 гг.) родился в семье солдата Семеновского полка. В двенадцать лет он был принят в гимназию Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Будучи одаренным от природы ребенком, Василий осенью 1767 года сдал выпускные экзамены, получив похвалу за успехи и прилежание. В этом же году он был принят студентом в Академию наук и зачислен в экспедицию академика Петра Симона Палласа, знаменитого естествоиспытателя, с которым он путешествовал по Сибири до 1770 года.

В течение 1771—1772 годов по заданию Палласа Зуев путешествовал по северу Западной Сибири (Челябинск—Березов—Обдорск—Красноярск—Новая Мангазея (Туруханск)—зимовье Селякино). В течение полугода лет, проведенных Зуевым среди остяков и самоедов, ему удалось достаточно глубоко ознакомиться с природой сурового края, особенностями быта, хозяйства, обычаями и правами коренных жителей. Острый ум, природная наблюдательность, необычайно высокая работоспособность Зуева нашли отражение в его многочисленных рапортах, которые регулярно отправлялись Палласу, и сочинениях о северных оленях, рыболовстве и охоте аборигенов Нижнего Приобья. После возвращения из последней экспедиции на север Сибири Зуев обработал свои полевые материалы и в 1773 году закончил сочинение, которое назвал «Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иновеческих народов остяков и самоедов».

П.С. Паллас, которому Зуев посвятил сочинение, столь высоко оценил работу своего ученика, что использовал ее (с некоторыми купюрами) при составлении третьей части своего «Путешествия по разным провинциям...». Учитель возлагал на Василия большие надежды, связывал с ним далеко идущие научные планы, но после того, как из-за организационных трудностей сорвалось путешествие Зуева по еропейской тундре, их пути разошлись. В 1774 году Академия наук послала Зуева за границу учиться естественным наукам. Пять лет спустя В. Зуев защитил диссертацию по

зоологии, а еще через восемь лет ему было присвоено звание академика и профессора естественной истории.

До конца своих дней академик Василий Федорович Зуев много путешествовал, писал и получил заслуженное признание как один из виднейших русских ученых, автор естественно-исторических исследований. Самые же первые его научные опыты на поприще западносибирской этнографии были надолго забыты (многое утрачено, не будучи опубликованным).

Содержание зуевского «Описания...», в отличие от «Краткого описания» Новицкого, лишено богословских экскурсов и яркого осуждения языческого мировоззрения аборигенов. Явно проступает рациональная натура ученого-естественника: его интересуют более материальные стороны жизни (особенности физического строения, вопросы гигиены, состояние здоровья, способы добывания и приготовления пищи и т.п.), нежели духовные. Особенно ярко характеризуют Зуева с этой стороны его «опыты» с шаманами, которых он испытывал, например, надевая шаману на руку черную замшевую перчатку, внимательно при этом фиксируя реакцию «пациента». А чего стоит его неоднократно высказываемое сожаление о нерациональном использовании оленей, которых аборигены убивали во множестве, принося в жертву богам!

Неприятие образа жизни аборигенов Зуевым — представителем европейской культуры, отразившееся в отдельных фразах, уступает место позиции добросовестного естествоиспытателя, этнографа, антрополога (школа Палласа!); исследователь заключил, что суровый климат и однообразие пищи породили «особливый людей род», которые все тяготы «сносят кечувствительно» и «по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное за тяжесть»; в общении они хоть и дики, и грубы, зато верны и справедливы, «для частного честны и ласковы... для себя скупы, а ...для русских людей щедры».

КРАТКОЕ ОПИСАНІЕ
О
НАРОДѢ ОСТЯЦКОМЪ

СОЧИНЕННОЕ
ГРИГОРИЕМЪ НОВИЦКИМЪ
ВЪ 1715 ГОДУ

МОДАЛЬ
Л. Майковъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографъ В. С. Балашева, Елизаветинскій валъ, № 78.
1884

Третяго Тихого океана, 4-го М.
1893.

„Краткое описание о народе Остяцкомъ“ печатается по старѣйшей рукописи этого сочиненія, которая принадлежитъ Tobольскому кафедральному собору и была доставлена въ С.-Петербургъ по ходатайству Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Рукопись эта составляетъ тетрадь въ четвертку изъ 98 листовъ, въ картонномъ переплетѣ. До 98-го листа рукопись писана кижинско-русскимъ почеркомъ начала XVIII вѣка, а съ 98-го листа до конца—другимъ, обиховоюшимъ великорусскимъ того же времени. Въ части, писанной первымъ почеркомъ, есть нѣсколько поправокъ, сдѣланныхъ особою рукою, бѣлаго, но мало разборчиваго, бѣть можетъ, рукою сочинителя. Кромя того, въ разныхъ мѣстахъ рукописи, почеркомъ одного изъ позднѣйшихъ читателей ея, известнаго исследователя исторіи и этнографіи Сибири въ 30-хъ, 40-хъ и 50-хъ годахъ, Николая Алексѣевича Абрамова, между строкъ отчетливо означены слова, неразборчиво написанныя старымъ писцомъ. На оборотѣ послѣдняго 98-го листа находятся слѣдующія доѣ приписки:

1) „Въ сей книгѣ должною восемь листовъ—98 л. Tobольскаго кафедральнаго собора клячаръ Протоіерей Яковъ Ласточкинъ 1856 года Апрѣля 5-го дня“.

2) (рукою Н. А. Абрамова) „Эту книгу читалъ Учитель Tobольск. Уѣздн. уч. Николай Абрамовъ“.

Кромя описанной рукописи, известна еще другой списокъ „Краткаго описанія“, сдѣланный въ 1839 году Н. А. Абрамовымъ и въ 1840 препровожденный имъ въ департаментъ народнаго просвѣщенія. Изъ департамента списокъ этотъ поступилъ въ архео-

графическую похищенію, откуда въ 1874 году былъ переданъ въ Императорское Русское Географическое Общество. Списокъ этотъ заключаетъ въ себѣ нѣсколько несправностей, происшедшихъ отъ того, что Абрамовъ незѣрко прочелъ нѣкоторые неразборчивыя мѣста подлинника, но за то снабженъ довольно большимъ и любопытнымъ посвященіемъ переписчика департаменту народного просвѣщенія ¹⁾. Тѣмъ же Абрамовымъ былъ доставленъ другой списокъ „Краткаго описанія“ непосредственно въ Географическое Общество еще въ 1854 году ²⁾; но въ настоящее время ни въ ученомъ архивѣ, ни въ библиотекѣ Общества не имѣется этой рукописи.

Настоящее изданіе воспроизводитъ текстъ Тобольскаго списка буквально; редактору изданія принадлежитъ только разстановка знаковъ препинанія ³⁾.

Слѣдствіи объ авторѣ „Краткаго описанія“, Григоріѣ Новицкомъ, очень мало, и извлекаются они почти исключительно изъ самого его сочиненія. Языкъ „Описанія“, манера изложенія, а равно и фамилія автора, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что Григорій Новицкій былъ Малороссіянинъ, по всей вѣроятности — питомецъ Кіевско-Могилевской коллегіи. Изъ предисловія къ „Описанію“ видно, что онъ попалъ въ Сибирь неволею: „Узрѣвъ, яко странникъ бѣдствующій и пришлецъ его же, не желаніе любопытства ниже о всякихъ вещехъ невѣдѣтельство виденія въведе сѣмо, но брани скученія междуособища и время злѣключеніе предаша неволи“. По дѣламъ Тобольскаго консисторскаго архива Н. А. Абрамовъ доискался, что осужна Новицкаго, имѣетъ съ другими 15-ю лицами, откосится изъ 1712 году; но ближайшая причина ея остается не раскрытою. Въ бытность свою въ Сибири Григорій Новицкій пользовался расположеніемъ губернатора князя Михаила Петровича Гагарина и интронизата Филоова; послѣднiаго онъ сопровождалъ въ его путешествіяхъ для проповѣди христіанской

¹⁾ Посвященіе это записано въ запискѣ моеѣ о сочиненіи Гр. Новицкаго въ *Извѣстіяхъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества* т. XI, отд. 2, стр. 1—9.

²⁾ См. *Отчетъ Русск. Геогр. Общества* за 1854 г., стр. 54.

³⁾ Здѣсь хотѣли будто бы омітнть нѣсколько неравннхъ въ изданіи опечатокъ. На стр. 23 и 20 собственное имя Чичина слѣдуетъ читать Чичина; на стр. 21, въ строѣ 9 сверху, вместо Динера должно быть Динера; на стр. 47, въ строѣ 11 сверху, вместо сенсери должно читать сенсери; на стр. 56, въ строѣ 12 сверху, вместо и; земри должно быть: и земри

иъры Остакѣмъ и Вогуламъ; эти-то походы и ведали Новицкому поводъ къ сочиненію „Описанія“ въ 1715 году. Изъ разсмотрѣннѣхъ Абрамовымъ дѣлъ консисторскаго архива обнаруживается, что три пресвитерѣ Филоея, митрополитѣ Антоніѣ (Стаховскомѣ), Новицкій назначенъ былъ въ Кондинской волости надирителемъ за исполненіемъ новокрещеными Остакѣми христіанскихъ обязанностей и тамъ впоследствии убить виѣствъ со священникомъ Сентяшенимъ ¹⁾). Случалось это уже послѣ 1720 года, когда скончался Филоей.

Изъ сочиненія Новицкаго, которое, къ сожалѣнію, осталось не оконченнымъ, обнаруживается, что авторъ его обладалъ замѣчательнымъ по своему времени образованіемъ. Смысли Новицкаго на Овидіѣ свидѣтельствуютъ, что онъ звалъ по латини и читалъ римскихъ поэтовъ; свѣдѣнія же по исторіи Сибири, приводимыя имъ въ §§ 6—9 главы I-й „Описанія“, показываютъ, что онъ ознакомился съ прошлыми судьбами Сибирскаго края изъ Сибирской лѣтописи Саввы Есинова, сочиненія, которое пользовалось въ XVII в. и въ первой половинѣ XVIII вѣка большою извѣстностью между людьми, интересовавшимися исторіей Сибири ²⁾.

Крайне замѣчательно сочиненіе Новицкаго по внутреннему своему содержанию. Извѣстія его о миссіонерской дѣятельности пресвитера Филоея даютъ „Краткому описанію“ значеніе первоисточника въ этомъ отношеніи; а сообщаемыя имъ многочисленные факты о древнемъ бытѣ завладо-сибирскихъ инородцевъ ставятъ его на ряду съ записками старинныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Америкѣ, напримѣръ, Лафито (Lafiteau) и Шарлевуа (Charlevoix), съ „Описаніемъ Камчатки“ Крашенинникова и съ описаніями путешественнѣхъ кругосвѣтныхъ мореплавателей прошлаго вѣка, изъ которыхъ познѣннѣе этнографы почерпаютъ столько важныхъ извѣстій по сравнительной исторіи культуры. Относительно этнографіи сибирской это — первое по времени специальное сочиненіе. Да и

¹⁾ Временныя Общества исторіи и древностей при Московскомъ университетѣ, т. XX, статья Абрамова о Сибирскомъ митрополитѣ Филоей Лещинскомѣ, стр. 3, прим.

²⁾ Объ этомъ можно судить по множеству дошедшихъ до насъ рукописей, въ разныя редакціяхъ, лѣтописи Есинова, относящихся къ означенному періоду времени. Любопытно, что существуетъ одна списокъ лѣтописи Есинова, первоначальной редакціи, писанный южно-русскимъ черномъ и съ яркими признаками малороссійской речи. Списокъ этотъ находится въ бібліотекѣ Императорской Академіи Наукъ и поступилъ туда отъ Шладера въ 1767 г., какъ свидѣтся въ помятой.

вообще ему слѣдуетъ отвести почетное мѣсто въ русской ученой литературѣ Петровскаго времени; въ ряду литературныхъ памятниковъ, оставленныхъ писателями, воспитавшимися на почвѣ схоластическаго направленія, не много найдется произведеній, которыя были бы столь богаты фактическимъ содержаніемъ самаго живаго интереса ¹⁾.

Остававшееся до сихъ поръ не изданнымъ, сочиненіе Гр. Новицкаго еще въ рукописи давно обращало на себя вниманіе изслѣдователей этнографіи и исторіи Сибири. Кромѣ Н. А. Абрамова, изъ него извлекали свѣдѣнія протоіерей А. С. Сулоцкий ²⁾, П. А. Словцова ³⁾, Гр. Из. Савельевъ ⁴⁾ и еще во второй половинѣ прошлаго вѣка—тобольскій ящикъ Илья Черепановъ, авторъ такъ-называемой „Новой Сибирской лѣтописи“, доселѣ не изданной ⁵⁾. Но всѣхъ болѣе воспользовался сочиненіемъ Новицкаго одинъ пѣльный Шведъ (или Нѣмецъ), находившійся одновременно съ нимъ въ Tobolskъ. Это былъ драгунскій капитанъ I.-B. Мюллеръ, почти цѣлкомъ переведшій „Краткое описаніе“ въ своей статьѣ „Das Leben und die Gewohnheiten der Ostiaken“, приложенной къ извѣстному сочиненію Фр.-Хр. Вебера: Das veränderte Rußland (Hamburg. 1721). Статья Мюллера, составленная въ Tobolskъ въ 1716 году и пять лѣтъ спустя уже напечатанная, впервые обстоятельно познакомила ученую Европу съ одною изъ важнѣйшихъ племенныхъ группъ Западной Сибири. Между тѣмъ оказывается, что заслуга эта принадлежала въ сущности Русскому, Григорію Новицкому, имя котораго даже и не упомянуто Мюллеромъ.

Считаю долгомъ выразить мою глубокую признательность почтенному П. Н. Тиханову, который раздѣлялъ со мною трудъ по печатанію „Краткаго описанія“ и составилъ къ нему указатель.

А. Майковъ.

¹⁾ Въ удавленію, П. П. Певарскій, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи: „Наука и литература при Петрѣ Великомъ“, вовсе не упоминаетъ о трудѣ Новицкаго.

²⁾ Святитель Флаворъ, епископъ Сибирскій и Tobolskскій. Изд. 2-е. Омскъ. 1882.

³⁾ Историческое обозрѣніе Сибири. М. 1839.

⁴⁾ Въ Сибирскомъ Вѣстникѣ.

⁵⁾ См. мою записку о ней въ 7-мъ издустѣ Личности землей археографической комиссіи, отд. IV, стр. 40.

КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

О

НАРОДЪ ОСТЯЦКОЙ

ИЖЕ

ВЪ ПРЕДЕЛАХЪ ПОЛНОЧНЫХЪ ЦАРСТВА СИБИРСКАГО ОБРЪТАЕТСЯ
СЪ НѢКОТОРЫМЪ ТОГО ЖЕ ГОСУДАРСТВА
ОСОВНѢЙШИХЪ ВЕЩЕЙ ВЪДЕНИЕМЪ

А НАИНАЧЕ

О ЖИТИИ, ОБЫЧАЯХЪ И ПРЕВЫВАНІИ СЕГО ОСТЯЦКОГО НАРОДА,
ТОЖДЕ ИХЪ ПРЕЖДНОМЪ ЗЛОЧЕСТИИ КУМИРОСЛУЖЕНІЯ, О ОВРАЩЕ-
НІИ ВЪ ПРАВОСЛАВНУЮ БЛАГОУЧВОТИВУЮ ХРИСТИАНСКУЮ ВѢРУ

ИЖЕ

ГОСПОДУ СПОСЫШЕСТВУЮЩУ ТЩАНИЕМЪ СІЯТЕЛИЩІЯГО КНЯЗЯ
МАТВЕЯ ПЕТРОВИЧА ГАГАРИНА, ГУБЕРНАТОРА ЦАРСТВА СИБИРСКАГО,
ПРОПОВѢДІЮ ЖЕ ТРУДОЛЮБНОГО БЛАГОЧЕСТИЯ ПРОПОВѢДНИКА И УЧИТЕЛЯ
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕРЕЯ ФЕОДОРА СХИМОНАХА

СОВМЕСТЬСЯ

ВЪ ВРЕМЯ ПРАВЛЕНІЯ ПРЕСТОЛОМЪ МЕТРОПОЛИ СИБИРСКОЙ ВЕЛИКАГО І ПАПА
ПРЕОСВЯЩЕННАГО АРХІЕРЕЯ ЮЛІЯ ЛАЗИЛОВИЧА

СПИСАНО ЖЕ ЗА ПОЖЕЛАНІЕМЪ ЕГО ВНЕШНЕЮ СЪВѢДОСТИ ГУБЕРНАТОРА СИБИРИ
ВНЕКАЙШЕЮ ЕГО РАБОЮ ГРЪГОРІЕМЪ НОВИЦКИМЪ

Пама съ отраслаю на крестъ суть сложенны,
Знаменіемъ віры суть крестъ свята почтоши,
Сказана ихъ едною любовь знаменуеть.
Віснецъ правды адъ зложонъ надежду привезеть:
Віра, надежда, любовь на нихъ положенны
Законъ Христова, трома снни утвержденны.
Всполненъ Галарыномъ гербъ предвѣной славы,
На немъ же благодати Божой сложенны устаны,
И добры отъ отрасленъ плоды происходять:
Умноженіе вірыкъ сторицею привозять.

Величество преславныхъ и превеликихъ дѣлъ сѣятелства
вашего, еже все празославіе, всю подсолнечную неописан-
нымъ, необъемлемымъ наполни торжествомъ: не моего не-
удобства бысть се могутствѣ достойно изобразити, еже иныѣ
съ работѣннымъ преклоненіемъ егда приношу, сумнѣніа и
узаса исполнені: яко недоволю есть противо величества
дѣлъ сѣятелства вашего, сѣятелѣйшій и благороднѣйшій
князь, усумнѣтися въ истинну; паче же постыдѣтися подобаетъ
мнѣ, яко неудобство мое малѣйшимъ снмъ дерзну изобрази-
ти начертаніемъ томъ преславная дѣла, толикое сихъ величіе,
еже не у миру вмѣстико есть: тако убо прѣстресся, тако
президѣе и презознесеса, яко все наполни церкви веселіемъ,
православіе вождѣлѣннымъ благополучіемъ, благочестіе умно-
женіемъ, и вся стихія, землю, небо неизреченнымъ наполни
торжествомъ: не о единомъ бо грѣшника спасеніа, но о мно-
гочисленнаго народа обращеніа утвори небеса радоватися.
Объезлетъ здѣ всю подсолнечную удивленіе, церковь Божию
веселіе, небеса побѣдительное торжество, егда на сіа ви-
рають сѣятелства вашего добродѣтели на толикія пресла-
ная о благочестіа тѣжаніе и труды; узреть здѣ, како непрео-
догнныа по благочестіа ревностъ, ревнуя поремнозахъ крѣп-
кою десницею, древнее изарину злочестіе, погуби злобу

идолску, нисведе з небесъ милость, и побѣдосносимъ церковь Божію отъ многочисленныхъ цвѣтцовъ душъ человѣческихъ соплетеннымъ приложи уѣдичезатися вѣдцемъ: вси убо сіа аще вишняго суть правленіе, зане обращеніе невѣрно нѣсть человѣка хотѣща, во Бога милующаго. Обаче вишняго правленіе и наставленіе тобою дѣйствова тобою утворы, въ тебѣ вынести благодати своя дары, благоразуміе, милосердіе, и всему угодная орудія толика преславна дѣйствозати. Свѣтовидно здѣ яви себе миру великое благоразуміе сіятельства зашого, егда правленіе свое царственную Сибирь преславныхъ наполни величествомъ толь достойна хвали Божыхъ почти умноженіемъ всемірнымъ наполни вселіемъ, а что выще яко обще всему государству приложи несумнѣнно желаемихъ благъ чаши; ничтоже бо тако исводитъ съ небесъ милость, всихъ благъ подательницу, яко благочестіе, еже нишѣ трудолюбнымъ тѣченіемъ сіятельство ваше умножан умножаетъ миру благополучіе, предуидѣ высокимъ благоразсмотрительствомъ сятельство ваше толико угодного проповеди сей учителя, трудомъ непреодолимаго, противниковъ яростію неустрашимаго, должайшѣмъ путь шествіемъ неизнемогающаго, и аще глубочайшею старостію (еже самый недугъ) одержимъ естъ, обаче силою свыше укрѣпляетъ. Не изнемагае тщательнѣ и трудолюбивѣ богоугодное сятельству же вашему и всему желаемому миру искати, умножати и утверждати благочестіе; уможну здѣ прочее, како таковое благоразуміе древнихъ благочестія ревнителей божественная мудрѣствующихъ. Весь миръ, все православіе, вѣчнымъ почитая, воспоминаетъ благодареніемъ: кими похвальными послѣднему роду, даже и до днесь и во вся вѣки земли и небеси слава превозноситъ нѣбскими, како не-

преставними твердь самой истинны церкви Божіа ублажають похвалами; но сіе всего подобіе въ лица снтелства вашего, аки въ зерцали преславныа дѣла, тицаніе и трудъ, не усмпающее о умноженіи благочестія богомысліе, не только истое сего подобіе и образецъ, но самое существо являють, и аки свѣтило послѣдному ролу свѣтовидно изъясняютъ и показуютъ.

Прекрасная же и природная снтелства вашего добродѣтель, милосердіе, аки себе миру паче полуденнаго свѣта. Егда сіи дивніи Осташскій и Вогулской народъ кротостію и благоразуміемъ притяжа благочестію, власть бо хрести исполненна не возмогла бы быти, привлекающая снхъ добродѣтель до такового повиновенія, дабы свое паче житіе возлюбивше оставили злочестіе, занае дивніи сей народъ трепетень, загроподобенъ, страха нетерпѣливъ. Бѣгство—обычное слашеніе его есть; не уби снмъ воспалаула ярость, како бы прежде обьяти страхомъ скорое восприялъ быхъ покрывало, непроходимую пустыню, безденная вертены, крадь и сннь пустынную, еже обычное ему отъ страха хранянице есть, аще бы не щедролубивая десница снтелства вашего кротостію и благоутробіемъ притяжала благочестію, удивленію и чудеси достойная, коль крѣпкая, коль сильная дѣйствова въ народѣ снмъ добродѣтель сіа, народъ тако возлюби протцы ихъ укороенное злочестіе, яко удобѣе быти ему лишитися житія, ниже утатися злочестія своего; но милосердіемъ и милостивною снтелства вашего толь побѣждень, яко свое паче житія возлюбивше остави злочестіе, наставленію же и повелѣнію снтелства вашего тако повинуся, яко всего себе Божественному предаль званію. Во истинну удивительнѣйшее превеліе украшеніе ваше, свойственная добродѣтель снтел-

ніємъ приношу. Паче же на сіе малѣйшее милостивыя свои
 егда обратиши очеса, не тако хитросплетенныхъ словесъ вы-
 сокаго вѣщанія изыскатель восхощешь быти, яко присного
 простоусердія сего вниматель, имъ же присно желаю да об-
 щему спасенію, всенародному веселію, церквамъ Божиимъ
 умноженію, десница Господня умножатъ долгоден-
 ствіе снательства вашего и свыше ублагословляя ублагосло-
 вить Авраамовымъ благословеніемъ отъ рода въ роды, Давы-
 довымъ вѣнцемъ отъ силы въ силу, довели же трудъ и тща-
 ніе снательства вашего о умноженіи благочестія достойнымъ
 небесныя славы вѣнцемъ увѣнчветъ приснымъ усердіемъ
 желая.

ПРЕДОСЛОВІЕ КО ЧИТАТЕЛЮ.

—

Странники и пришлецъ Сибирской страны сей, въ ней же многы удивленію и чудеса достойная, множайшее изобиліе чудныхъ и преславныхъ вещей, наннече обще всего мира достойную радость въ предѣлахъ сихъ утворяшеюся тебѣ, даваяши читателю, предлагая несумнѣнно есмь надеженъ благоприятный сихъ въ сихъ искательству твоему бити вѣстникъ. Удивленію достойная воспоминаху, ихъ же и самовидецъ быхъ, не безъ твоего будутъ удивленія, аще и малѣйшая сіа послѣдствующая благоусердіемъ, а не предъ осужденіемъ послышать и прозреть восхощеши, обратиши аде, первое, удивленію достойная странное житіе и динныя обычая прежде воспоминаемаго народа, иже своимъ селеніемъ удалися до полнощнаго лѣснаго окіана, и даже до самаго студенаго полнощнаго (ого же и артикусъ нарицають) касаеться круга, иждъ же неудобное житію человеческому селеніе особнѣйшимъ народу сему есть жилищемъ, толкого бо тамъ жестокого студени отъ лѣснаго окіану наполненъ водухъ, яко всякимъ иностраннымъ незносомъ, ужасенъ, зловредителенъ, народу же сему благоприятенъ, аще всгдашное ихъ тамо пребываніе. Инакъ же странная обычая—острое и скудное житіе, прочая же, неудобь

носимая и нестерпимая человеческой природѣ — сему не въ тяжесть, но въ благопріятство носима суть. Толь убо острому житію прилежитъ народъ сей, яко аще бы не внималъ сему искуснѣйшаго любожудра реченію, что налогъ и обычай вышше могутъ самыя природы; вѣдѣвшие толь жестокая и острая обычая, мѣхъ бо яко чрезестественнѣ тернима и творима сія суть или ино вѣкое крѣпчайшее всѣхъ естество человеческое, во о жестокихъ сихъ многоглаголаніемъ дабы не ожесточило прилѣжнаго вниманія вашего, преди послѣдствуютъ прятнѣйшия о дражайшихъ и преславныхъ сего государства изобилій и богатствъ извѣщенія. Паче бо сего, что всѣмъ еже на препитаніе человеку изобилуетъ, государство сіе содержитъ и прочее въ нѣдрахъ своихъ: различныя руды желѣза, мѣди, свинцу и прочая, отчасти сребра и золота, но паче всего сія царственныя Сибѣрь, изобилная есть и многоплодная питательница вездѣ славныхъ красотою соборей и паче сихъ дражайшихъ; еще содержитъ черныя лисицы, еже своею красотою и драгостію превосходятъ цыну. Тожде и иная украшенія: горностай, бѣлка и прочая различныхъ звѣрей.

Обаче надѣ вся благопрятнѣйшая превожделѣнная вниманію вашему буди благовѣствуема радость, еже непостижимый безмѣрною своею вся въ спасеніе человеческое доселе дѣлая въ предѣлахъ сего государства всемирно утвори радоватися, егда твоею едолобѣсію здравле сдѣлывающій Остяцкій народъ въ свѣтлое благодати Божией приведе боговиднѣіе, еже обще всего мира быти веселіемъ сдѣлывающе свѣтъ истинны Евангельской, еже единого грѣшника спасеніе ангельскимъ и всего небеси истинствуетъ быти торжествомъ, колми паче толико многотисящного численнаго народа отъ злочестія въ бавгочестіе обращеніе всю тварь, небо

и землю наполни веселіємъ, его же наполненіємъ и твоего
 благочестія напометь сердце, сего ради не усомнѣваюся тебѣ,
 ласкавый читателю, и всѣмъ благочестія любителемъ благо-
 пріятный сихъ быти вѣстникъ. Еднѣное ми токмо предстоитъ
 сужніе, да не буду осужденъ, яко не сладкословникъ, ниже
 высокимъ хитросоплетенныхъ словесъ украшеніемъ изображихъ
 сія и всемирному дерзнухъ предать позорищу: обаче блю-
 дохъся, первое, да не хитросоплетеніемъ словесъ покрившася
 сумнительна и неудобна сихъ истина къ разумнѣю быть
 аже нынѣ простонарѣчіемъ скѣтовидно изыясена суть. Прочее
 же возри не такъ презрительнымъ высокорасужденіемъ яко
 благоутробіемъ на нынѣшное состояніе мое, еже благосердно
 увидь кто сочиненія сего творецъ. Узришь, яко странникъ
 блдствующій и пришлецъ, его же не желаніе любвиштва
 ниже о всякихъ вещехъ искателство виденія въведе сѣмо,
 но брани смущенія междоусобна и времени злѣключеніе
 предаша неволи; неволи же, общее притѣленіе многихъ уни-
 ковъ, жалнце и ужалице, царственную показа Сибѣря, въ
 ней же пребываніе мое и самое состояніе неволи яви тво-
 рить, яко не о хитросоплетеніи риторскаго добровѣщенія
 время удобно упражнятися, но повседневно обученіе. Скорбь,
 печаль, тѣснота, нищета, слезы, въ нихъ же что умъ можетъ—
 асно стихотворецъ показуеть:

Пребѣдый, въ тѣсныхъ путѣ егда пребывае,
 Свободу любящъ—разумъ восста ушнѣе.
 Печаль и скорбь—разуму есть смертное ложе.
 Смертень весь пребывая, ни двинуться може,
 Лежить яко мъртва плоть слѣкѣ утвержденна,
 Слезми скорби разумъ наполненна.

И аще свойственная есть свобода и быстрость ума человѣче-
 ского въ мгновеніи ока всю подсолнечную обходить, небес-

ныя переходити и непроходимыя бездны въ подземныхъ разсуждаты, обаче злоключительное неволи состояніе на сего свободу и скорость возложи ужалища печаль и скорбь, отъ нихъ же ни черты единыя угоспуть свободно далеса, но всегдашное дневное и пощное въ скорбехъ обученіе непроходима предѣль сему полагается. Егда бо пощъ объемлетъ, тогда неусыпающая мысль возбуждаетъ жалость и болѣзнь сердца, како лишихся паче всихъ любимаго отчества; како неволи наша, жестокой всихъ благъ разоритель, крайняя пагуба, не только трудами свисканная блага — чести и славы разорити, погубити, но и самое удобство свисканія сихъ младость вѣка тако погубляетъ и истребляетъ, яко мнится вѣсмъ отъ человекъ, но червь и поношеніе сямъ. Аще же сив съ пощю въ слезахъ угаснетъ и солище исполнены радости день вводитъ, тогда царяца злыхъ и корень бѣдъ и скорбей — ницета помрачаетъ умъ тмами темъ, влагая темна недоумѣнія: отъкуду свискать горестныя пищи; чамъ сохранитись въ сихъ полнощныхъ, мразныхъ и мрачныхъ странахъ отъ лютости мразокъ, и се учительница ума, паче же помрачающая тма, погибель благихъ, умноженіе злыхъ — неволи предложы повседневное уму обученіе и управленіе.

Не дерзаю же излишнимъ мнѣ приличествующимъ плачевнымъ воплемъ наполнати ушеса ваша, ласкавый читателю, но вѣщныя прежде воспоминаемой всемирной радости, юже Спаситель мира подаль желанію вашему, возжелѣхъ быти вѣстникъ усердный, ему жь душеполезной сіей радости и всякого благополучія желатель; молю же милостивно очесъ твоихъ на сив малѣйшыя труды обращенія, иже аще и не красны, ниже презбранна, по обычному твоему благоутробію да будутъ прыятна. За сив же воздаяніа не иного молю, яко толикимъ воздыханіямъ моимъ едино малѣйшее свое присовокупить:

умолить могущаго возбудить отъ камня сыны Авраамля, да насъ снабдитъ скорбми, окамененныхъ и умерщвленныхъ къ настоящей кеволѣ, о ней же приличествуетъ сіе стихомъ написаніе:

Неволя ми смерть, се есть воскреснуть желаню.
Живо тѣло гробъ ми есть, всегда умираю.
Скорбь и печаль тяжды умерщвляютъ,
Въ живомъ тѣло смертнымъ прахомъ покрываютъ.
Но содержи сердце въ рукахъ своихъ, Боже,
Еже еже хочеть, сотвориши мене.
Прелюби къ себѣ возлюбилъ странникъ благостный
Отъ плаченной глубины адѣшной наместникъ
Возмеще насъ, плачевныхъ странниковъ бѣдственныхъ.
Аки воскресеть зъ жертвы скорбми умерщвленныхъ.

ГЛАВА Ы-А.

§ 1. Сибѣрское государство содержится въ помянутой странѣ, по раздѣленіи математическомъ предѣленно въ второй быти части, во Азіа; жѣцми же математики, иже предѣль Европы великую рѣку Обь назнаменоваша, сіи начало сего государства полагають быти въ Европѣи, предѣлы же своими простирается даже во Азію. По сихъ раздѣленію, и первопрестольный сего государства градъ Тоболскъ еще въ Европѣ содержится, обрѣтается же подъ градусомъ 57 и 30 минутъ широты, даже до студеняго полунощнаго круга.

Здревле государство сіе подъ областію Россійскихъ юнарховъ обрѣтается; многолюднымъ же своимъ селеніемъ и пространнимъ предѣломъ многимъ европейскимъ государствомъ соразнитися можетъ, а иже въ предѣлахъ своихъ дражайшимъ содержатъ вещи, сиимъ многія превосходятъ государства. Предѣлы же своими прямо воемше къ полноци касаются до лѣвостаго окіану, оттуду же къ востоку предѣлы ея содержатъ Мангаціа, Туруханъ оковывается, даже до Камчатской

страны, юже вѣще двадесяти лѣтъ обрѣше Россіане, покориша своему скипетру.

Въ предѣлахъ сихъ государство сіе содержитъ звѣрей дражайшихъ, различныхъ родовъ: соболей, черныхъ лисицъ великія и безмѣрныхъ драгоці, иже нѣдцы мраморами нарицають, горностаѣ, бѣлка и прочая звѣры, яко иныя европейскія государства не имѣють; симъ паче и иныхъ преславно изобиліемъ, и не только всю Европу, но Азію, Китайское и иныя государства довольно симъ изряднымъ украшеніемъ наполняютъ, обаче предѣлъ тотъ еще и дражайшыя содержатъ вещи—безплоденъ есть, и земля во многихъ тамо мѣстахъ никакихъ плодовъ земныхъ не произноситъ, зане вся вѣще прилежить студеному кругу, и ничто же яко дивое зерно прорастити можетъ. Премногими же предѣлъ сей изобиліемъ рыбными лозли, ими же недостаточество въ пища вспоминаетъ изобиліемъ разныхъ родовъ рыбъ и звѣрей, иже сими питаетъ жителей своихъ и до зѣла удовлетвѣетъ.

Къ западу простирается предѣлы своими даже до степей Мунгалскихъ, Контайшскихъ и Аюкинскихъ, иже называются именовемъ тамо владычествующихъ надъ собою князей, яко же отъ Контайшы—Контайшины, отъ Аюки—Аюкины нарицаются степи. Въ сихъ предѣлахъ исполнено государство сіе изобиліемъ плодовъ земныхъ, самородной по езерамъ соли, довольноимъ умноженіемъ скота. Къ полудню предѣлъ содержитъ Иркутскъ и Селенга, иже присѣдитъ надъ нѣкою отногою морскою, только пространною, юже здѣшніе граждане великости и глубокости ради и содержанія звѣрей морскихъ, перцы и прочая, нарицають Байкаль море; за симъ Нерчинскъ градъ, а напредъ Якутскъ предѣлы свои съ Китайскимъ государствомъ окончиваетъ. Сей убо предѣлъ презобиліемъ

земного многоплодія соляныхъ озеръ и изобилныхъ рыбныхъ ловлей, превозможное умноженіе скота и на преситаніе человеческое всякого дозволства, а понеже до славныхъ Китайскихъ приближается стѣизъ, содержитъ съ тѣмъ славнымъ государствомъ Китайскимъ вся торговля промыслы, премѣнныя товары своя сибѣрскія: соболи, горностан, бѣзку и прочая. Оттуда же превеликія богатства золота, серебра, драгихъ камней, шелковыхъ парчей, сосудовъ каменныхъ избранныхъ и прочая.

В семь полуденномъ предѣлѣ и въ своихъ нѣдрѣхъ земныхъ содержитъ разлѣчныя руды желѣза, мѣди, свинцу. От частей же руды содержитъ серебра и золота.

§ 6. Особлѣйшія же вещи, еже паче иныхъ государствъ въ нѣдрѣхъ своихъ имѣеть съ премногимъ удивленіемъ, всякому исвателю достойна суть видѣнія.

Содержитъ государство сіе въ нѣдрехъ своихъ земныхъ кости доброты и красоты едныя съ костми слоновыми и ващше, зане слоновая кость иногда отъ горячости каковой желтѣеть, но сіа никогда чистости и бѣлости не премѣняеть; величиною знамениты, бывають бо длиною въ три аршина и три четверти, толщиною въ четверть и ващше, подобіемъ же аки роги якіа.

Обрѣтаются сіа найпаче въ предѣлахъ полуночныхъ, еже прилежать ко лдистому окіану, въ Березовѣ, Обдорѣ и въ Туруханскомъ, найпаче въ Якуцку, обычно же взыскуются при морскихъ брегахъ и мѣстцахъ песчаныхъ здѣшнія палестины. Граждане обще нарицають кости сіа маманта звѣра нѣкоего земнаго. Но о немъ различно разумѣють: глаголють же нѣдѣи звѣра сего быти земна, иже влагою земною живеть и въ пещерахъ земныхъ обрѣтается: найпаче въ влаж-

ныхъ; сухого бо и зрачнаго воздуха блюдется зѣло, и глаголють, яко егда кинь случаемъ пещера его опадеть, и изидеть на воздухъ, въ влажную же скоро не обратится пещеру, тогда воздухомъ скоро убивается и погибаетъ и тако оставляетъ кости. Нѣдци хотящія извѣстнуемая достовѣрїемъ утвердити тако подобіе его изъясняютъ быти: высотою трехъ аршинъ, длиною пяти аршинъ, ноги подобни медвѣди, роги оныя крестообразно сложени на себѣ вослща, и егда ископана пещера, тогда согнбается и простирается въ подобіе ползщаго змія. Нѣдци сему противно разумѣють и глаголють не быти существомъ, зѣбра сего мамонта, кости же сія мнать единороговъ или иныхъ нѣкихъ звѣревъ морскихъ, во время потопа Ноева водою занесенная и осохшая на земли, древностию же въ землю вселшася. Но се тщетное разумѣніе, зане кости сія нѣкія обрѣтаются: зрачнныя, свѣтлыя, чистыя, ветхостию не истлѣнна, множество же по всюю время собирается, коея бы ради вини вода толкое множество во одну палестину собрала. Разумѣти же тако: не земли ли естественнїи и самороднїи отъ себе производитъ кости сія, зане по аданїи любомудрецовъ земля еже выше себе производитъ тожде въ нѣдрехъ своихъ иногда произноситъ, яко содержитъ верхъ себе соль: мѣть же ю въ нѣдрехъ своихъ. Извѣстїе же се являється въ странахъ государства Англичанскаго, яко земля въ нѣдрехъ своихъ произноситъ древеся, еже жительствующїи тамо повседневно изобрѣтають и недостаточество свое въ дровахъ вспомогаютъ и огрѣваются сими; но се разумѣніе нѣмъ не довольно. Иногда бо роги сія глаголють яко изобрѣтають зъ гноемъ съ кровїю смѣшеннымъ и въ корени наполнены, еже есть знаменїе нѣкоего животна, а не толико роги, но и кости прочаа: ребра, главу и ноги изобрѣ-

таютъ: костей бо сихъ самовидцы быхомъ; но отъ животнаго ли сія суть или отъ внутрности своихъ земля самороднѣ произноситъ, или звѣрей пѣкиихъ морскихъ, зане всегда при брегахъ мора окаяна обрѣтаются,—для различныхъ и прекословныхъ вѣдѣній, своимъ вниманіемъ итчесоже не утверждаемъ: имъ же дадеса отъ премудрѣйшаго всея твары Творца, явше разумѣти ихъ, свободно вниманію и разумѣнію да будутъ сіа.

Г. Горы каменные въ государствахъ сечь обрѣтаются пренисочайшия, иже произноситъ въ нѣдрехъ своихъ самородной хрусталь, слюду чисту; а наипаче наполненные только каменемъ магнитомъ, иже довольно жители здѣшніи отъ сего хитростивъ испущаютъ желѣзо, еже чистотою зѣло ирадно, избраннѣйшія же отъ него сосуди литія утворяютъ. В сихъ горахъ изобрѣтаютъ лечебное, еже здѣ нарицаютъ масло каменное, се подобіемъ есть зѣло растворително въ водѣ, или въ какомъ иномъ шитѣ; вкусомъ содержитъ квасъ и славность. Здѣшніи граждане употребляютъ пищею сего на вся недостаточества и болѣзни утробныя, и силу помоществующую въ томъ узнаютъ. Также отъ лечебныхъ зелій земля сіа износитъ зеліе, обще всѣмъ гражданамъ страны сего добротою и силою извѣстно и славимо есть, нарицаютъ же зеліе сіе звѣробон: ижебѣтъ цвѣтъ желтъ и силу содержатъ уврачовати всякія побои и уrazy, и зѣло въ томъ славимо есть.

Д. Москусь здѣшній граждане нарицаютъ мскусь: сей всю Европу благовоіемъ своихъ услаждаетъ, наипаче сіе государство сечь довольно наполняетъ: близко предѣлъ сечь, наипаче въ предѣлахъ Вугарскихъ и Китайскихъ, звѣрь сей содержащій во утробѣ своей драгость сію пребываетъ. Подобіемъ же глаголють быти звѣра сего возлу дику, иже въ

стѣнахъ дикихъ обрѣтается, зѣло же безмѣрной легкости и опасенія и не скоро удобенъ впасти въ руки промышленному, и только во время весны улучаютъ, смѣшенія бо ради бѣгая по стѣнамъ утрудится: по обычаю же природы своей тогда уснути хочеть, главу свою въ животъ подгибаетъ, наваче носъ свой прямо въ пунъ влагаетъ и усыпаетъ, и въ то время улучаютъ промышленники удобно сего убить. Убийца же изимаетъ пунъ сей, содержащій таковое благоуханіе, еже ваще въ время сіе наполняется благоуханіемъ, и сими дражайшими вещми сіе украшается государство.

Ѣ. Многоплодіемъ зѣло довольно государство сіе различныхъ родовъ и дивныхъ изимовъ, отъ нихъ же мнози суть безвѣстны въ Европѣ, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самодѣы, Брацкіе Мужики, Пѣгая орда, Киргизы, Калмики и прочая въ совершеннѣи и совершеннѣйше о семъ государствѣ и жителствующихъ въ немъ народовъ извѣстіе древнѣйшаго нѣкоего о семъ государствѣ списателя приводемъ свидѣтельство, еже есть тако.

Ѥ. Сибѣрская полуострвоу страна отъ востокъ, отъ царствующаго града Москвы растояніемъ съ три тысяци верстъ; облежить же камень превисочайшій, яко стѣна, и толкія высоты, яко инымъ холмомъ досязати до облакъ небесныхъ. На сихъ же превисочайшихъ холмѣхъ растутъ различная дровеса, ведри и прочая, въ нихъ же и многоплодни умножаются звѣріе различныя: иныя угодныя въ снѣденіе чловѣкомъ, иныя же только на украшеніе и одѣяніе прилично. Премудростію же всея твары Творца изъ сего камня сладкіе воды изымдоша, и потешоша рѣки, иныя къ Россійскому государству, а иныя въ Сибѣрскую страну: еже есть первая Тура, по сей жительствуютъ народы Вагуличи, языкъ свой

особный имѣющъ, содержатъ зловѣрнѣе поклоненіе идоломъ. Въ Туру впадаетъ рѣка Татиль; другая Ница, и за едино совокуплена. Обаче нарицаются первымъ именемъ Тура, первенства ради. Отсюда входятъ внутрь Сибѣрскія страны; по ней же жительствоуютъ Татары; впадаетъ же въ рѣку Тоболь, Тоболь въ Иртышъ, Иртышъ въ великую рѣку Обь. Но надъ сими всѣми рѣки жительствоуютъ языцы: Татары, Башкиры, Калмыки, Пѣган орда, Остики, Самойды и иные невѣдущіи Бога, и много различнаго зловѣрнѣя. Татары злочестіе Махомета ново содержатъ, а иные идолопоклонники. Калмыки прародецъ и старѣйшихъ уставленіе и преданіе содержатъ, въ зловѣрнѣи идолопоклонническомъ. Самойды, Пѣган орда, Остики поклоняются идоломъ и боготворять руку дѣлъ своихъ, тающе отъ сихъ благоприятіе имѣть и содержаніе житія своего: и ничтоже адать прилѣчно истію человѣческому, но вса мяса стравны и кровь пнютъ, яко же воду. Доселѣ суть сего древнѣйшаго историка извѣстія о семъ Сибѣрскомъ государствѣ.

§. О древнемъ же правленіи сего государства воспріяша вѣденіе и отъ литовисцовъ татарскихъ, яко здравле правительствовашеся князми зловѣрнѣя махонетанска, и первоначествующій престолъ ихъ баше на рекѣ Ишнхи, иже въ Иртышъ впадаетъ. Первый же князь, названный, Огъ, властителствоваше на Ишнхи, иже отъ нибосго своей власти подручнаго, именемъ Чинчинъ, убіенъ бысть. Наслѣдникъ же престола отча, сынъ князя Она, именемъ Тайбака, отъ убійства Чинчинова нѣкіими рабы своими сохраненъ, и житіе свое на долѣ укрываше бласнителствомъ рабовъ своихъ, донелѣже пріежымъ хищеніемъ престолъ Чинчинъ владичествуа сямъ увѣда, яко Тайбука, сынъ Она, еще въ живыхъ сохраняется; посла съ честію и любовію снискать сего

и привести во дворъ свой, идѣ же Тайбука явланесе Чинчину лео добровравенъ юноша, сниска себѣ такоу у Чинчина милость, лео ему всю первоначалу власть надъ своимъ вручи воинствомъ. Тайбука же неще содержаа власть и правленіе надъ воинскими силами, поиде съ силою воинства по Иртышу и по великой рѣкѣ Оби, и многіа тамо оружіемъ Чудскія народы изби и покори властителству Чинчину; и сей перво введе и разшири въ предѣлахъ сихъ полунощныхъ власть княженія зловѣрил махометанска. За трудъ убо свой и вѣрность Тайбука умоли Чинчина особная себѣ отгвѣсти предѣлы; сего же прошенію соизволи Чинчинъ и отпусти Тайбуку, а може хоцетъ. Онъ же избра себѣ селеніемъ положитися своимъ на рѣкѣ Тури, и тамо со улуси своими сѣдше постави градъ (ихѣ же имѣи Тумень), нарекаша онъ Чинчинъ. Умершу же безъ наслѣдіа Чинчину оста все владѣніе и княженіе Тайбуки, и владичествоваше онъ на долзи умре. По смерти Тайбуки власть пріемъ сынъ его Ходжа, по немъ сынъ его Маръ; сей воспріять въ жену себѣ Казанскаго царя Упака сестру, отъ нея же имѣи два сына, Адерь и Абалакъ. Но сіи свойственною и обычною смертію погибаша: только оста Адерево наслѣдіе сынъ Магметъ отца же ихъ Мара; а зати своего царь Казанскій Упакъ уби и повлада все княженіе Сибѣрское.

й. Отхуду паречеса государство сіе Сибѣрское, извѣстіи пѣвци тако предлагають. Сынъ Адеровъ Магметъ вождель свое пріяти наслѣдіе отъ руки убившаго отца его Мара, поиде бравію съ единомысленникъ своими на убійцу отца своего, царя Казанскаго Упака, и побѣдивши смертію погуби его. Владичество же свое воспріемъши градъ свой Чинчинъ разруши. Преселижеса отхуду и поиде внутрь Сибѣр-

скія земли и костани на рецѣ Иртыши градъ и нарече Сѣбѣрь. Усташи же граду сему бити первоначалну и царствующу граду: отъ него же, яко первоначалнаго и царствующаго града, и вса страна проименовася Сибѣрь. Обладающу убо симъ княженіемъ на долзи родъ Магметовъ до четвертого наслѣдія, донелиже прииде отъ Козачей орды Кучумъ Мартыніевъ и повори оружіемъ своимъ подь область свою все княженіе, а наслѣдіе Магметово истребни, погубивши царствующихъ князей Сѣбирскихъ Егичера и Бейбулата; только бѣгствомъ спасеся сынъ Бейбулатовъ, иже убѣжа въ Бухарію; Кучумъ же первымъ наречеса царемъ Сибѣрскимъ, и высокоумиѣ владчествоваше, послѣднимъ же престолу сего бысть всецѣлнимъ бо сего устроеніемъ, иже престолу силнымъ сокрушаеть; въ немощи же всемогутства своего изъявляетъ силу—на семъ Кучумѣ нача окончевати злобныхъ царей во Сибѣри владчество: благочестивому же православно Россійскому отсалѣ вручися скипетру. Ибо

А. Ермакъ иѣкій, Тимофѣевъ сынъ, перво преиде од Дону на рѣку Волгу и тамо упражнашеса разбоемъ, мнозиа иностранныи люди, персидскія, кизилбашскія купци и прочя разораше, отъ сего государствамъ кунеческія промыслы і прибыли разорашуся. Между же государствамъ нестроенія, смущенія и миру разоренія зачинахуся, казни же на тавоныхъ отъ Россійскаго государства палагаемия бяху. Надлежащей убо близъ себѣ казни и сей Ермакъ убоася, бѣжа съ единомысленники своими въ Часовую рѣку, сію же в мнѣи рѣки, кимъ же внутрь Сибѣрскія земли текущими вниде, воднымъ плаваніемъ внутрь Сибѣрскаго царства, и малою дружиною в пяти стахъ и сорокъ человекъ силнаго сего Сибѣрскаго царя Кучума побиди и изгна отъ престола. Пооблада

же Сибѣрское царство, видя же себе маломощна толику сильного государства десницы своими содержать тяготу, навлачиска преступленію своему прощенія и милоста государей Московскихъ, покори ето Россійскому скипетру во дни правящаго Россійскимъ престоломъ царя Іованна Василіевича, иже приять подь область свою отъ воплощенія Сила Божія 474 года. Отселѣ нача и разширатися Россійскимъ правителствующимъ скипетромъ сія страна.

Г. Тогда же хрипкому и страшному въ странѣ сей Ермазова оружію повинуса княжикъ Остяцкій, именемъ Болръ: подь область Московскихъ государей приведе всю свою обладающую страну, о ней же намъ вѣще преддежить извѣстить. Пространнѣйшая обще о Сибѣрскомъ государствѣ объявленія оставляемъ, мняще быти сими довольнымъ желательному сихъ искателю. Хотящему же вѣще извѣститися въ особнѣйшихъ гисторіографахъ да обращеть, мнѣ же толико повелѣаемъ вышней власти преодѣленно Остяцкую сію страну извѣстну явити миру. Егда прежде твою невѣріа кумирслуженія помраченную видѣвши, бывѣ же просвѣщеную свѣтомъ истиннымъ Евангельскою и толкой роду секу благодати Божней, свѣдое явися познаніе, яко древнимъ невѣрнымъ слѣдотствующему дадеся слышше узрѣти немердающій свѣтъ и познати истиннаго Бога всея твари Творца.

А. Страна убо сія Остяцкая начинаеть предѣлы своя не в далекомъ разстояніи отъ перваго престолнаго града въ государствѣ Сибѣрскомъ Тоболска, идѣ же Тоболь рѣка (отъ нея же и Тоболскъ градъ наречеса), сошедшеса съ рѣкою Иртышемъ, въ едину протоку происходитъ въ велику рѣку Обь. Первое убо по надъ Иртышемъ страна Остяцкая начинветь селеніе свое яко тихимъ плавакиемъ въ трехъ двехъ

отъ Tobолска достизается, простирается же по Иртышу даже до устья, идѣже впадаетъ въ великую рѣку Обь; отсюда распространяется своимъ селеніемъ въ верхъ по Оби даже до Нарима, а яже внизъ по Оби вземше въ широту страну сію обдержитъ селеніемъ своимъ, Многія рѣчки, иже прямо отъ востока приходятъ въ Обь, сія же суть Куноватъ, Полушь. Вся же сія исполнена многолюдствіемъ народа сего. По другой же сторонѣ прямо отъ заходу Обь, Сосва, Лапинъ, Конда; идѣже преодѣляютъ Остацкую страну Вагулты; внизъ же прямо по Оби, даже до Березова и до Обдоры и до самаго устья Оби, сей народъ обдержитъ селеніемъ; тамо же преодѣляется Самождъ, на самокъ устьи, идѣ же великая сія рѣка Обь впадаетъ въ морьскую губу, юже нарицають здѣ Тасовскую.

Кі. Губа Тасовская зѣло есть пространна, льды многими искоми наполнена, иже зрятся аки превисочайшия горы, нигде же и лѣтнего времени теплотою солнечною свѣшше не распущаются, но искоми и вовсе тако пребываютъ, иногда мало сокрушаются волнами и вѣтры носимы по широтѣ губы сей морской, зане пространну сію великія рѣки Оби и прочая наполняютъ и распространяють, сіи бо здѣ и прочія рѣчки въ едину губу сію собираются Піръ, надъ имъ Тась, отъ него же и Тасовская губа наречеса.

Гі. Преодѣляетъ же губу сію отъ мора окіанна каменя, иже между собою допустя бытъ губѣ сей, и сходитъ въ самое льдистое окіанъ море, еже прямо исхода сего нарицають латянскі фретунъ, греческій Босфорусъ. Сіе есть утѣснеіе мора, зане отъ губы прилежитъ камень, а отъ другой страны утѣсняетъ новая земля, льды же отъ обохъ странъ превисочайшия простираются по окіану: отъ полунощи къ

востоку на сто и вѣщше миль, яко и самыя дѣлныя Камчатскія страны иногда вѣтрами носими досылають. О льдахъ же сихъ ископныхъ разумѣють здѣ нѣдци бити та негѣлнна, еже иногда не истлѣвають, но се неудобна, еже могутъ быти сіе: аще бы было тако, то ископн отъ созданія мѣра отъ влаги и снѣжнаго слянія, мразомъ счиняемая, превознеслася бы высотой самыя досылати небесъ и такою великостію воспали бы исходицамъ воднымъ входы. Но по всодненнымъ искусствомъ зрымъ умаленіе и умноженіе здѣлннихъ рѣей, и посеку разумѣется лдомъ симъ истлѣвати и окончатися отъ воды самыя; се же ясно зрымъ яко внутрь себе вода ледъ когубляетъ, — егда бо мразное что въ студеную полагається воду, тогда вода свойственную себѣ влагу и студень вытягаетъ и истребляетъ ледъ, тако и здѣ; а може глубочае лды сіи отягченны впускаются въ воду, только вода влажностію своею студень и мразъ отъемше самыя ледъ, истребляетъ, и такимъ ведомъ разумѣется умалитися лдамъ симъ, аще не съ высоты, обаче снязу, отъ воды умалются оныя, такъ на губѣ морской, яко на самомъ утѣсеніи окіанъ мора.

Д. Къ сему утѣсенію морскому прилежащую новую землю аще и многія совершеннымъ извѣстіемъ провѣдаты железу, обаче зѣлной ради стужи и жестока убивающаго тако воздуха не возможна; мнози же аще и дерзнуша сего искусити — погибша: Остакн, Самонды касаются предѣломъ ея. Обаче оныя глубочае внутрь ея вступити не дерзнуть и не возмогутъ. Аще же и близъ ея касаются и тамо дѣя промыслу на звѣры бывають, идѣ же всякаго звѣра премногое доволство: песцы, елени и прочихъ звѣрей, множество же костей рыбныхъ промышляють. Обаче сего полуощаго отъ тоя новыя

земли исходящаго вѣтра съ великимъ опасеніемъ тамо пребывая блудятся, и егда узнають исходяща, тогда прежде лехода укриваются въ нѣкия пещеры, вертепы и амища, идѣ же не такъ жестокостію своею досязати можетъ, исхода же его преди узаваютъ—частымъ тамо пребизаніемъ обыкоша; аще же не сокрившаго обращеть, тогда всего жестокостію своею обьемлетъ, поражаетъ и убиваетъ.

Ѣ. Аще же въ сей новой земли жительствуетъ разумное человеческое созданіе, несогласно глаголють о семъ; инии самовидцы оныя земли глаголють видѣти созданную человеческую красоту, гласа же не слышали, ниже разговоры каковыя имѣли, только зрѣніемъ очесъ аки стѣнь человеческую видѣти досязашъ; инии же тослже земли самовидцы противъ вѣщаютъ и инако свѣдѣтельствуютъ быти сему, дабы жителствовать могла тамо разумная тварь. Се же и по самокъ естеству мнится неудобно мѣстце житію человеческому; но сіа неудобно зѣдвнню оставше, наки до подлежащей обращемъся Остацкой страны и о народѣ семъ, откуда въ са страны ввійде.

бѣ. Егда отъ древнихъ начала и происхожденіи и иныихъ какиихъ, аще и знаменитыхъ миру народѣхъ възскуется, удобнѣе бываетъ въ недовѣдомую безвѣстіа входити пучину, ниже кое о дрезности ихъ изъяснити вѣдѣніе древностію, бо аки тмою покривается, аще и писменны аки свѣтили миру древняя изъясняютъ и показываютъ; но сихъ мнози народы прежде не имяху, во послѣднимъ временемъ та ізобритоша, болми паче о семъ дивнѣмъ народѣ и о ихъ древнѣйшемъ происхожденіи неудобно получить кое древнѣйшее извѣстіе, зане и доселѣ сіи писменъ никакихъ не имѣютъ, иностраннымъ же гисторіографомъ аки укрить и утаень бѣ въ пустынныхъ сихъ селеніяхъ народъ сей. Ясно же извѣняется, яко не сей перво-

началѣ жителства въ сихъ палестинахъ народъ, но отъ инуды иныхъ преселися здѣ: здревле бо здѣ внизъ по Оби и всей странѣ жителствоваше народъ Чютикій. Но сей тако погибъ, яко ниже вещь какову памяти своей остави, только остави знаменіе пагубы ихъ иѣка ямща, иже обрѣтаются въ сихъ странахъ Сибирского царства. Въ сію же погубель низведе ихъ искони челоуѣкоубійца врагъ, ослѣпи бо я здѣ иѣровати иѣкое во оноу иѣци уготованное имъ съ боги иѣрованіе, его же омраченны лестию сердца желающе созыдаху себѣ ровы иѣкія пространныя, верхъ же полагаху кровлю на столбѣхъ, на ню же множество земли и каменей налагаху, егда же поощраше леть сердца ихъ преселитися на иныи иѣкъ, и ускорится иѣровать съ безстуднымъ многобожіемъ, тогда со всѣмъ своимъ имѣніемъ домовниемъ и чады собра вся во оныя ровы взходить и подѣкше столпы землею и каменіемъ убиваются и нисхождаху путемъ темнымъ во тму кромѣшную и въ вѣчное въ мѣсто иѣрованія мученіе. Досели же жители странъ сихъ въ тѣхъ ровищахъ и курганахъ находятъ прежнего златыхъ сосудовъ и сребра множество и прочая, зане со всемъ имѣніемъ своимъ убивахуся и частію же сею пагубою, частію же Татарскихъ князей, на Ишимѣ владычествующихъ, яко Тайбуені і прочіихъ, о нихъ же прежде воспоминахомъ, оружіемъ избіены: тако погибоша яко не только достойная ея вещь памяти ихъ, но ниже языкъ остави иѣрѣчіе послѣднимъ родомъ.

§і. Како же по сихъ сей Остяткій народъ въ сія вселися страны наченше отъ дни святаго Стефана Великія Пермскіа епископа—извѣстно есть: сей бо первый проповѣдникъ и пресвѣтитель во тмѣ невѣрія, великой Перми бастъ яко солнце свѣтомъ боговидѣніа тму нечестія и скверну идолюбсіа отъ

странъ Великія Перми начать прогонити, тогда мракомъ идолскимъ одержимыя Пермiane слѣта истинны евангельской благодати Божіей бѣжаша въ сія полувоинныя страны, укривахуся zde, гдѣ и доселѣ съ твоею идолобѣсію пребываху.

Се же извѣстно есть и отъ повседневнаго, яко сей народъ отъ Перми преселися, зане и языкъ ихъ явѣ творить, вси бо сіи пермскимъ глаголють нарѣчіемъ, аще же не всѣ свойственнымъ и непремѣннымъ нарѣчіемъ Великія Перми глаголють, обаче се бысть егда умножашася сіи людѣ по преселеніи своемъ отъ Перми и разидошася здѣ по различнымъ тѣхъ странахъ, измениша и языкъ свой: едины бо, иже по Иртышу селенія свои имѣють и всегда обхожденія имѣя съ Татарами, измениша языкъ свой пермскій и премѣниша татарскому нарѣчію; друзіи же, иже по Оби вверхъ яко въ дальнія разстоянія отъ своихъ удалишася и имѣя обхожденія съ различными народами съ Калмыки, Пѣгою орьдовою и прочими, сіи зѣло измениша языкъ свой, яко мало что съ пермскимъ согласуютъ нарѣчіемъ, и съ великою трудностію едины другихъ между собою нарѣчія заледво узнати могутъ, и то мало что.

Сіи же, что внизъ по Оби, непремѣннымъ глаголють нарѣчіемъ пермскимъ, зане сіи егда чрезъ Камень, иже отъ Перми прилежитъ, преидоша, тогда не въ дальнія страны удалишася отъ Перми, но близъ предѣлъ оныхъ пребываютъ, и всегдашніи съ оными имущи обхожденія, сохраняша неизмѣнно языкъ свой пермскій, имъ же аки явственнымъ свидѣтелемъ извѣстно является народу сему отъ Перми произити. Удивленію же есть се, яко въ томъжеде языку многа имена лативска обрѣтаются, и едино значить, что і у Лативъ помень юва глаголють — прійти къ помощи: у Лативъ же тожде знаме-

пуеть помози; но чего ради свойствіе различити языковъ и пѣвѣихъ нарѣчіяхъ обрѣтается—безвѣстно есть.

iii. А же не Пермязь, но Остязи, адѣ страна сія ихъ названа, мнѣтся быти: яко отъ Россіянъ сіе наложися имъ званіе, оны бо нарицають себе Хондіа, или яко и҃нды глаголють — Хондіа, страну же свою Хондимихъ; зина же званію ихъ Остязи: первое мнѣтся быти во время егда отъ свѣта благодати Божіей и крещенія святаго, во дни святаго Стефана Великаго Перми епископа убѣгоша, тогда Россіане, видѣвши ихъ идолобѣсія оставши, укрившіися изъ Перми, нарекоша ихъ Остязи, аки бы останки; второе же мнѣтся быти и се, яко же вси злѣшніи полунощныи народы отъ обыкновеній своихъ нарекошася сырѣдцы—отъ сырѣденія, тако и сіи отъ правообчая своего, зане народъ сей упражняется рибою и отъ повседневной сей пищи ничто же зяцше суну во устѣхъ ихъ, яко ости рыбныя, отъ нихъ же мнѣтся быти яко названіе се Остязи, і наложивша Россіане.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

О житіи, обыкновении гражданства и прочихъ.

А. Народъ сей въ житіи своемъ перадытъ, необыченъ житиися быти, аки послѣдній отъ людей всего міра: обаче подобенъ лицезрѣніемъ красотѣ народомъ европейскимъ; ниже бо зѣрообразенъ, ниже когю черностію одержимъ, яко прочія народы: Ефтіоны, Калмыки. Возрастохъ знаменитыхъ немнози обрѣтаются, но средній возрастомъ; очесъ малыхъ, легкостію знамениты, въ крѣпости славыми немнози. Зѣло же простъ и гражданства всякого чуждъ, во всѣхъ своихъ обычаяхъ наченше отъ первыхъ предѣлъ житія ихъ.

Б. Аще обще единъ есть путь всѣмъ родитися, жити въ мирѣ и преити отъ міра, обаче при такихъ случаяхъ, различныя народы разными имѣють обычай: знаи по закону, ако иудей и магометане прирожденныи, обрѣзаніе имѣють; знаи же и гражданство, уставы обученія и обходенія, именованіе и знаи знаменія радостная; но сей народъ ниже законная, ниже гражданская уотребляетъ обычай: егда имъ родится чадо, тогда бѣдствующій невѣжа Остикъ недоумѣвалъ родившемуся отротати наложити имя и наректи е, но исходятъ отъ дому своего, искаа путь шествующихъ въ близкості себе

христіанъ: иногда по случаю обрѣтши, молитъ я названсво-
вать родившееся какими именемъ, и поему множество слу-
чыся зрѣти русскими именами нарицающихся въ своемъ ихъ
завѣрѣн. Егда же случай недоумѣнію его не подасть по-
мощи уюлити ѣзскать себѣ у каковыхъ людей имени, тогда
что первое узрѣти изшедши изъ дому: птицы, звѣри или что
ни будь, тѣмъ именемъ родившееся нарицаеть. Имѣють и сей
въ недостаточествѣ обычай, яко по числу рождснїа нарицають
свои чада: первый, второй или третїй сынъ, женскому же
полу никакихъ именъ на налагають; егда же въ супружество
примельется, тогда налагаются имена ей своимъ нарѣчїемъ:
анка, се есть жена.

Г. Жены ихъ имѣють при рожденїи своемъ аки бы за-
конное уставленное, еже воспрышна отъ правообычавъ ста-
рѣйшимъ своимъ: имущая бо близъ время родити исходить
отъ общаго жилища и входитъ въ нѣкую особную хижину,
идѣ же мужескъ полъ не имать входить; егда же родитъ, тогда
три недѣли и ващше должна въ ономъ пребыванїи удержа-
тися не входи тамо, идѣ же мужескъ полъ пребываетъ; окон-
чавше же время подлежащее, огнь возгнѣтїи вмѣсто очи-
щенїа, чрезъ оный триждїй прескочивши входить въ общее
пребыванїе мужа своего.

Д. Аще обще всему миру десница Вышняго предустави
предѣлъ въ болѣзни родити чада, здѣ тожде всемогутства
Его десница призри рода сего. Острѣйшее и нуждѣйшее паче
естества человѣческаго житїа мнїтся, яко снабди і облагчи
тяжесть сію. Жены бо ихъ обременени, иногда зимнего вре-
мени (яко здѣ подъ студенымъ кругомъ зѣло люта зима бы-
ваетъ), принужденны нѣкоихъ ради нуждъ отъ жилищъ пре-
ходити на нныя мѣста. Случаетъжеся путь шествующимъ ро-

дти на пути, но снѣмъ пренатіамъ недугамъ не удержитъ пути своего: рождѣшееся отроча и болѣзнь въ рожденіи тогожде часа снемъши отъ земал, отерши снѣгомъ, и деть въ предлагащій путь. Отроча же полагаеть себѣ къ грудамъ за одежду, еже есть налимін козаны, изъ кожи рыбы, варицаемой налимъ, обычно утворяеть себѣ; толкой же естъ теплоты одежда сія, елико бы на жестокомъ мразѣ безъ иниця одежды содерашать теплоту холстинам рубанка; егда убо и пакы отъ жестокихъ вѣтръ поражаемо отроча начеть вопити, тогда и пакы въ снѣгъ повергши отярзаетъ и тѣмъ облегчаеть жестокость мрза и вѣтровъ. Снѣгъ же і обучаеть во острое і жестокое житіе, яко сіе добрѣ истенствоватися можетъ. О обыкшихъ терпѣнію, не бываеть терпѣніе, и вышше мразъ і обычаѣ, неже самая природа можетъ.

Ѡ. Простъ и дивнй народъ сей вышше правообычаемъ своимъ зѣбранодобенъ, чуждается, отбѣгаетъ всякого обхожденія съ иными гражданы, обыкль вышше въ пустынныхъ обитати хѣстахъ, иногда бо едина, иногда двѣ юрты, еже естъ жилища ихъ, въ пустомъ поставляютъ мѣстѣ; бываеть же и множество юрть въ собраніи: обаче сяхъ что близъ селеній градовъ Тоболска и протчихъ обитають, и имѣя селенія своя, съ гражданы мало что обычны; а яже въ дальніа страны и пустыи удалинася, сіа зѣло дивнй. Обще же всѣ никакихъ писменъ и ученія не имѣють, ниже прыемають, сего ради ниже уставленія казовъ, ниже законоположенія содеражать, но правителствується естества закономъ, иже естъ природное познаніе зла и добра, и сими противно себѣ дѣло узнאותъ, зло и несправично. Содеражать же твердое основаніе естественнаго закона, междуособное друголюбіе, на семъ бо законъ естества содеражится, зане же итворенель друголюбіе,

разораеть твердь естественнаго закона, яко же убійство и вина противозаконная искореняють другоячье, разораеть твердь естественнаго закона. Но сей народь остицкій добръ хранящи естества законъ и многія на семъ утверждаху добродѣтели, не слышится убо между има крадежь, убійства и иныхъ обидь другъ другу содѣлающихъ: однако же, не безъ злоключенія каковаго, приключается бо иногда противозаконная, но на таковыхъ творачи вѣло жестокой и отъ среди себе извергають.

5. Паче же всего мнози хранящии суть истинну иногда бо нуждъ ради своихъ одолжается вѣкоему заимодавцу, но злоключеніи же вѣкимъ впадши въ крайнюю ницету не имѣя чымъ должное отдать; заимодавцу же иногда случается не утвердившу ни писаніемъ, ниже свидѣтелиа должнствующаго себѣ, древностію же замедлившу не ницеть. Обаче сему виновный должникъ острою и коварствомъ отвестися ложнѣ сокрытиса или утайти себе но во истинну рекушу, и простоуміемъ своимъ принесше вину не имѣя чымъ должное отдать, жену и чадъ своихъ въ вѣчную заимодавцу предаетъ работу, и такимъ обычаемъ древностію пришедшая долги по прародителехъ и отцехъ и своихъ никакова имѣнія наследники не приемше—заимодавцемъ своимъ истинствуютъ и отдають должное безъ всякаго ухищренія. Въ такой убо простотѣ и беззаконіи хранящиса многія добродѣтели приводать мнѣ помянуть и узритъ въ семъ народѣ, рекии иногда Апостоломъ: яко беззаконна быше, обрѣтають законъ хотящій добръ творити.

3. Они писменъ бо никаккихъ не имѣють, промысли же своя и обхожденія съ російскими людьми содержать, и въ нуждѣ своей помоществованія отъ нихъ употребляютъ. Въ мѣсто же заемныхъ писаній иногда принужденны знаменіемъ

нѣкими рѣку свою подписать. Тогда употребляютъ сего обиховенія, имѣють знаменія нѣкая: или взоры на рудѣхъ и персѣхъ, или на позѣхъ, яже въ различныя виды и черты черностію сице изображаютъ еще здѣтска рудѣ или позѣ или на персѣхъ иглою до крове избодрше сажено съ иными утварими тако крѣпко натирають, яко сотретися до кончины его не можетъ. И сихъ употребляютъ знаменій яже вмѣсто подписанія рукою своею черты свои выписують и заемная утверждаютъ писанія.

Не только же се имѣють сего ради употребленія, но почитаютъ се за украшеніе нѣкое, и женскій бо ихъ полъ таковжде рудѣ себѣ изнещрають и украшаютъ таковжде единою черностію, но излишше различными видами и взоры птицъ и звѣрей сіе изображеніе изображаютъ.

И Не только же сей народъ писменъ не имѣа, яко же прежде воспоминахомъ, но ниже юзого хитростнаго рукописанія употребляютъ. Обще всиѣхъ едино руководѣніе, стрѣлянне звѣра, ловленіе птицъ, рыбъ, ими же себе препитать можетъ. Сихъ убо хитростей и чада свои изучають и отъ младыхъ воитей привраждаютъ и къ стрѣлянню изъ лука убивати звѣра, къ ловленію птицъ, рыбы обучаютъ ихъ; ничимъ бо инымъ чрезъ все житіе свое не упражняется, яко симъ единымъ промысломъ, и таково хитростно въ своемъ руководѣніи изучены, яко всель въ младости своей изучился лукъ себѣ изъ древа и стрѣлы самъ дѣлаеть и найверѣчайныхъ звѣревъ: медведя, лосей, сленя убивать, тожде дражайшихъ соболей, лисицъ, бѣлку, птицъ всякихъ, не только на водѣ плавающихъ, но по воздуху лѣтающихъ, въ самомъ лѣтаніи стрѣлами улучають, и се обще всиѣхъ едино руководѣніе: не желаютъ явовыхъ хитростей изучатися, симъ бо довольны, имъ же могутъ препитати житіе,

но вѣщше же полагаются въ ловленіи рыбѣ, оныхъ бо множествомъ здѣшняа палестина свободнѣйшее и скорѣйшее жителемъ своимъ даетъ прѣпитаніе.

Ѧ. Паче всего повседневная ихъ пища отъ рыбѣ; зане скорѣе сіе имѣти могутъ, и всегдѣшнимъ ея употребленіемъ питаются. Лѣтнимъ убо временемъ жителствуютъ при водахъ, зане паче при великой рѣкѣ Обѣ, иже своимъ пространнимъ разширеніемъ множество различныхъ родовъ рыбѣ содержитъ, не только жителей своихъ Остацковъ, но и всю сію палестину доволствомъ изрядныхъ рыбѣ питаетъ; облажаціи же ю брега преславныи суть доволствомъ звѣра, на сихъ бо частыи лѣсъ, рѣтко равныи мѣстыа, но частыи ровы, долины самородныи, аки рукою человѣческою ископаны. Темнота убо сихъ мѣствъ питаетъ множество звѣрей, и весьма всѣмъ доволствомъ сіа преславная рѣка питательница есть Остацкому роду. Присѣдти же сіи чрезъ всю лѣто упражняющеса ловленіемъ рыбѣ, и якоже вѣщши въ хлѣбородныхъ мѣстахъ собирають плоды земли, приутоволяя на зимнее время сами питаются, тако и блѣдствующій Остацк въ пустыи безплодныхъ сихъ мѣствъхъ рыбѣ на всю зиму собирають и своимъ обыкновеіемъ рыбѣ изрядную, муксунъ названную, и прочая, безъ соли такоу усушуютъ, что чрезъ всю зиму содержатися можетъ. Нарыцають же сушеную поземи. Егда же хотять себе сладкоостіежъ насытити, тогда употребляютъ жиру рыбѣго, еже въ большихъ сосудѣхъ берестыныхъ держать, сего же вземше смачиваютъ поземи своя въ сытость сію и сами прѣпитныи себѣ сластми доволныи бывають. Иногда довольно жиромъ самымъ наиваютъ себе, особнѣйшее себѣ почитаютъ избраннѣйшее ястіе, еже варку нарицають. И только сіе въ началнѣйшихъ приутоволяются во время пированія

страшнаго ихъ, се же сице утворяють: вземше утробы отъ разныхъ рыбъ, не очищая оныя, со гноемъ въ сосудѣ каковѣй полагають, таможе довольно жиру влившы, на огнѣ смажить, даже очернѣть. Тогда снемше услаждаются сими сластями и мнать, яко такового сладкоястія нигдѣ обрѣсти не могутъ. Аще самой сирадѣ астіи сего далече отъ себе всякаго обращаетъ, обаче имъ обывнымъ сладко, приятно есть. Се же за обычай имъ есть живу рыбу вземше отъ воды асти, найначе же мнать полезнѣйшее здравія сыро съ кровію асти, неже уваренная, или печеная; зимою же мразниа рыбы наче всего приятны вкушаютъ.

Г. Скучность въ пищи и недостаточество воспоминаеть довольно множество птицъ: лебедей, гусей, утокъ и разныхъ родовъ птицы. Великія бо здѣ воды и блатныя мѣста, угодная же умноженію ихъ: производятся многоплодно, яко довольно скудному народу сему питаются мощно. Упражняють же ся ловленіемъ оныхъ птицъ лѣтняго времени, найначе же въ послѣднихъ числѣхъ іюня. Здѣ бо въ то время птица лишается перія, къ лѣтанію же немощна, въ довольное Остяку попадаеть препитаніе. Въ сію бо удобное время скорые старья съ птенцы уловить могутъ; осбннымъ же временемъ тожде ловленію птицъ присядеть, и тогда довольнои промысль въ ловленіи ихъ имѣють, зане въ то время перемети или сбѣга, на то устроенными, множество птицы улавляютъ; зимнимъ же временемъ пищу и промысль держать звѣра убивать, еже и обычнымъ оружіемъ изъ лука всякаго звѣра убиваютъ; мяса же всякаго звѣра: медведа, лоса, елени и прочая ядятъ.

И. Яко же бо всихъ сіа великая рѣка Обь препитаніемъ и пищею воспоминаеть Остывовъ, тако и жажду ихъ утолить

довольна есть, заве много питія не имѣютъ, обскою только удовлетворяютъ себе водою. Паче же всего употребляютъ табакъ китайскаго, его же нарицаютъ шаръ. Сего надъ вся дражайшій и нужднѣйшій, здравію же своему мнать быти полезнѣйшій. Употребляютъ же сего необычно: мало воды въ уста возьмеше, чрезъ воду дымъ въ себе глотаеть, ни мало отъ устъ испущая, и тако онымъ поражается, яко гесь трепещя трясется, бледнѣеть; иногда падаетъ аки неистовствомъ и черною пораженъ немощію, донелиже прійде въ себе. Обаче же за искуснѣйшее и полезнѣйшее себѣ содержать врачеваніе. Употребляютъ же сего всё обще мужи и жени, и чадомъ своимъ младымъ сегожде удѣляютъ врачеванія, надѣтка покрываютъ сему, заве сіе употребленіе табаки есть имъ сею помощію, что мокроту природную, умножающуюся отъ повседневнаго ястія рыбъ и жиру рыбьаго, истигаетъ тотъ табакъ и иссушаетъ мокроту сію.

Ѫ. Нерадивый же сей народъ нимало имѣеть о имѣніи своемъ попеченіе. Жилища свои юрты имѣютъ на двоє: лѣтнія и зимнія; но сія вся немногимъ изживеніемъ удобна себѣ утворяютъ: яже суть зимнія, сіи обычно при лѣсахъ полагаютъ, создають же и четвероуголнѣ, внутри оныхъ около ложа свои имѣютъ, посреди же огнь полагаютъ: безпрестанно умножаютъ и присядятъ сему, согрѣвая нагость свою. Лѣтнимъ же временемъ при водахъ поставляютъ берестяные юрты, походячіе яже съ мѣста на мѣсто безъ тяжести со собою переносити можеть; такимъже обычаемъ создають, только не тако огнь, яко дымъ безпрестанно хвастіемъ умножаетъ для рыбы; юже усушаютъ на зиму: понуждаетъ же скудость и нищета ихъ зимнимъ и лѣтнимъ временемъ съ мѣста на иное селеніе переходити, ниже удержать неудобное

лютая зима время, ничтоже бо противно возбранить въ сѣбѣ, или въ расщѣпинахъ ледоватыхъ утворяетъ себѣ жилище и пребываетъ, ниже домашнихъ вещей собраніе, сосуды и прочая, отягчевашей тяжестью своею удержать отъ частаго преселенія, но сіе обычное его собраніе—сосуды берестяны; главнѣйша же и нужднѣйша—сѣти, стрѣлы, луки, лотки; не у слагаго же тоноръ, не до зѣла обтягчаютъ его, но вѣдше нищета такой его обучаетъ легкости.

г). Умноженіе скота и воскормленіе овецъ, коровъ, лошадей не обрѣтается въ нихъ, ниже о семъ попеченіе какого имѣютъ, но весьма крайнѣй прилежать скудости; инии же мощнѣйшии множество еленей содержать, аки домашній скотъ, ихъ же употребляютъ вмѣсто лошадей, наипаче скудость въ семь и нужду еленими удовлетворяютъ, и во вся путь шествія своя еленими отправляются. Камо же путь свой похощеть имѣти, елени залажа въ сани идетъ конимъ, на то особныи устраиваютъ, юже нарты парятъ. Обще же всѣ не только еленей, но псовъ употребляютъ въ путешествіе и по пяти, и по шти, и дванадцать до единихъ нартъ закладаетъ псовъ; нарты же сіи въ длину три аршина, въ широту полъаршина, зѣло легки, полагаютъ же на сія такую тяжесть, яко не возможно вѣрнати, чтобы тяжесть сію поднять можно, и такъ скоростію въ пути поспѣшнати псами, могутъ бо въ день пятьдесятъ и вѣдше ускорити версть. Не только же тамошніи жители, но и всякъ преходящій пришлецъ еленими и псами путь свой здѣ отправляетъ: инако бо ради многихъ и высочайшихъ сѣбговъ невозможно, зане лошадь въ тѣхъ сѣбгахъ тако погразнетъ, что ниже изыйти возможно, елень же и песь легкости ради своя не погразаютъ.

д). Остатки, а наипаче самодѣ, не только зимнего времени,

но і лѣти употребляютъ саней, но на лѣтнее время особѣи устраиваютъ сикъ: полозья подбиваютъ вошею еленею, юже взимаютъ съ самыхъ голеней еленіихъ, и подбиваютъ оныя, ими же касаяся земли гладкостію сію легчае и скорее поспѣшнѣи биваютъ. Легкости же такъ безмѣрной суть, яко одною рукою возможна поднять и бросить на воздухъ. Сими не только по земному пути возимы биваютъ, но гдѣ набегнуть воды и большіи рѣки—пускаются безопасно. Елень бо со оными чрезъ рѣки переплывая перевозитъ оныя и сѣдшаго на нихъ.

ѣ. Земля аще всему питательница и многія изрядныхъ плодовъ изобиліемъ ущедряетъ, обаче сему народу скудна подаваніемъ, зае дивнымъ питається зеліемъ, а плодовъ никакихъ не произноситъ. Сего ради не имѣютъ земледѣлія, ниже употребляютъ каковыя сѣмена, но сими доволны дивнымъ креніемъ, что земля подъ студенымъ кругомъ съ камня вразомъ заледно могуца есть и сія произноситъ. Женн ихъ, не имѣя конюсель, нужду и недостаточество свое удовлетворяютъ полнымъ зеліемъ: отъ кропивы бо зѣлыми хитростіи истягуютъ нити, изъ сикъ холсты утворяютъ. Отъ нихъ же содѣлаваютъ себѣ пологи для сохраненія комаровъ, за множествомъ бо комаровъ, мухъ и прочіихъ, невозможно безъ пологовъ пребыть; сышиваютъ же себѣ и рубашки отъ тогожде кропивнаго холста и украшаютъ я различными нестротами, вышивая нитми разныя взоры.

ѥ. Одежда ихъ обще изъ кожъ рыбъ, найпаче съ налима, иже подобенъ сому; тожде съ осетра и стерлядей одерше кожу только трудами своими умягчаютъ, яко могутъ все одѣваніе себѣ изъ нихъ сошить; обще же, изъ налимиѣи кожи—кажаны, съ иныхъ же чулки, сапоги себѣ утворяютъ. Зимнего же вре-

мени моднѣйшими имѣлиемъ и парочками съ еленьихъ кожъ одежду и салоги съшиваютъ и верхнюю одеждою заедино главу и самого себе покрываютъ. Се же противно зѣлной укрываться стужи, нищета же и скудость не всякоу такой свободно попускаетъ имѣти одежды: нмыи бо и зимнего времени лютость тажчайшихъ хладоу въ назимемъ претерпѣваетъ кажанѣ, и въ таковой нищетной одежде исходить отъ жилищъ своихъ въ дальныя страны пустыя, лѣса, промышляютъ звѣрь соболей, дражайшихъ черныхъ лисицъ, горностая, бѣлку, въ которыхъ вещехъ драгость всякъ взирая, промысль и труды бѣдниковъ оныхъ списаемую ихъ же вида скудость, прилично сіе помянуть имъ Овидіа:

Собираетъ члени соты; но отъ трудовъ лети,
 Круница имъ даются, ввышъ же вся части,
 Ни себѣ сладость сію члени собираютъ.
 Горестъ трудовъ пріемно, нмыихъ услаждаютъ.
 Такъ и Остякъ бѣдникъ, съ зремными труды
 Собираетъ драгость нубъ украшаютъ, жидѣй,
 Саму вагъ горвой нищеты вся повеситъ злости,
 Вѣсть скуденъ, една кожа, вода кажею кости.

Зѣлная же скудость попускаетъ и отъ птицъ, гусей, лебедей здирати кожи, аже по своему обыкновенію выдѣлываютъ израдно, болнія истребивши перя самой толко оставше пухъ; трудами же своими кожу умачиваютъ и составляютъ шубы; сія же и теплыя глаголютъ быти, аще и скудость зѣлна преодолѣваетъ, обаче красоты желаніе понуді и особнѣйшія для украшенія утворати одежды, наипаче женскій полъ тщателенъ о семъ: утворяютъ одежды своя иногда изъ суконъ обычаемъ тѣмъ же, что и мужи, токмо должайшмя, даже до самой земли; украшаютъ же цаты отъ олова въ низу и наколо цату блявъ цаты повязая; оныя же суть изліянны въ подобіе зморозъ; на главахъ же имѣютъ покрывала изъ тол-

ствъ, вса различіемъ цвѣтовъ изшита и изнещрена, сямъ не только главу, но и лице все покриваютъ, да не явлена и зрима будетъ иностраннымъ лѣнота лица ея, зане ижѣютъ се знаменія стыдѣнія; аще отъ иностранныхъ лѣнота лица зрима бывастъ; обще же всѣ вѣнчаще украшаются червленными одеждами, зане той цвѣтъ пріятенъ имъ зѣло есть, отъ суена ли или отъ кажеи, яко началѣйшихъ оныхъ жены употребляютъ камчатихъ одеждъ, но всегда червленныхъ.

§1. Разньствіе чина между има малое зрится, всѣ бо въ единоравенствѣ пребываютъ; только се внеситъ имъ чина разньствіе, егда кто имѣнемъ паче иныхъ знаменитѣйший: того за началѣйшого себѣ почитаютъ и сією титулою чести почитаютъ его князь. Повинуются же отъ друголюбнаго себѣ произволенія, вѣще неже властію и силою законоуложенія каковаго покоренны. Бываху же иногда природныя ихъ князьки, но снхъ родъ древностію пресѣтеса; аще и҃цыи и остана отъ племени рода княжеска, но не имѣютъ первыя своея власти правленія, ни дани отъ нихъ взимають, ни правовластіемъ судити имать, но вси за едино подъ правленіемъ комендатовъ по городамъ указомъ Царскаго Величества уставленныхъ обрываются. Имѣютъ же своя всякъ князьки предѣлы и по разнымъ рѣчьахъ особитѣйшая своя улусы; отъ рѣкъ же названіе свое себѣ употребляютъ, яко отъ Сосвырѣки—Сосвинскій князьки, отъ Ланина—Ланинскій, и прочая. Сямъ обичаемъ чыновъ ихъ власть и должность сія есть: дани отъ себе належащыя и отъ поручныхъ своихъ собрать, принести въ городъ комендантомъ и отдать въ казну Царскаго Величества. Судовъ же главныхъ никакихъ промежду собою не судятъ, но властію комендатовъ, до каковаго присуду какова волость принадлежить, судъ и розправу

окончаваютъ; и дани отъ нихъ, яже они своимъ языкомъ ясакъ нарицають, яже ли замедлеть, наказаніемъ и жестокою исправляютъ.

И. Аще скудень и нищетою отвсюду одержимъ сей народъ, но ясакъ или дани ихъ дражайшия, обаче труды ихъ и промыслы премноги богатства въ казну царскую собирають; зане ихъ промыслы весь звѣрь: соболь, черныя лисицы, яже дражайшею красотою своею изъ цѣны выходятъ, бѣлка, горносталь, песцы, бобры и прочая различныхъ родовъ звѣры въ казну Царскаго Величества приходятъ. И сими израдѣйшими вещми не только во европейскихкихъ государствахъ преславно государство Московское, но во Азии высокія славы есть, зане государство Китайское чрезъ торговня промыслы сими израдными вещми довольно наполняютъ, а оттуда безмѣрныя собираются богатства: злата доволства, драгихъ камней, камокъ, шелковыхъ парчей, сосудовъ фарфурныхъ: вси же сіа едиными прежде реченными товарами, яже отъ дани і промысловъ народа сего имѣють. Дани, имъ налагаемія, свецевымъ чиновъ расположеннымъ: яже низъ по Оби, сіа обложены вси кто лукомъ промышляетъ въ единъ соболь знаменитый въ именіи: по три соболя въ годъ, соболь же поставленъ цѣною по семи гривень. Се же сего ради, яже не получить соболя, или не похощеть сободемъ дати, то въ koliko соболяхъ обложень, толико по семи гривень въ казну Царскаго Величества должны отдать; бываетъ же иногда благополучна цѣлая волость, что единою черною лисицею, яже нѣдши мраморкою нарицають, всю свою должность вынлатати можетъ: суть бо сіа яко безмѣрной красоты, тако и дражайшей цѣны, во сто рублевъ, трехъ сотъ и выще, яко же и прежде рекохомъ, инакъ драгостию своею изъ цѣны

выходить. Какимъ убо отъ ихъ промысловъ собираются въ казну Царскаго Величества приходы, всякъ свободно и извѣстно уразумѣти можеть. Суть же нѣдци на хлѣбородной земли, наипаче около Тоболска, сіи вѣдше обложены: всякъ, кто своимъ домоу, по два и по три рубля обложенъ въ годъ, заве онии и отъ плодовъ земли собирають имѣніе, и скотомъ полны, на зѣбрь и на рыбу доволны.

Ѣ. О всѣхъ сихъ прежнихъ народа сего извѣстившихся обыкновеніяхъ и обхожденіяхъ, прилежеть и о супружествѣ ихъ помянуть. Супружество ихъ никакимъ не утверждается по ихъ зловѣрью законнымъ уставовленіямъ, но на произволеніе и уговорахъ самихъ состоится. Егда бо хощеть кто повести себѣ въ жену у котораго дочерь, тогда отецъ дщеры поставляетъ оной цѣну, аже, по ихъ, калымъ нарицается. Совершивше же договоромъ и утвердивше оный калымъ, назнаменанный оный зять, егда хощеть зарученную себѣ невѣсту привѣтствовать, долженъ сохрании сей обычай, чтобы не лютственнымъ лицемъ, но обращеша плещми своими входилъ въ жилище тестя своего, ниже изираи держати на лице его, но ускораеть на мѣсто, идѣ же она зговореная сидитъ: се же обыкновеніе въ знаменіе смиренія есть противо родителей. Мнати бо аки новому сему усмысленному не достовѣт вознесенными очесы взирати на лице отца, а наипаче матерѣ извести своея. Калымъ обычно поставляется во сто рублехъ, противо же сего назнаменованный зять вещи своя полагаетъ нужднѣйшая: лотку, лукъ, пса, и отдаеть я тестю своему въ цѣну, самъ же по своему изволенію платежчикъ своя вещи одѣлеть и ставитъ лотку въ шести и десяти рублехъ, и прочая. Такожде безмѣрною высокою поставлеть цѣною бездѣлныя своя рухляды, донели же звесъ устав-

ленный исполняется казимъ; егда же исполнить, тогда отецъ поемлетъ ю и отдасть затью, наказуя да сохранить союзъ любви повиноватися мужу своему; аще же казимъ весь не исполнить за скудостію своею, то не можетъ отецъ изъ дому своего дщери отпустить оному. Совокупно же съ нею свободно въ дому своемъ не возбраняеть пребывать, довелиже весь казимъ заплатить, и иныхъ же обхожденій не имѣють, ниже пированій каковаго; только отпущая изъ дому дщерь свою въ жилище мужа, покладаетъ на оную шубу; аще ли отъ парочытыхъ, то вслѣски ицеть червленою почтить одеждою. Имѣють же женъ толико, елико кто можетъ пренитати и казимомъ заплатить; свободно же жены своя имѣють заложить, дать, даровать и продать, отпустить и инныя воспримать, и такому обыкше беззаконію многія жены по двѣ и по три, и елико кто можетъ держать.

К. Такоее ихъ презлишнее жеворачительство, яко всакъ отъ нихъ нестовою похотію понуждаемъ содержать многихъ женъ, такоее же ихъ во всемъ неужѣренное житіе, необычная повседневная пища: рыба, жиръ; хлѣба же, сердце укрупляющаго, нимало вкушаютъ; питіе едина вода, и инная перадивая и гнѣсная въ житіи обычай несведоша ихъ впасти въ такойъ нескзѣльный нечистоты недугъ, иже мнитися быти проказа, или весьма нечистость, толико же люта, яко живу челоуѣку гнилостію сѣдаеть уста, носъ, ноги, и многимъ все тѣло, даже до костей сѣдаемо бываетъ. Жестокою же сею язвою вшишая ихъ часть поражена, не опасны бо въ такомъ своемъ зловредителномъ недугѣ, но всѣ единокупно пребывая единъ отъ единого заражается. Нерадивыхъ же о семъ немало: егда кого начинается сія болѣзнь лзвити, тогда начало вредителному сему недугу никакогого не ицеть

врачеваніа, и не только имѣють попеченія о исцѣленіи, но иже ради облегченія болѣзни лзвы согнившія чымъ прикрывать. Но не ради о семъ, берестомъ гниющею обившъ лзву, за промысломъ въ далное разстояніе или гдѣ въ путь идетъ, и доселѣ ходить, донеліже весь согнившю сію лзвою пораженъ надеть. Удивленіе есть необычное разумной твари въ болѣзни такъ жестокой о себѣ перадрѣіе. Лубомудрецы, иже о естествѣ звѣрей изыскають, свидѣтельствуютъ, что звѣріе, егда лзвою якою поражаемы бывають, ищутъ отъ земли яковаго врачеванія, чымъ бы исцѣлить наносныя лзвы. Пестъ лзвы своя лижуще облизаніемъ сию отъ лзвы взимаютъ и врачеваніе лзвѣ своимъ приносятъ. Но се тварь, аще и разумная есть, обаче по естественной самого себе любви никакого о своемъ здравіи не имѣють попеченія; но доселе съ лзвою гниющею ходить, донеліже всё тѣло гноемъ въ конецъ истощится. Вратъ же души и тѣлу, Господь да будетъ животь и исцѣленіе роду сему, зане зѣло во младыхъ лѣтахъ такимъ пораженіемъ недугомъ безвременно лишается бытіа.

Ка. Только зловредителная лзва народъ сей смиры, яко зрится неугоденъ до воинскихъ дѣлъ, и самая природа вящше тренетныхъ, а неже мужественныхъ являетъ. Обаче знаменія воинскихъ дѣлъ: шабель, панцеровъ множество обрѣтаются, но вся сіа ветхая, а наипаче при кумирахъ, и отуду являетъ, что древнихъ лѣтъ народъ сей упражняшеса воинскими дѣлами. Древнихъ же писателей о семъ ничтоже обрѣтохомъ, только писавшій ижекто о востаніи Сѣбири Ермакомъ Тимофѣевичемъ воспоминаеть о дерзновеніи ихъ. Егда по убіеніи Ермаковомъ и наки Татаре, Алей, сынъ царя Кучума, и князь Сейдакъ градъ Тоболскъ пообладаша, Россіи же, во второе лѣто по убіеніи Ермаковомъ, съ восво-

дою вѣкимъ Иваномъ Мансуромъ приняша подъ Тоболскъ, вѣсти же въ оныя за множествомъ непріятелей и крѣпкимъ ихъ возбраненіемъ не возмогша, во пустышася низъ по Иртышу въ Обь, въ сію воспоминаемую Остяцкую страну, и озимиша плаваніемъ своимъ, и поставиша на устьяхъ Иртыша ограду вѣкую пребыть въ ней зимнее время; Остяки же въ предѣлахъ своихъ не восхотѣше поустити, приступаху крѣпко ко оградѣ сей со кумиромъ, его же помоществованіа ради вѣша; егда же отъ Россіянъ слышася изъ пушки пораженъ и сокрушенъ бѣ идолъ, убоишася видѣше сего сокрушенна, его же заступленію и помощи себѣ воираху, бѣгствомъ отъ Россіянъ отступиша, и только о дерзновеніи ихъ извѣщенія. Егда же и наемъ побѣдоноснымъ оружіемъ вся Сибѣрь подъ областьъ російскому скипетру пріиде, тогда и народъ сей зѣло великому порабоженъ смиренію. Имѣ же вѣще ихъ смираеть томъ неизцѣлный недугъ, вже всегда множае попуждаетъ вондыхать въ болѣзни и частее отъ сего погребателнаа внимать сѣзованія.

Кк. На погребаніи своихъ умершихъ имѣють отъ зловѣрія древнихъ своихъ старѣйшихъ законоустановленныя обичая. Егда кому отецъ, или мать, или мужъ жены, или кто въ племени свойственикъ отъ живыхъ прейде, тогда проводнише его сродники до погребенія въ знаменія сердечнаго жалѣнія терзають власы свои, и елико возможно погтми одираеть лице свое до крове. Власы же окровавленныя мещуть на умершаго, зане зловѣриемъ своимъ чають, яко душа по несколько днехъ прійдетъ рассмотреть знаменія болѣзней, отъ нихъ же праведную умершии и себѣ любовь свойственныихъ своихъ вземшии и въ ономъ вѣци вѣчне благодарить не устане. Имѣнія отъ частей, а наче нужднаа въ житіи: одежду, лукъ,

стрижи, топоръ, котель и прочая съ умершимъ во гробъ полагають. Се же приѣзда обыкновенія частію отъ Чуцкаго, прежде обитавшаго здѣ народа, частію сами своимъ зловѣріемъ имѣть, яко по смерти житейскаго употребляють нища, сего ради и вся нужная въ житіи съ собою полагають. Странный же, безуміа и безстыдія исполненный обычай, иначе жены ихъ по смерти мужа своего содержать. Умершу же мужу, жена приѣмъ одежду его иѣкую, изѣйше себѣ отъ древа наподобіе человеческого кумира, полагають на сего одежду мужа своего и прибирають утварами въ подобіе умершаго, поставляютъ же его на мѣстѣ, гдѣ же обикль бывше мужъ ея сидѣти; вся же, что ему живу быти угоднаа блху нища иѣкая, сіа сему бездушному древу усердно уготовляетъ и на перьомъ сѣдалища своемъ, гдѣ же присѣдять—примать пищу, и его зъ собою положше, объемлетъ, лобзаетъ кумира сего, аки жива мужа. Віруеть бо умершу вся сіа видять и душа умершаго изогда въ сего утвореннаго идола вьходить. Содержають же сіе чрезъ нѣкое время, чрезъ годъ и ващю упражняючися симъ безчиніемъ, послѣди же идола со всѣмъ во одеждѣ скриваетъ въ землю, провождающе съ плачемъ и жалостію.

ГЛАВА І.

О злочестіи идолопоклоненія.

А. Зловѣріе ихъ, вѣдше— самое беззаконіе и самыя крайныя мерзость запусѣнія, въ такую бо естествонаго ихъ ума свѣтло паче безумія безду, яко ниже изчислѣти ихъ нечестиваго многобожія людей, егда уклонѣнася въ путь беззаконія, весь сѣхъ идоложенствова сонмъ извалѣну поклонѣся телцу въ Вавилонѣ, тѣлу златому поклонѣхуса. Елины же Крону, Юнони, адѣ же едѣнѣ народъ сѣй, но всакъ отъ нихъ измѣнише славу негѣннаго бога въ подобіе птицъ, гадовъ, различныя утворѣху боги: ныи поклонѣхуса кумиру по подобію звѣрѣну, напаче медвѣдѣ, ныи же въ подобіе птицъ: лебедѣ, гусѣ, и всакъ по своему пристрастію, до чего вѣщепри страстенъ естъ, боготворѣти, и толико безстуднаго многобожія— елико умомъ познаваху тварей, толико подобѣя изображаху боги. Инаѣ же безвѣстнаѣ подобія творѣху, ни отъ звѣрей, ни отъ птицъ, но гѣкія лежѣція въ зѣбѣхъ древища, повѣтъя кожею, сукномъ и холстомъ, посреди же часть стекла зерцалнаго уложено, боготворѣху, и прочіи. Откуду же сіе въ нихъ такое различіе многобожіе вѣйде, мнѣтъся, яко желаніе скверно прибытчества нанесѣ имъ сіа.

Мнози бо отъ нихъ злехитрецы желающе чуждыми обогатитися трудомъ, дивно разлитная новыя утворяють твари, боготвораше, да сими вѣще новыми твари дороприношенія и почитанія сѣбнотствующій приведесть народъ, новостію бо и дивностію прелщены, вѣще влекомы бывають до частаго видѣнія оныхъ, сихъ же приемають обычаи дороприношенія скверныхъ жертвъ, частымъ же приношеніемъ самодѣлцы мнимыхъ боговъ со жерци довольно сыты бывають; сего ради скверно прибытства многіе оныхъ жерци, по ихъ нарѣчію шаманчики, въ вѣчное діавола порабощеніе и союзъ единодѣйствія волхвованія и мечтѣй себе вдадоша.

К. Жрецъ ихъ и всякъ самодѣлецъ кумира, или настоящихъ по наслѣдію отецъ или сродникъ своихъ державецъ идола, чинозства же преодѣлительнаго по своему злодѣрію никакого не имѣють: кто утворить или содержитъ идола, или себе претворить ревностію около идоловъ всегда уражались, низначе егда кто обще отъ всѣхъ вѣще разумѣти мнится, то и жрецъ бываетъ. При глазныхъ же кумирахъ (о нихъ же послѣднѣ извѣстимъ) особъ преодѣлительныхъ и уставленны бываху, всегданніе стражіе сіи і жерци почитаються. Чына ихъ должность всегда быти служителемъ лжи, иногда бо скудость въ препитаніи посраетъ лестію народъ до приношенія жертвъ, объявляя аки бы сего требуютъ мнгими ихъ боги; егда же похощетъ кто зрѣти, тогда приводятъ скота или звѣра, надъ онымъ же жрецъ басвословитъ гвнїя, моля, да подасть изобилно ловленіе рыбъ, звѣра; самъ же помоществуеть жрущему до убїенія скота, и за трудъ сей часть сѣдаетъ съ жрущимъ. Суть же нѣдци, иже мечты нѣкія и волшебства творять, предавшия въ вѣчное порабощеніе сатанѣ, и обычно будущія хусаться предвозвѣщати. Егда же сихъ

молитъ вставленіи, кѣмъ кумировъ почитаніемъ учредить, всякъ бо жрецъ притворяетъ себѣ особнѣйшее имѣть со своимъ кумиромъ союзство, аки бы ему всегда нужная требованія мнимыхъ боговъ объявленна суть. Сего ради аще кто по своему зловѣрію здравія ради, приобрѣтеніи имѣнія, въ нуждахъ отрады яковаго хочетъ молити кумира, тогда жерцу онаго объявляетъ намѣреніе свое приносити жертву и приметъ извѣщеніе, что пріятнѣйше требуетъ бездушный той истуканъ—пированія ли яковаго, одежды или иныхъ нужднѣйшихъ, таковыми дары и почитаніемъ кумира и снабждается. Обще же народъ не всегда зиску извѣщеніе отъ жерцовъ, но сами приносятъ кумирамъ различная утвари: холсты, сукна, множае отъ кожъ звѣриныхъ и рыбьихъ, и оными въ почитаніе принесшими повизаються, иже только сими странными рублици утолщаются, яко въ пятидесяти аршинъ толщиною бызаютъ; дрова же самаго извѣчнаго ве вяцше поларшина; весь же разшыренъ искони приношеніемъ тѣхъ утварей, ими же повизають. Тако обрѣтохомъ въ Шоркоровскихъ юртахъ кумира единого: въ средѣ полѣнце отъ пятидесяти лѣтъ прикладными обвитое сукнами, а на верху зъ жести изваянная личина мало что быше подобіе чловека. И егда то во огонь ввергохомъ, такъ смраднато дыма всѣхъ насъ наполни, яко едва не избѣгохомъ отъ ихъ селеній. Иногда же украшають кумира своего и снабждаютъ одеждою червеною, наипаче егда нѣкоего благополучія, дозвоства въ ловленіи рыбъ, промыслу на звѣрь воспримать желаютъ. Егда же желаемыхъ благъ не получаютъ, тогда изъ него одежду снемъ и его низрынуть въ безчестное мѣстце со всякимъ ругательствомъ; послѣди же наки вводить въ первое чести достояніе. На холмѣхъ же превысо-

чайшихъ и мѣстахъ изрядныхъ, всякому вѣденію прятныхъ, кумиры своя поставляютъ, иногда далече отъ своихъ жилищъ особіи поставляются. Се же въ знаніе чести угодная и изрядная изобрѣтають мѣста, кумирни пространныя создаютъ, въ нихъ же покладаютъ кумиры и тамъ приносима предъ ними свѣдаютъ своя жертвы. Другія же меньшыя, въ нихъ же складаютъ кости по изобрѣніи своемъ и соблюдаютъ сія, мнше яко недостойно пожегати безчестно костей, приносимыхъ на жертву.

Ж. Обыкновеніе и чинъ приношенія жертвъ тожде вѣсть каковыми уставлено чреды, яко же прочыя идолопоклонники, наипаче же Мунгалы, иже уставленныя чреды приношенія жертвъ имѣють на повѣ мѣсца; здѣ же слѣпотствующій нечѣйка Остаки извѣстныхъ чредъ не имѣя, по егда несыто ихъ до ирорванія похудитъ чрево, или кто почитаемый въ мѣсто жерца искаа угодія несытой гортани отверзаетъ оную извѣщаетъ, яко божи требуютъ жертвъ приношенія, за сія же вѣчка обнадежуетъ обрести благополучіе, тогда и чреды и время приношенія до крайняго же своего разоренія ищутъ зѣбра или лошадей на жертву; наипаче бо обыкнона сія, что ближне татарскихъ жилищъ пребываютъ—приносятъ лошадей, зане сообщаются съ Татари обыкновеніемъ ихъ и яденію татарскому мясъ лошадиныхъ прирастались сія, и на скверныя своя жертвы употребляютъ лошадей. А иже въ дальнихъ пустынныхъ селеніяхъ обитають, сія елени наипаче приносятъ на жертвы, зане сихъ аки домашній скоть у оныхъ многоплоденъ. Егда же приведутъ жремое предъ кумиры, сицевыхъ обыкновеніемъ сія жертву приносятъ: иже вѣщше безусловити можеть, сей вѣсто жерца началствуя, приведеннаго скота пріемлетъ и слязуетъ первое ноги; другій коніе пріемши,

держатъ прямо противъ жремаго скота; третій съ напряженнымъ лукомъ станетъ; четвертый зъ секърою станетъ противъ очей зведеннаго звѣра. Начынаетъ убо жрецъ баснословити пѣсными моли идоловъ изобиліе рыбъ подати, удобное ловленіе звѣра получить. Окончавшу же сіе, удараетъ скота первое самъ жрецъ уготованнымъ на то орудіемъ, потомъ другій ливитъ стрѣлою, третій копіемъ. Падшу убо скоту, еще дышущу, емлютъ и трижды около идоловъ сего обносятъ, послѣди удараетъ ножемъ въ сердце, испущая кровь въ блюдо, кропятъ сею жеростію и жилища свои, идоломъ же уста помазуютъ, въ украшеніе же и всегданнее воспоминаеніе кожу со главою и ноги даже до колѣнъ за одно съ кожею на древахъ завѣшуютъ пады кумирными и избираютъ на се крѣпчайшія дресеса, наипаче пѣкое лѣстничное древо, иже подобно сосновому древу, но крѣпчайшее и не гниющее паче иныхъ дресесъ; мяса же сваривъ, избраннѣйшими частями кумиромъ уста смазуютъ; послѣди же вси сіи сошедшеся съ чады и домовники своиши сѣдають. По сѣденіи же, въ знаменіи благодаренія, палица своя на воздухъ бросаютъ: се мнѣ нечистаго духа, его же боготворать во ономъ идоли, съ ними на томъ же ирваніи пресѣдящаго провозждать возносящагося на воздухъ. Глаголютъ же, яко и страстки ради сіа творять, чтобы сохранилъ честь творимую имъ. Обыкоша бо за злополучіе пѣкое безчестить идолы своя, и сего ради при всякомъ приношеніи жертвъ знаменія страха являютъ, желая да влщше о семъ имѣютъ попеченіе на звѣри и на рыбныхъ ловляхъ добрымъ ихъ обдареть промысломъ. Смиъ частымъ жертвъ приношеніемъ въ премногую влйдонна нищету и крайное разореніе, яко чады и женъ своихъ продають занмодавцемъ своимъ въ работу. Егда бо скудость и нищета его начысть одолѣвать, тогда

лестное мнѣніе и тщетная надежда понуждает сего приношеніемъ жертвъ слискать себѣ у идоловъ благихъ и бѣжихъ пріобрѣтенія, не имѣя же откуда промыслить на жертву свята, жену и чада въ закладъ отдать, надѣяся обрѣтнимъ благополучіемъ искупить оныя; но лестію сего иногда погубляемъ бываетъ, надолгѣ тщетнымъ чваніемъ: исвая блага, ничесо же обращеть, а не имѣя чимъ искупить, жены и чада лишаются. И тако мнѣніи ихъ блага датель, боготворимый во идолѣхъ духъ лжи утаенною лестію безвѣстно сихъ невѣжей истребляетъ ихѣнія, и чваніемъ будущихъ имущая погубляютъ.

Ѣ. Между различнымъ кумира почитаніемъ прежнего почитаются и дивны звѣри, наймаче медвѣдь: его же почитаютъ должностію, виновныхъ себе разумѣють бити, заче злогѣратъ, яко по убіеніи отъ рукъ аще не буде почтень, то свое убіеніе убивающему откстити; и сего ради аще случытся имъ сего убить, снемше кожу предъ кумирною поставляютъ, распростирая оную, приподобляюще аки живъ, сошедши убо игралица, илсанія оволо сего творять, изъявляютъ же пѣснями невиновна себе его убіенію, глаголя: яко не онъ дѣлатель желѣзца и стрѣлы, ниже его пера: Русакъ укова желѣзо, пера орель — родитель; такими пѣснями восклицаяще, послѣди приходять и лобзають распростершую кожу; удовольивши же себе семи дьявольскими игралицы, оную возьметъ властитель ея и продаетъ ю аможе хочеть, и употребляетъ безъ сомѣнія. Странное сего диваго отъ звѣра почитаніе мнѣтся тожде бити отчасти идолопоклоненіе, заче клятвы своя на кожи утверждають и зѣло со опасіемъ соблюдаютъ; многимъ бо случается, иже сіе сбываетъ имъ, яко отъ звѣра сего поражаемъ и убиваемы бывають кленущіися лестно; ложными же усты и клятвою

предаются звѣра сего убійству. Аще же се бысть острою и хитростію діаволскою, же истинну дѣйствовать претворяетъ себе, да снѣзъ явнымъ мнѡжайшимъ лестемъ звѣронати народъ приведеть. Мнѣтся же, яко и поущеніемъ Божиимъ бысть се во лжи наказаніемъ, а не дѣйствемъ сатаниннимъ; зане сей разоритель истинны, а не блюститель оныя, а таковая страсть удержавше отъ всякія лжи и неправды ихъ зане Господь и въ языкѣхъ поуждаше истинну.

Ѫ. Егда же вѣрность Государю своему Его Цесарскому Величеству клятвами утвердiti и явити случай поуждаеть, тогда по ихъ зловѣрїю и обмкновенїихъ полагають сего же прежде воспоминаемого звѣра кожу, на ней же топоръ, ножъ и иные страсти орудїя. Хотящимъ убо утвердiti и обовязати вѣрность свою клятвою подають снѣзъ ножъ, снѣзъ съ кожи, на немъ же на концы часть хлѣба положше подають, вмѣсто же черти талмачъ выговореть: «Аще лестїю сію клятву утвердете, и неправедно служить и радѣть въ отданїи асаку будете, звѣръ сей отищенїе вамъ да будетъ и отъ него смертію да постраждете. Хлѣбъ сей и ножъ да погубитъ тѣ, аще не правдою вѣрностїю, ею же обѣщася, творити хоцете». И сей обычай главный и всенародный клятвы обѣщанїя: междуособнымъ же прѣнїемъ и сваромъ егда имать клятвою что засвидѣлствовать и смирить прекословная противности, то предъ идоломъ своимъ домашнїимъ противящїимся приходять, и ему же клятвою оправдitiся подобаеть, сему старѣйшимъ ихъ ножъ дасть, въ рудѣ, повелѣвая: «Аще ты сему на тѣ вадяющему невиновенъ, се ималы ножъ. Возьми идола (по ихъ нарѣчію: шайтана), сокрушай и сѣчь его; не опасенъ же нини вземеть идола, сокрушаешь и сѣчь приговоривая: взыщи виновнаго и тако сокрушай, содержаи въ работѣ

своей врагъ». Иногда виновному сіа утвораеть, се же не яко хранитель истинны, отецъ бо лжи, неавистникъ есть оныя, не яко обмыль тму укрывать блистаніемъ притворлаго свѣта и явственную лжу хитростями, истину претворять, тако и здѣ да не всегда явить себе лукавымъ лестцемъ, иногда принужденъ отчасти явити себе хранителя истинны, и язици бо аще бы всегда лукавое и лживое видѣли дѣйствіе его, отвратилися бы лестей и лукавыхъ обычаевъ его, ими же уловлены впадоша въ богомерзкое идолопоклоненіе. Но сей исконѣ лстець, содержа ихъ въ сѣтехъ своихъ, соплетаетъ и истину съ лестию, да симъ коварствомъ инокайшимъ лестемъ вѣрети научить и благое къ добру притвораеть своимъ дѣйствомъ, и ничтоже сему противно есть явити иногда притворную истину, дабы только сею низветъ мнокайшимъ прелестемъ вѣру ати сими же и нави прелестинныхъ низвести въ погибель еже едино искони его тѣаніе.

§. Между различнымъ многобожіемъ содержать разныствіе и сие: домашнія своя божки, яко всегдашнее свое руководѣніе, не такою честию почитаху, зане естественнымъ ума познаніемъ творимая своими руками, всегда види, повседневно же съ оными имѣють обхожденіа, малымъ чымъ умалють почитаній отъ древнѣйшихъ; богомъ симъ бо высочайшею честию поклалются, зане дѣломъ отецъ и праотецъ своихъ усердіѣ ревнують. Ревностию же и древностию обыкоша и узаконивша себе яцишимъ повиновеніемъ покланятися симъ, иже древность остави имъ, воспріяша убо отъ преданія и злочестія старѣйшихъ своихъ древностию почитаемыхъ боговъ, ихъ же во всей Остяцкой странѣ почитахуся три первоначальныи: парызаетжеся Старымъ Обскій, Гусь и Кондійскій, о нихъ же послѣди.

й. Старики Обскій сей ижеюще скверное свое хранилище на усть Иртыша недалече Самарова града. Бысть же сей по ихъ зловѣрїю богъ рыбъ, изображенъ безстуднѣ: дѣла ижекая, носъ аки труба жестины, очеса стеклины, роги на главѣхъ малые, покрытъ различными рубицами, сверхъ одѣтъ чераленною одеждою зъ золотою грудью. Оружіе—лукъ, стрѣламъ, копїе, панцеры и инаѣ—около его блху положена. Вину собранного оружія, по мнѣнію зловѣрїя ихъ, сію сазуютъ, яко сей въ водахъ бракъ часту ижееть и прочїя подручныя себѣ побѣждаетъ. Мнѣтъ же безумнѣ яко шкарадъ сія ужасна видѣнію воить въ мори, и зъ великихъ водахъ страшна есть, проходитъ сивозъ вся бездны, въ нихъ же рыбы вся и; зѣры водныя подъ своиѣхъ ижееть правленіемъ, и елико кому похочеть, толико поупааетъ. Ижеише двѣ кумирни: первая яко вспоманухомъ при исходѣ Иртыша, идѣ же внадаеть въ Обь; другую же при великой рыки Оби, въ нихъ же по трихѣтно пребываше; егда время угодно начынаеться быти дозленію рыбъ, когда прешедней зымы солвечнымъ силнїемъ льды распушаються, и воды зѣлныя студень и жестокоствъ во благоприятную измѣннються теплоту, тогда служителие бѣсовъ жерци ихъ начнутъ лѣстями коварно проишнести, ави бы видѣніе приеша отъ сего бездушнаго истукана, что вся рыбы морскїя времени сего звеста ижееть въ ловли ихъ, народъ же издреле помыренъ лѣстїю вѣру емлеть, великодушествуи въ надеждѣ скоро исходитъ къ дозленію рыбъ, и первую рыбу морскую, аже велму парцають, егда по случаю обращуть въ его мерзкую привосать жертву, сваривше сію прежде сытостїю уста и носъ идолу сему змазуютъ, прочая же сами сїѣдають; сїѣдше, по обычаю своему, вмѣсто благодаренїя палками мѣщуть на воздухъ, его же прїемлютъ съ честїю, аки бы

что достойно приносить изъ кумирни до другія кумирницы, провозжающе же различная бѣсовскія творять игралища. Егда же на первомъ ловленіи морскія не обращуть рыбы вскоры, возвращаются съ премногими ругательствами, нападая на нь укарають, яко безстудная старости сего только, отецъ и протесць нашихъ неблагодеренъ забить почитанія и нерадивъ о рыбномъ промыслѣ, погубляетъ гладомъ насъ; малословномъ же его ругая, вѣщше скорѣе дѣлы ругательство изывляя свергше съ хранилища, верною оцепивше, вьскуть его во вся безчестная мѣста, попирая всенъ ногами и оплевавъ его, и дотолѣ въ семь содержать безчестіи, донележе половъ рыбный начнетъ исправлятися. Приличествуе здѣ вспомануть обычаемъ симъ повѣсть о нѣкоемъ древнѣмъ идолопоклонницѣ, иже, крайнею одержимъ нищетою, ввійде въ кумирню молити, нѣкоего кумира о благое нѣкое поданіе въ нѣщетѣ; кумиръ же бѣ древлъ, въ глазѣ же часть злата содержаща. Надолѣ же сему молящуся, ничто же обрѣтши, пріемъ кумира удари о землю; сокрушившемуся убо всему, изъ главы испаде злато, требующій же скудникъ пріемъ рекъ: «Моленіемъ ничтоже обрѣтохъ, біеніемъ же вѣщше получихъ ты благодать». Добрѣ сего искусства и обычаевъ бѣдственныи употребляетъ Остякъ, егда чего у своихъ почитаемыхъ благодателей немилостивыхъ божковъ моленіемъ не обратитъ, біеніемъ же вьскуетъ.

Ѣ. Гусь боготворимый идолъ ихъ быше, изванкъ отъ мѣди въ подобіе гуся; имѣ северное жилище въ юртахъ Бѣлогорскихъ при великой рѣкѣ Обѣ. По ихъ зловѣрію, почитается Богъ птицъ водныхъ: лебедей, гусей и всякого рода птицъ, иже водному обычнъ плаванію: мнѣху же яко за легкость свою сій лѣта невидимо по мѣстьцахъ веселія исполненныхъ и видѣнія пріятныхъ вся покараше подъ область свою

птицы. Въ кумирниці сѣдалище его бѣ отъ различныхъ су-
конъ, холста, кожей солетено въ подобіе гнѣзда, на немъ
же сія вселшася прочтвара сидише, почитаніе бѣ того не-
мало всегда, а иначе во время егда ловленіе птицъ вод-
ныхъ начинашеся, зане и мѣста здѣ къ ловленію ихъ зѣло
угодно и множество безмѣрно различныхъ родовъ птицъ.
Славимъ же бѣ только сей идола, яко отъ далечайшихъ се-
леній приходящу сквернамъ своимъ совершающе жертвы, еди-
нымъ обычаемъ скотовъ, а иначе лошадей приношаху,
имѣаше твердое о семъ мнѣніе, яко сей есть сворѣйшій
многихъ благъ датель, а иначе изобиліе подаеть получить
птицъ водныхъ. Въ семъ подаванні народъ прелестію сатаны
ослѣпленъ, и иначе являющій себе вмѣсто жерцвъ же-
словіемъ своимъ во всей Остяцкой странѣ прославивша сего
только, яко многіа невѣжды вѣроваху чудесная нѣкая при-
имать благополучія, и многіа тщетною надеждою прелестнымъ
обезумишася: скота, его же всегда можетъ безъ трудовъ
употребляти въ пренятаніе свое, пожреть сего бѣсу сему,
самъ же члвчїемъ благъ надеждою лѣтаемня по воздуху
трудоу снискать птицы, яко иногда члвчїе получить въ
руцѣ, очесы и мыслию лѣтаемня по воздуху провождаетъ,
вещію же обрѣтается гладенъ и скуденъ, но обаче возлю-
бившій злбу паче благостини, неправду неже глаголати
правду прославляху его.

Г. Первоначальный же и паче всихъ востолцій кумиръ
здѣ бо за единю зѣ гусемъ бысть во единой кумирни въ Бѣ-
логорскихъ юртахъ. Сего и Кондїйскимъ прежде воспомина-
хомъ, но секу что народъ сей зѣло по своему зловѣрїю ко
оному кмѣюще усердіе; нынѣ во время сіе егда искоренишеся
идолобїіе, сохраниша сего истукана и унесоша въ Конду,

откуда же и Кондійскимъ нарекоша. Тамъ же Вагулитомъ, единомысленнымъ злодѣямъ своего союзникомъ, въ соблюденіе дана, сего ради и не получившомъ видѣти и извѣстно описать о безстудномъ изображеніи его, и доселе тамо пребываетъ. соблюдаемъ, доведѣже всеялною десницею Сій и вездѣ Сія достигше сокрушить и потребить.

ГЛАВА Ѧ.

О началѣ благочестія и о искорененіи идолопоклоненія въ Остяцкой странѣ.

Ѧ. Яко же прежде воспоминаху о пространнѣхъ сего Сѣбирского государства предѣлахъ, ими же до славныхъ государства Китайского достигаетъ стѣнь, многолюднѣемъ же различныхъ двѣхъ идолопоклонническаго зловѣрія народовъ населенна, — обаче отъ лѣтъ полторасть и вѣщше, егда сіи роды россійскому похорени скипетру, во всѣхъ сихъ зловѣріе идолобѣсія неизбранно храняшеся, паче же просѣцаеть я свѣтомъ проповѣди евангельской и не попускахъ власти правительствующимъ народами сими и никто же доселѣ о спасеніи сихъ имѣ усердіе и попеченіе, доволѣно сіи имѣ нехоти, не уснуть, ни воздриметь некійся о спасеніи человѣческомъ, избра такового правителя россійскому скипетру, иже по многихъ государей отчичѣ, дѣдичѣ и наследникѣ, первый именемъ Петра, Россіи правленія воспріять скипетръ, имѣ же аки ключемъ царствія небеса отверзе симъ языкомъ двери спасенія; во дни бо своя усердный баше любитель отчества, трудолюбивый же искатель благочестія, се же испривтор-

нимъ хитрословеснаго ласкательства показуется словомъ, паче бо полуденнаго свѣта всему миру ясно зрительно истина отъ дѣлъ являється, каково усердіе имѣяше и отчеству своему, заше не только хитрости воинскія ученія ими же прочимъ государствамъ крѣпкую и страшную показав державу свою и инная ученія гражданскаго правосудія, наипаче же Богомъ угодная премудрости еллинно-славяно-латинскія утверди училища и умножи ученія, еже прежде къ Россійской державѣ не быша. Се же все умножи ради благочестія возмскатель бо полезныхъ государству своему не презрѣвъ и сего разумѣнія, еже иногда великому Іустиніану воспоминаша: ничто же болѣе ищи царю, яко приложити государству твоему благочестіе: се бо есть твердь и крѣпкое основаніе государству. О семъ въ началѣ благоугоднѣйшаго правленія государства своего зѣло упражняшеса и иже о умноженіи сего усердное попеченіе, многія премудрѣйшіе введе учителя церковныя и престолы архіерейскіи правительствовать вручаше, да Богодухновеннымъ проповѣди иже ученіемъ умножая умножится благочестіе. Въ то время и на престолъ Сибірской митрополіи его же, Всероссійскаго императора, повелѣніемъ Кіевонечерскіи чудотворима лаври эконоуж избранъ, преосвященный Филофей, митрополитъ Сибірскій, и егда первое нача въ администріи Сибірскихъ предѣлахъ проповѣдать и умножать благочестіе, искореняя же зловѣрія ихъ идолопоклоненіе.

К. Только же ревность сего и усердное тщаніе бысть благочестія, яко не довольно бѣ въ предѣлахъ паствы своей изгонять тму кумирслуженія, но тщашеса и во окрестныхъ страны, прилежащія къ предѣламъ царства Сибірскаго, ввести у нихъ свѣтъ проповѣди евангельской, — облажація бо

страны царство Сибірское суть злочестіемъ идолопоклоненія слѣпотствующія роды. Сего ради понуждаше его всегдашнее ревнительство всачески искати, како бы солце Боговидѣнія свѣтъ истинный евангельской вести въ тмѣ ослѣпотствующія роды, и посылалъ быше богословіи учителей даже до Китайскаго государства, тожде и до Мунгалскаго владычествующаго законоучителя и законодавца кутухти, его же вся Камницкія роды и Китайское государство премногое почитаютъ. О его же зловѣрїи вкратцѣ вѣчто извѣстити прилѣчно.

Г. Зловѣрїя сей древнихъ елиныхъ любожурьцовъ, Пятагора и прочихъ, иже злѣ вѣроваху преселеніе душъ человѣческихъ въ животная, сіе содержитъ и сей зломнѣіе, зане аще множество скота имѣеть, обаче я не убиваетъ въ своихъ селенїяхъ, но предаетъ инухѣ въ рудѣ иныхъ, оттуду же мѣса себѣ взимають цѣною: се же сямъ явнии хоцеть благосердіе свое, яко не хоцеть кровію осквернати жилища своя, аже почитаетъ священнаа, ниже адѣ повелѣваетъ быти мнимоу душеубійству скотовъ: зане себе показуетъ народу, яко удалиться отъ мира и духовнаго воздержнаго житїа искатель, ниже бо и сообщенїа съ мирскими людьми имѣти хоцеть. Аще бо и весь Мунгалскїй народъ подъ своимъ правленїемъ и властію содержитъ и въ степяхъ со оними пребываетъ, но обаче особѣи отъ нихъ. И егда по своему обыкновенїю нескѣл пажитныхъ мѣстъ скоту своему съ мѣста на мѣсто переходятъ, со оними же и самъ владычествующїй имъ законодавецъ кутухта егда преселеться раздѣлительно отъ общаго народа только со своими тогожде житїа хранителми, иже и ламами нарицаются.

Д. Сїи ламаи, по ихъ зловѣрїю, почитаются яко законоучители и чиновники духовныя, жителствуютъ безъ женъ,

питіи всякаго, вина и иного, ими же возмущается умъ, блудится, ниже вкушаютъ, только едино обычное себѣ питіе чай употребляютъ. Умирительное же зстіе, и не тако мясо, яко овощами питаются. И за сіе воздержательное житіе зѣло почитываются отъ народа, зѣло же упражняются вохвоуваніемъ. Всеи же сіи ламы разные чиновства своего степени имѣютъ: нѣки бо некайшого, нѣки же высочайшаго степени суть. Превышше же всехъ властей и чиновъ первоначальнѣи содержитъ степень делай лама, иже и Тангускую землю изобилную всехъ богатствъ подъ своею областію содержитъ и кутухту древле по себѣ иторого иногда утворы и пода Мунгаломъ, но сей первый во влгости и далчайшей страны пребывалъ, добронравіемъ и властію преклони къ себѣ народъ Мунгалскій и тако утверди власть свою, яко всѣхъ сихъ поработи ласкательствомъ самовластной державѣ своей. Отсюду паче уставлено и чиновства своего чреды превознесеса и не весьма покарашеса власти делай лама, самъ утворися равновластитель и самовластнѣи законодавецъ народу сему. По семъ всѣ кутухтѣ даже до сего дне единъ отъ единаго поставляемъ содержитъ власть сію и тцатся лвити и себѣ единоравновластителей съ делай ламоу, обаче народъ Китайскій и Калмыцкій и отъ Индіи вѣдше власти и достоинства почитаютъ быти делай ламу, зане сего зѣло въ дѣйствіи о мечтахъ сатаниныхъ слына мнѣ быти чудесника и вохвоуваніемъ низводнщаго вѣтръ, мразъ, дождь, егда хошетъ. Паче же разумѣти будущихъ предвидителя, еже предвидѣніе отсюду слѣпотствующему народу являетъ, грядущихъ бо въ себѣ на поклоненіе нѣсколко десяти поприць отъ жилища своего предвидѣцать пришествіе ихъ къ себѣ и время преодѣлать, еже и збывается во время назна-

менованное. Отъ него всегда же сіи роды Калмицкій, Китайскій и Индійскій волхвованія тщательнѣ изучаются, всякъ отъ нихъ мразь, буру, мечты дѣволски претворяють; ниже бо тамо торговые ихъ люди безъ такового золхва въ путь како дерзають ити, донелѣже такового въ каранѣ своемъ не обратять волхва, иже нисводитъ студень и злаго, се же отъ зноя и мухъ въ тамошнихъ теплѣйшихъ странахъ скотъ и ихъ самыхъ соблюдаетъ. Только же дѣволскою силою ложно и притворно дѣйствиема нѣсть сожнѣнїю какому, но паче презрѣнїю достойна. Егда въ немъ внемлемъ Симона волхва, иже съ Петромъ святимъ толикии чудеса препирашеса, яко отъ ложно творимыхъ сихъ дерзну и боготворити себе, возношашеса до небесъ. Обаче егда поблжденъ бысть силою сишше, вси притворно дѣйствиема ложна явственнѣ очесамъ предстоящихъ отыришася.

Ѣ. Тогожде искусства и волхвованія и кутухта содержитъ ученїе и зѣло въ семъ упражняется толикоже силою сатаниною дѣйствуетъ; яко отъ народа единоравннѣ благотворимая со ідоми своимъ удостоивается чести и зѣло премногїа сему творять почитанїя, занеже егда на нивѣ селенїя переходять, тогда поставляютъ предъ лицею его чашу мѣду валоннеку углїа, на ню же благовоишия велїа покладаетъ вси приходящїи, егда же всядетъ на колесницу свою кутухта, предъ нимъ ідомы поставляютъ, тогда во свирли и трубы необычно долги восклицаютъ зѣло громогласно. Народъ же отдалече стоя поклоняется падше на лице свое. Нїцнїи же, аще толико дымкуренїе его на жертву приносимую узреть, падаютъ на лице свое зывающе ігесль кутухта: сіестъ свѣтлїи рай. Сего словеса употребляютъ, аще кто властвуемїи въ клеветѣ какой или въ какомъ подзорѣ влатвою себѣ очм-

стяти ищетъ, тогда долженъ около жилища самого кутухты трижды обходя пректи гегенъ кутухта. Аще же виновенъ чьку будетъ, никогда не дерзнетъ пректи сего гегенъ кутухта, но вину, исповѣдуетъ аще и смерти за оную постраждеть.

б. Привошеніе жертвъ ихъ всегда въ новомѣсячіе бываетъ, а иначе во время празднованія главнаго ихъ, иже въ числѣхъ первыхъ феврала мѣсяца, по ихъ нарицается цаганъ: сіестъ бѣлый мѣсяцъ, его же аки начало веселія почитаютъ. Украшаютъ же себе кутухта съ ламы своими одеждою свѣтлою, власы въ главахъ своихъ вси обрѣютъ и толчко различными мастями и утварами лица своя украшаютъ, яко погубляющи видѣніе и красоту, старость ихъ притворною младостию обновляется и украшается, иже навсякъ новъ мѣсяцъ обычай имъ есть. Отсюду простоуменъ общій народъ баснословитъ, яко существеннѣ обновляется юность кутухты съ преминеніемъ луны. И никогда же не умираетъ, но се искусны ихъ законоучители тако разумѣютъ безсмертіе сего: не аки бы онъ существеннѣ не умираетъ, но яко душа сего съ добродѣтели въ инаго преселяется, его же живъ сущѣ кутухта избираетъ и предъуставляетъ въ владычество свое по себѣ, — яко же и нынѣшній кутухта живъ сущѣ избра племянника своего, сестры своей сына, его же назнаменована поставити по себѣ за степени владычества своего. Сестру же свою сію поставитъ въ ламы. И егда на вселозорномъ сѣдалищѣ съ ламы своими сѣдаетъ, тогда сію сестру свою первымъ по себѣ почитаетъ мѣсцемъ, зане и жены сего чыновства удостоляются, аще такового житія воздержницы желють быти.

в. Егда же входити хочеть въ кумирню до почитанія и поклоненія идоловъ, тогда прежде всѣ ламы въ его хра-

живу собираются и по чину своему оволо его сѣдять съ премногими смиреніемъ сложенными на персѣхъ рудѣ, въ тишайшомъ зѣло безколѣн; егда же сій отъ сѣдалища своего востаеъ, тогда вси сѣи восташи послѣдуютъ ему; нынѣ же предъидутъ полагающе благовоиное зелье на угліе въ чашу; предъ нынѣ же сѣе носятъ благоуханіе, провождаютъ же въ кумирню со восклицаніемъ трубнымъ. Вшедше въ юю на высочайшемъ сѣдаеъ мѣстѣ. Около же сего вмѣшая и никайшая стени и творены, на нихъ же по чину своему сѣдять ламы. Предъ самого же кутухту поставляютъ семь чашъ, яко же предъ идола, въ нихъ же медъ, вола, чай, въ прочыхъ же разная сахарная естия, ихъ же по чтенію и пѣнію своимъ кутухта употребляетъ и прочіамъ по части подаетъ, яже съ великою приемяютъ честію. На всякаго же главу отъ престолицихъ полагаеъ рудѣ свои мѣсто благословенія и тако свое окончиваеъ кумирслужителное почитаніе и приношеніе идоломъ.

й. Въ кумирни между различными идола, яже всѣ въ подобіе человеческое отъ мѣди, серебра и злата хитростію изваина, единъ же зѣло великою хитростію въ подобіе нѣкии живы создаъ, и сего нарицаютъ Аюнгъ; отъ стопъ же ногъ сего идола цѣль сельный изведенъ; весь окружаетъ идолъ цѣломъ сѣмъ, на немъ же гроздіе живое и прочіе сельные цѣбты и взоры изсѣченны.

к. Прежде воспоминаю тие послы, богословіи учителя, достигше предѣль его кутухты съ великою честію и премногою любовію пріяти и почтениемъ быша, яко посланіе сихъ кутухта присмѣна дѣлованіемъ почти; пріия же и дари посланныя любезнѣ, жезлъ украшенъ и прочая. По привѣтствованію и разговорѣхъ, восхотѣ испускити учителей сидевымъ

вопросомъ: «Елико, мнѣ речете, умершихъ душъ отъ первобытнаго человѣческаго по своимъ изчисленіямъ писаніямъ?» Тогда нѣкто отъ учителей таково неудобно постижимый вопросъ дерзнулъ и наки вопросомъ отвѣтствовать слѣд: «Молю высочайшей власти нашей, колико своимъ писаніемъ по всей вселеннѣ въ сіе настоящее время изчисляется въ живомъ тѣлѣ душъ человѣческихихъ?» Удивился кутухта, рече: «Невозможно сему изчисленіемъ предѣлъ положить, зане въ самое сіе время, еже слово отъ устъ исходящее содержитъ мѣсто времени, живои могутъ по всей вселеннѣ раждатися». Учитель къ сему: «Сего ради ниже умершихъ изчисленія предѣлъ положить можемъ, зане въ самое время сіе, яко отъ устъ слово исходить, живои по всей вселеннѣ умирають, и скорѣйшимъ нима путемъ переходятъ отъ мира, ниже къ миру». Многа же нима отъ писанія Божественнаго сътворивше показавше, тайны спасенія человѣческаго о воплощеніи Сына Божіа и прочая. Отвуду нѣкое возбуждающе къ немъ усердіе слышати видѣти по вѣствуемая отъ христіанскаго писанія, чего ради остроумныхъ юношъ двухъ оставивша тако за повелѣніемъ преосвященнаго архіерея въ дворѣ кутухты къ наученіе грамотъ и языка ихъ, дабы исвѣрительно показать и извѣстить могли путь вводный въ разумъ истинный, самъ же и на спасеніе отъ заблужденія идолопоклонническаго наставить и стези. По сему не воспоминаая различно пренятія, яко толика ревность и желанія не получи желаемого безъ помоществованія свѣщнице. Вѣщши же Божіимъ нѣкіимъ предувѣдѣніемъ сіе зачатое дѣло безъ полна искушенія окончиса, зане обращеніе невѣрна нѣсть человѣка хотѣща, но Бога милующаго.

Г. По времени Возвышняго правленіемъ преосвященный жетронимъ Филофей остави власти архіерейской правленіе,

воспріять схимонашескій чинъ. Престалъ Сибѣрской митрополія по немъ воспріять преосвященный Іоаннъ, архиепископъ Черниговскій, и бысть правительствующій архіерей престола митрополія Сибѣрской. Ранно же усердно ревнитель и трудолюбивый искатель благочестія предъиди же возжеждѣ въ тишайшомъ пребыть безмолвія и уклонитися въ предъидиую свою великія чудотворниа Печерскія лаври обитель. И уже бѣста козѣ намиренны теци къ тишайшему безмолвію, обаче Вышнлаго правленіемъ обратихася къ громогласному благоуствозванію спасенія роду человѣческому. Высокимъ бо повелѣніемъ Царскаго Величества пріемши правительствовать губернію царства Сибѣрскаго, князь Матвей Петровичъ Гагаринъ, иже яко первый бѣсть губернаторъ Сибѣры, тако и первый въ ней отмениже подъ область Россійскихъ монарховъ преиде благочестія умножитель, первое убо благоразумнаго правленія своего показа начало, егда назнахо Божественная о умноженіи благочестіе, еже всему государству, зане сіе много подзуетъ государствамъ, усердное начать имѣть попеченіе и пуществіе преосвященнаго пнудѣ намѣреніе оудержа, и обрати на стези общаго спасенія роду человѣческаго, возбуди въ сеиъ древнее его желаніе и усердное искаемое лви сеиу благополучіе, аще же и старостію изнемогшаго, обаче благоразумнѣ предувидѣ и предъизбра крѣпнаго и достойнаго таковой вещи трудолюбца, яко послѣдствующія свѣтовидно покажутъ, како неудобъ носима при такой старости, въ ней же умножасть трудъ и болѣзнь, понесе и претерпѣ усердно, благодатію сзышше укрѣпляемъ.

ѿ. Не медля же воспріять усердно начало благоуствозванія сего и проповиди евангелской *ѿѿѿ* году, и первое

нача въ страдѣ Остяцкой, идѣ же непритворнымъ воспоминалъ ласкательства словомъ, зане отъ дѣлъ вищше узрѣться толь достойная похваля и удивленія ревность ниже старостию немощнаго на толкии воздвиге труды и путешествіе по тѣхъ мрачныхъ и мрачныхъ странахъ, мною бо, яко не мягкія здѣ, якоже инде благовѣствующихъ позѣ благовонныя кривы, ниже пранима Китайскія и Индійскія земли удостоаются наступать, отъ нихъ же и своя страна и обители наполняютъ и удоволяютъ благовоніемъ; но здѣ трудитися избра сей трудолюбивый ревнитель, по смрадныхъ, пустыхъ и жестокихъ мѣстехъ необычнымъ жителствующимъ пребываніемъ и зловредительною живою [о ней же прежде], зѣденію челоуѣческому ужасныхъ и неприятныхъ. Обаче, вмѣсто кривовъ селныхъ обрѣте благовонный вертоградъ, деръзовъ Христову, ново собраніе зѣрныхъ, еже принеслъ изъ Египта отъ работы дѣвалскія и нечестія идолопоклонническаго свобода пресели изъ Египта народъ сей въ вертоградъ Христовъ. И бысть сему благопріятный плодъ веселія и благовонія, егда трудовъ своихъ желаемое сниска благополучіа, избавленія же ради слѣдующаго народа сего, аки послѣдки всего мира, никто не бѣ дабы зрѣти и вѣдѣти восхотѣлъ погибшую сію тварь, аще не бы Всевышняго десница толь разво и умирительно избрала и предпоставила обонихъ ревнителей, такъ правителя царственной Сѣбири, яко и трудолюбиваго благочестія сего проповѣдника и учителя. Елико бѣ трудъ сего, толико подаваше помощи благороднаго губернатора правленіе и облегчаваше трудъ, а идѣже нужда и недостаточество убѣждаше труждающагося проповѣдника, таможе етоже, предостойнѣйшаго губернатора, щедролубивое благоутробіе вѣмъ изобиліемъ удовляше; единою речы, яко Вышняго правленіемъ

соединении обоихъ добродѣтели, ревность учителя со благоусердіемъ правителя, трудъ проповѣдника съ благодѣтельною многомощнаго властителя, за единою совокупленны крѣпцы стала низрынути и разрушнн владычество и престоль сатанинъ царствующій и гибддщійся въ семь Остадкомъ идолопоклонническомъ родѣ.

КѢ. Егда же его княжала свѣтлость, губернаторъ Сибѣры, избравши достойнаго таковой вещи учителя, вслѣдственными же нуждами изобильно удовольнымъ сего отпусти воднымъ плаваніемъ въ семь настоящемъ году 1846, тогда проповѣдникъ и учитель уставн себѣ, первое, крѣпкія нечестія столпы и основаніе ихъ, на чемъ утверждаху злочестіе свое, низрынуть, разорити капища, опровергнн и сокрушнн все идалы. Семь первое слѣдотствующему роду возмогли свѣтовидно дннть немощь снхъ бездушныхъ истукановъ, и яко человѣческихъ рукъ зданіе бысть, тако человѣческими руцѣ сокрушается, и ихъ же зломнрннмъ своихъ члаху всемошнхъ, и помоществованія отъ снхъ требоваху, ннхѣ да зрять себѣ помощи не могущихъ искоренити: тако первое тверды нечестія, идѣже восхотѣ насаждати и водрузити благочестіе, прогнати тму невѣрнн. Оттуду, идѣже свѣтлое благодати Божней и проповѣди евангелскою ввнсти подобаше позваніе, наченне убо отъ первыхъ жнльщъ ихъ по Ирнншу, аже въ трехъ днхъ тихомъ плаваніемъ достезаються отъ Тоболска. Все кумиры, истуканы бездушныя сокрушннн, свверннн капища и кумирннцы разорнннн и сожгона. Прострежеся надежь и разореніе снхъ даже до Березова; и все сіе идолобѣсіе паде неисцѣльнымъ надежемъ, аще же и видяху слѣдотствующій народъ немощь бездушныхъ снхъ и ничтоже влнще, яко древо истлѣнню предающеся, обаче ревностію злочестія по-

врачевны противяхуся, возбраняюще кумири своя, иѣдши же во время падежа боготворимыхъ истукановъ ихъ живыя чудеса жеславаху онии.

Гі. О старину Обскому, иже бѣ у нихъ мнимый богъ рыба, жеславаху чудесное яѣное: Егда бо сего сожещи хотяху, и крѣпко противишеся, возбраняху, но обаче поучительными словесы изъясниша ихъ, яко сей бездушный истуканъ ничтоже естъ паче древа, еже вселшася въ себѣ содержать дѣвола, и не только многомогуще помоществовать вамъ, избиліемъ какими удоволать, но паче отъ васъ нынѣ соблюденія и помоществованія требуетъ. Не ослѣпайте убо себе зломѣніемъ, аки преспѣваемы отъ сего есте, но ищите сами спѣдаемы во ямѣихъ своихъ и пожираемы есте сквернымъ сему приношеніемъ жертвъ. Внемлите, яко вся стихія: огонь, земля, воздухъ, море и вса, иже въ нихъ единого всеи твари Творца премудростію созданна суть въ употребленіе человеку и Его вышнею десницею всихъ благъ даніе естъ. Тогда мало свѣрѣльства противилковъ укротна тпшайшма словеса сіа и попустиша боготворимаго своего истукана предати огню; обаче злохитрство иѣкихъ и злочестія ревность, иѣздѣщаяся въ сердцахъ, понуди жеславити чудеса яѣная: сожигаемаго убо зраще кумира, притвориша себе видѣти отъ пламене подобіемъ лебеда залетѣшаго, и ведѣ лестци и жеслужителіе расѣяна плезели сіи; иныи же весьма глаголють не бити сему. Аще же бы и притворился инымъ тако сатана, ничтоже дивно: могій попущеніемъ Божиимъ ивогда огонь свести съ небеси, кою чудо отъ огня и пламене убѣжати дѣйствующему во идолѣ сатанѣ, коварныя своя пречятія держащимся невѣрїа оставляа сумнѣніе. Но ничто же уснѣ хитроковарна злоба сего: не сохрани бо себе,

ниже своего жилища, ни другія лестію сею соблюде бѣсовскія хранилища, аще и вѣдше подвизася къ соблюденію нечестія своего.

д. Въ Шориковыхъ юртахъ бѣ кумирь изрѣченъ отъ древа въ подобіе челоуѣче, сребрень, нмлющъ лице: сей дѣйствиємъ сатанинымъ проглагола бездушный и предвозвѣсти надходящее себѣ близъ разореніе отъ десницы проповѣдника и учителя, моляше ревнителей и служителей своихъ, дабы восхотѣли поренковать древнему отцу своихъ зловѣрью и крѣпко противостати проповѣди; себе же самъ всачески обѣща-ше поустити сокрушенію. Сими злохитрствомъ возбуди въ народѣ толку по себѣ ревность, яко согласилася всѣ стати даже до крове, ниже идола поустити сокрушати, великодушествуи надеждою, яко обѣщася самъ себе возбранити, ниже проповѣди внимати. Егда же всворѣ послѣши проповѣдникъ и учитель и повелѣ сего идола сокрушити, народъ, духомъ бѣсовскимъ наущенъ, со убійственною на всихъ устремися рукою. Обаче учитель тишайшими словесы яростъ ихъ смири, явственно показуа всѣмъ немощь сего, люю ниже себе возбранити, ниже что проглаголати можетъ: бѣ бо уже нѣмъ и безгласенъ, яко бездушное древо, и ничтоже злѣ намереннаго своего коварства сила Вышняго попусти дѣйствовать; но обѣщавшійся ложнѣ, а не могій себе соблюсти, преданъ естъ огню со всѣмъ своимъ богомерскимъ капищемъ.

и. Послѣшествомъ Всесильнаго и благодатію Его помощію путь сей простирашеся неспраздно, но вездѣ сокрушая идола бѣсіе достигоша даже до Кодиискаго монастыря, * юторой стоитъ за великою рѣкою Обью, на правой сторонѣ той рѣки Оби *, идѣ же многимъ собранымъ Остяцкаго народа кумирь-служителемъ довольно нача просвѣщенный архіерей пропо-

вѣдѣю открывать свѣтъ истинный евангелскій. И не тщя бысть ученіе, заче первоначальне возсія благодать сія въ сердцѣ нѣкоего князика Алачева, иже бѣ знаменитого племени остяцкихъ княжиковъ. Той вождѣмъ пераіе просвѣтитися крещеніемъ Господнимъ. Егда же бѣ окрещенъ, присѣдѣше всегдашнему ученію, въ немъ же случися слышати, яко вси Россія адремле одержива бысть кумирслуженіемъ, и пераіе въ Кіевѣ во дни святаго Владимера возсія свѣтъ благодати Божіей, иже же вси просвѣтитися Россія. Внехши убо се и княжикъ сей вождѣмъ мѣстыца сія сватыя видѣти, его же преосвященный архіерей радостію, для утвержденія начинающагося въ немъ благочестія, посла въ Кіевъ, идѣ же сіяущими благодати Божіей чудесы ияще увѣренъ бысть возвратися. Проповѣдникъ же и учитель о семъ благополучномъ начинаніи всеусерднѣ радующеса, яко непостыжимая и безжирная Спасителя рода человѣческаго благодать утвори толико благополучіа пачати, яко безвѣстная замосившима древностію мовѣрмъ роды начаша почитати и поклонятися мѣстамъ сватымъ, еже отъ дни святаго Владимера доселѣ не бысть. Еще же здѣ тринадесать человекъ проповѣдь евангелскую пріяша, свѣтомъ же истиннымъ оі просвѣтннхся и купелію крещенія Господня отмстивши скверну свою идолюбїа, пачаще же упражнихуса и прилѣжное ижебаху тѣлїе разрушити престолы мѣдчества сатанина, крѣпкія и твердыя его кумиры и бѣсовскія хранилища ихъ сокрушати, изринувши убо сія и истребивши даже до Березова града, а идѣже баху скверная капища, тамо знаменїа царскїя побѣды, крестъ Христовъ водружати, и возвратишася пакы въ Тоболскъ.

ГЛАВА 6.

О крещеніи Остяковъ въ году 1697.

Первоначальной благочестія въ народѣ семь спискатель, его князя свѣтлость губернаторъ Сибѣры, ревнуя поренновихъ приложить тщаніе о умноженіи проповѣди евангелскіе, и пакы въ семь настоящемъ году 1697 всѣми нуждами дозволяши, тогожде предызбраннаго проповѣди евангелскіе учителя, преосвященнаго архіерея, угоднымъ плаваніемъ въ тязде Остякія отпусти селенія. Народъ же, видѣши прежде тверди нечестія ихъ боготворымыи идоли надшыя, и толь стершую хиную силу ихъ, яко ничтоже знати креста видѣти, яко прахъ и пепель, отсюду довольно кракъ кужирслуженія ослѣпляючи сотресе очесъ ихъ, яко отъерностеса очи има пріятіе взираи на свѣтъ проповѣди евангелскія, аже яко просвѣтителница ума показавше имъ познати истиннаго Бога. Учитель же внутрь селенія ихъ достигши юртъ Восполскихъ, Какимскихъ, Шорковскихъ, Бѣлогорскихъ и прочіихъ, дозволю повседневымъ ученіемъ проповѣди евангелскія просвѣщаше; свѣтомъ же оныя мнози просвѣтяшася, и купелію же крещенія Господня многимъ дадеся смыше отродитися въ во-

вотъ человѣка. Десница бо Господня погуби злобу идолю, низведе съ небесъ милость, искорени работу, утвори свободеніе, а зже и чада быша работы діаволскія, выгнѣ удостовѣшася смыи свободныи быти благодати Божіей. Потече тазь пространно проповѣдь сія, яко вся наполниа Остяцкая страна. Обаче различныи искони благъ ненавистникъ поварныи благополучному началу утворише препятіа.

К. Юрты иѣкія, нарицаемыя Атинъ, сто же мѣсть отъ новѣствованія древнихъ тамошнихъ жителей быти населенна Павсотникомъ, кудесникомъ иѣкимъ, иже со святымъ Стефаномъ, епископомъ Пермскимъ, препирашася отъ зловѣрія своего; послѣди же побѣдены въ злочестіи своемъ убѣжа съ Перму за Камень, въ Сибѣрскую страну и ту поселиа. Обаче на древнезъ семь нечестивои иногда жилици, идѣ же народа противникъ спасенія человѣческаго различныи коварства и препятіа распростре сѣти, собрася бо множество народа совокупнѣ стати противо проповѣди евангелскія; учитель же проповѣди, егда простре ученіе свое, не только ушима тяжко слышаша, но вѣщше подвизахуса яростію, и на мнозѣ противо боряхуса, обаче повинущася истиннѣ и благополучному проповѣдника преклонившася настааженію. Но исполнелъ врагъ смій безмѣрнаго злохитрства возбуди иѣкогого отъ среди ихъ, его же и злообразіе знамени злонаваа человѣка, зѣло бо злѣ изображенна бысть ему лицезрѣніе человѣческое: малъ, чернъ, худъ, толкыже злонавенъ, яко всихъ отврати лестію своею противо уклонитися. И начаша самого учителя отъ приставища отповити. Понустыша же неутодку приставъ, идѣ же иѣлочъ иѣскоужъ населенна быше волнами, волнамъ же въ то время належачымъ сокрушашася судно, и не мало бѣ печалію одержимъ учитель, заве весь народъ противо ста,

возмущенъ злонравнымъ и злообразнымъ прелестникомъ. Обаче не преста учениемъ просвѣщати тихомирными словеси, нача молити: «Зру васъ, рече, мужей благоразумныхъ, не противоборцевъ истинны, молю васъ оставити сего мужа мзодоумна, игралице дѣтское: не достоятъ бо единого сего безумными словеси только искуснымъ мужемъ прелщатися». Сими же благопріятными, паче учительскими словеси воздвиже въ нихъ усердіе, яко вси презрѣша мятенія сего прекословія всерадостно и единокупно начаша приходити въ купель крещенія Господня. Хотящій же всякъ спаситися и самаго мятенника отъ вѣчнаго погибели соблюде, но прывокуни томужде единому вѣрныхъ собранію, обрѣтшему животоу вѣчный: не восхотѣ бо отстатися своя дружина на единомысліе и едино исповѣданіе вѣры съ прочьими прійде.

Г. Егда же въ купель крещенія Господня приходяху возмущенны и пакы лживымъ духомъ молаху, да женъ и дѣти оставитъ не крещенныхъ, усумнѣвахуся бо, да нѣкакимъ случаемъ отъ малыхъ отрочать въ водѣ кто утоплень будетъ, се же остроковарнымъ своимъ влѣ намареніемъ нанесе имъ врасъ сіе сумнѣніе, яко секу явѣ послѣдствова коварства его дѣло. Учитель же отъ ревности чрезъ истолковниковъ языка ихъ отвѣтствоваше: «Аще единому отъ васъ събудеться, се не пощадѣте житія моего, но въ тую же мя вѣверѣте глубину: се даю вамъ извѣтъ на ся, надеженъ крѣпкаго въ семь Спасителя моего заступника». Наченну убо отрицанію егда свиненникъ единой отъ женъ предстоящей дузу рекъ: «нждени отъ нея», внезапно наде аки жертва. Сицевымъ печальнымъ надежемъ мнози ужаснушася и устремившася, милце, яко въ сихъ словахъ вѣдала невидимая убивающая сила есть, инші же страхомъ симъ понуждаеми блху на ирость. Священ-

ницѣ же свѣмше ю отъ земли отрицать не престаю, довелѣ же аки отъ сна нача мало приходити въ себѣ. Егда же вопрошаема бѣ: откуда сидевымъ недухомъ поражена бысть, — яви, яко прежде во своемъ злочестіи нѣкъ съ демони свои волхвовании, «и сего ради нѣкинѣмъ духомъ недуга убѣждена быхъ, по сей остави мя нѣкъ». И тако суетная сего злохитрства ничтоже возмогоша пренати, егда всѣ въ купель крещенія Господня радостнѣ гечаху, повинувся богодуховенному наставленію.

Д. Не преста же неукротимый злохитрства искони коварника острѣйшая изобрести оружіе раба Антихрестова, лстиваго отрока Махометанова зловѣрія, никоего скверносвященствующа въ нихъ Абыза. Покусися ввести въ сей Остицкой родъ для прелщенія въ ихъ злочестіе махометанское, и первое ввійде въ Бурейковы юрти, нача тамо нечестія своего сѣяти плевелы, идѣже благочестія благовоинные начаша проростати хрины, наипаче же сямъ ласкательствомъ начаша отвращати народъ отъ ново зачинающагося благочестія, прекладая законъ христіанскій народу сему зѣло тяжестію великою быти, жестокою инеудобъ носимою, яко возбраняеть многоженства, посты тяжчайшыя налагаетъ; иносда воздержатися отъ мясъ; въ противъ же тѣлу показоваше въ своемъ злочестіи многоженство: слико восхоцеть, толико по закону ихъ же держати могутъ, мисомъ лошадиннымъ и прочіими невозбранно наслаждатися, яковою прелестію народъ зѣло преклониху къ своему злочестію. Различная предлагая ласкательства, наипаче малое нѣкое прежѣненіе древняго злочестія ихъ и усоединеніе зловѣрія махометанска, и ничтоже яко пренать единообрѣзаніе и Махомета священно почитати, иже и во ономъ вѣдѣ вся благая приуготовляеть: женъ прекрасныхъ и вся-

къмъ благоуспіемъ почтенныхъ многое число всякому кѣмъ обща, аже будутъ намъ и вамъ, христіане же сего благополучіа не имѣти муть, и прочилъ иныя благословяху. Народъ же сему пристрастенъ, заже зѣло женалюбивъ есть, внихаше прелестехъ ихъ, а внихаше поспраше мнѣмъ во онохъ вѣщѣхъ женъ благоприматьствомъ, и названа себѣ нармцати бесурманъ. И семъ прелщены воздвигоша влечи, и возгаришешейся народъ, похитивши луки, стрѣлы, коши, пищали, пачаша стрѣляти, и (отъ нашихъ?) трахъ смертѣхъ уязвиша и самага изъ проповѣди перваго въ чрево удари княжакъ всъ пищали; но Божия чудеснѣ соблюде десница, ибо пу(ла) вергуть изрѣна тохмо одежду и претиву тогожъ мѣста хребта изиде. И тако прочая ины едва живъ убѣгоша. Обаче ни-чтоже усилъ прелестъ сего ослабляющая и помрачающая умъ: идѣ же бо возсія слѣтъ истинный евангелскѣ, аже обновы духомъ разума ихъ, тамо прелестъ и алохитрство сего узакаше джы проповѣдника, отъ предѣлъ изгнаша, вси же присовокупившася крещенію и благочестию.

Ѣ. Всегда же постиженъ и побѣжденъ, противникъ спасеніа въ своемъ коварствѣ злобы и зависти видѣше исполнися, пагубныя своя и пакы простре сѣти. Временехъ нѣкимиъ плывуще по великой рѣки Оби, сташа у брега и утвердиша крѣпцѣ судно. Работный же съ прочіими видѣше валемающую тишину, изидоша на брегъ пощваго ради упокоенія. Часу убо третіаго ночи, егда всѣ на брегу уснуша, въ суднѣ же оставшеся въ священникомъ озончевающе вечеряли свои моженія, абже нача судно колебатися; егда же верхъ изидоша судна видѣти, что сіа суть, тогда узрина себѣ посредѣ волнъ. Внесану же возшумѣ духъ бурень, возмутися вѣтры, лю судно волнами сѣмо и озамо носимо, мнѣшеся опро-

верженно быти, еже обично на великой рѣкѣ Обѣ ради зѣло жестокихъ волнъ бываетъ. Мало же оставльшисѣ въ суднѣ видяще себѣ немогущихъ помощи, зѣло ужасошасѣ, и не хотяше взирати на страхъ и ужасъ приближающейсѣ смерти, убѣжаша всѣ внутри судна. Проповѣди же учитель, преосвященный архіерей, оста съ еднимъ служащимъ верхъ судна, несумѣнно надеженъ хриноваго Спасителя своего помощи и заступленія, дерзну неудобъ возносимо вознести мало вѣтрило, еже поемше вѣтръ вяще воздвиже и постави судно прямо на волнахъ. Оттуда же безъ кормчія понесе ко угодной и тишайшей пристани, идѣ же спасошасѣ сего правленіемъ, его же море и вѣтры послушаютъ, зане и мѣсто обрѣтохомъ угодно; вѣтры и волны утишишасѣ. Послѣди же получихомъ извѣстіе отъ новокрещенныхъ иноземцовъ, яко оны въ самое сіе время вѣдшиша по воздуху летѣвшаго огненална вѣкоего мужа вооруженна и копіемъ въ судно учителя ударяющаго, восклицаяща же: «Вторицею терплю ти; въ третіе же не потерплю».

Б. Толикими убо бѣды и труды ревность учителя всегда утружденна баше, аки кораблю волнуеся, противными вѣтры дыханіи сѣмо и овамо носимъ, обаче къ своему течаше предуставленію. Тако и ревность учителя сего (избѣжа?) бѣды волнуеся. Иногда старость, еже самыѣ недугъ естъ, жестокостію и остроюю воздуха тамошнего поражается баше. Иногда многотруднымъ путешествіемъ изнемагаше, иногда смущенія исполненна ужаса противниковъ ярость устрашаше. Обаче не устрашисѣ, ниже изнеможе непреодоленна ревность, но до сего всегда течаше намѣренія, донелѣже сіе обрете доброе пристанище, идѣ же по небезбѣдномуъ плаваніи вѣнчаша трудъ его искаемымъ благополучіи удостои бо си въ семь

году голкія благодати з помоцію Вышняго, яко три тисячи пять сотъ дунъ крестинася и наполнися Иртышъ, Обь и прочія протоки благодати Вышняго, яко бысть имъ просвѣщатися и освѣщатися свѣтше Духомъ Господнимъ, и самыя же небеса чудеснымъ нѣкимъ присутствоваша крещенію ихъ благодѣяніемъ. Многоразличнымъ бо временемъ по различныхъ мѣстахъ множество крестинася, но нигдѣ же не бысть безъ дождевнаго дѣлія, аки бы самыя небеса на омытіе скверны идолюскія помоществоваху иногда настоящей тинниѣ, сляшу солнцу противу мнѣшеса быть дождь; егда же начинашеся крещеніе, тогда печально и хлябы небеса отверзостася благопритнымъ дожда дѣліемъ, яко сямъ угасити гнѣвъ и ярость Вышняго, раздѣженную кумиролуженіемъ. Окончавъ убо зинного ради надходящюю времени плаваніе и труды своя, проповѣдникъ и учитель удоволивши благополучіемъ, остави вся протоки сія толь благодати Вышняго наполненны, яко что баше иногда мерзостна кумиролуженія оскверненны, нинѣ осияемы свѣтше благодатію удостоившася быти омытіемъ скверны идолюской, купелію же спасенія человѣческаго, наипаче же множайшимъ бысть купель спасенія великая рѣка Обь, о ней же достойно причлещуеть ритми написаніе:

Море когда съзрѣохъ спасеніе въ пути
 Бысть, но въ томъ же спасеннымъ гнѣвъ Фараонъ злота.
 Такъ слава Обь бысть моремъ злота Фараонъ,
 Языкомъ спасеніе въ путь до Сиону.
 Змію же исвали водою си главу,
 Уже престога гостодство гордилося славу
 Вознеси въ азѣтхъ, но той вознесенный
 Сокруши Обь волванъ народъ свободный.
 Воспѣть благословенны обскіе суть волванъ
 Пѣвнннхъ враговъ роди свободлають волванъ.

ГЛАВА 5.

О крещеніи Вакуличъ въ рону ѿѣдѣ.

Народъ сей Вигулскій начинаетъ селеніе свое надъ рѣкою нарицаемою Тура, обдержитъ же селеніемъ своимъ и вершинами Талды рѣки. Множество же вѣщное сего народа сѣде надъ рѣкою Кондою, и дѣ же и книжника своего имѣютъ и вѣщнымъ сіи сего повиновеніемъ, неже Остани своихъ книжковъ почитаютъ. Жителствующимъ же на Талдѣ и Кондѣ прилежать присудомъ въ градъ Нелимъ и настоящимъ тамо правительствуются комендагомъ. Имѣютъ же предѣлы свои различно: яже на Талдѣ и Туры — имѣютъ съ Татари, отъ нихъ же навикона сіи земледѣлію и упражняются съ прилежаніемъ труда въ сѣлію и собраніи плодовъ. А яже на Кондѣ рѣки жителствуютъ, сіи предѣлы свои имѣютъ съ Останки и питаются дивнымъ зеліемъ, звѣромъ, рыбою. Помоществуетъ же скудному препитанію ихъ Конда рѣка изобиліемъ дивныхъ овощей, ягода брусники и рыбы доволствомъ; прозходитъ зподъ камени Верхотурскаго и впадаетъ въ Иртышъ, юже обходитъ бреги гѣло прекрасными лѣсами и павытнымъ ку препитанію скота мѣстцами; зрятся же и хлѣбородныя

нѣкія мѣста, зане нѣцми отъ Вагуличъ ячмѣнь и овесъ сѣють и собирають преисполненнымъ изобиліемъ, пры исходѣ же въ Иртишы, идѣ же и предѣлы своя Вагуличы съ Остяки имѣють.

к. Народъ сей разньствуеть языконарѣчіемъ; обычаи же своими единоправенъ во всемъ со Остяки и обхожденіи со оными. Такожде бо ниже писмены каковыя имѣють, ниже гражданскія обычая, ниже коего художества, рукодѣліе, но обще едынъ жытія промыслъ, ловленіе рыбъ, птицъ и стрѣляніе звѣра. Обаче же подобвѣйшыи красоты человѣческой, неже Остякъ, крѣпчайшый і далеко мужественнѣйшый, и не повреждени такою язвою, яко Остяки; не тако же многолюденъ, яко Остяцкій народъ, ему же не толико обычаи подобенъ, но и злочестіемъ своимъ единоправенъ.

г. Единое бо сихъ богомерзкое кумиролуженіе и одинако различное многобожіе, таяжде бо бездушныя почитають истуканы, покланяющеса древу, въ подобіе человѣческое изсѣченну; копію нѣкоему, прочимъ же, и подобія неимущимъ, покланяхуса дровомъ; и таково единомысленнѣ сочета сихъ злочестіе. Въ сихъ обычаяхъ въ приношеніи скверныхъ жертвъ яко ни мало разнствія зреться во всемъ почитаніи богомерзкого многобожыя ихъ, сего ради ничтоже особнѣйшого обрѣтохомъ писать. Толико мало что извѣстимъ о особнѣйшыхъ идолахъ.

д. Въ чорныхъ юртахъ, нѣсколико попрыщъ отъ града Пельма, боготвораху едино копіе, къ нему же малое нѣкое каменіе привязано бысть, еже имѣяху за настоящаго идола, древностію отъ старейшынъ своихъ почитаемое, ихъ же послѣдствуя тмѣ и слѣпотѣ прародителей своихъ ревнуя зѣло почитаху, въ немъ же нѣкія хитроковарныя мечты дѣй-

ствіемъ сатанинскимъ творима бышаху. Егда бо въ жертву сего скверную приведется скоть каковъ, обычно же лошады, тогда жрець единою толико рукою вознесши коніе сие легко полагаетъ на хребетъ скота, и аще кричайшій будетъ, паде на колѣнѣ, и нѣкою невидимою тяжестью томленно бываетъ, даже до поту, стени, досели возстать и исправиться не може, донели же само конія облегчается: и жрець е и пакы воспримлетъ. Злофиремъ же своимъ мнѣтъ, яко сей ихъ боготворимый въ семь коніи духъ утѣшается приношеніемъ благоугодной жертвы. Аще же и не будетъ скоту приведенному на жертву нанесенныя тягости, не приемлютъ въ приношеніе жертвы, яко сему боготворимому адскому иркану нѣсть прятна.

й. Близъ Палима, яко разстояіемъ попрыще, едино бысть древо листовичное, никакого подобіи не имущее растою: се такожде отъ древнихъ своихъ праотцевъ обыкнона боготворить, и ничтоже тамо бысть, яко едина кумиря и то древо, на немъ же толико ближе называно кожъ лошадинныхъ отъ многочисленнаго приношенія скверныхъ жертвъ, яко удивитися древу сему толико сдержашому тяготу, многочисленное бо кожъ множество на немъ бысть. Аще же и дебели бѣ, обаче отъ всегдашня кровя проливаема и огнепаленія неускне, ниже толико въ кожахъ безчисленно гнѣздящимся не истаѣ червіемъ.

з. Недалече отъ сего древа, яко три попрыща, бѣ кумиря, въ ней же обрѣтохомъ пять идоловъ деревяныхъ, въ подобіе человеческое изсѣченныхъ, обложенны рубищами; на единомъ же отъ нихъ, иже на первоначали поставленъ, повѣшена бѣ кость птицы нѣкіа—грудь на главѣ; предъ ними же особъ предъ каждымъ въ сосудехъ берестяныхъ кости

положены. Около же оныя глазицы кумирни малая ивѣія кумирница, четвероуголнѣ поставлена баху на столнѣхъ высочае отъ земли яко трома локтѣй; всякъ же столны въ верху изсѣченъ въ подобіе челоуѣче. Въ снхъ зложены баху орудія до убіенія скота: кошіе, стрѣла и прочая. Особъ же еще бысть малая кумирня, въ ней же множество костей съхраняемо бысть. Егда же вопрошавема бѣ вина отъ нихъ, чесобы только собраніе костей соблюдяемо бѣ, простоумнѣйшии отъ нихъ первѣи отгѣтствоваху аки бы въ нужномъ и скудномъ случаи блудома и уготовляемо въ спѣдъ шайтаномъ, се есть идоломъ. Такимъ бо и именемъ по своему языку обыкоша нарицати. Остроумнѣйшия же отъ нихъ, противо естественнаго ума, древу истукаву бездушному употребляютъ ницы, глаголють, яко чести и достоинства сего удостоинаса быти приносима въ жертву, не достойно честиа пометати, но соблюдать.

§. Первоначалный же иже въ Кондѣ идолъ по ихъ зловѣрью вѣдо много почитаемъ баше. Отъ далечаѣной бо волости въ приношеніе скверныхъ жертвъ приходяду, каковымъ же сей подобіемъ или сей ли есть иже отъ Остаковъ въ Конду принесенъ, или каковъ древній Вагулицій — безвѣстно есть, зане самимъ вѣднн не случися; повѣствуется же отъ нихъ обще, яко никто же отъ нихъ тамо самыхъ въ скверное капище входить дерзаетъ, ниже княжикъ ихъ, только еденъ вѣннй жрецъ входить. Баснословятъ же и се, яко и гласъ вѣщенія, аки бы дѣтица, слышать, нанначе же егда каковыхъ жертвъ требуетъ. Почитаютъ же сего великою честию, имѣютъ предстоицыхъ кумирници двохъ стражей, одѣянныхъ одеждоу червленною, имущихъ копіе въ руди украшенное. Ся же утвари общимъ иждивеніемъ устрояють

и въ общемъ полагають хранящцы, и тогда употребляють, егда предстоить кумирницы: мнитъ бо, яко въ ветхомъ и нечистомъ одѣяніи не подобаше предстоити, зловѣру, яко мерзостная скверность сего чистоты любителяида есть. Множайшая же баснословія о семъ пренебрегохомъ (*заче сами не самовидцы, глаголемая же не всяко достовѣрно прыемлетса о семъ*).

Ѣ. Множайшыя идола безчисленны быху въ Кондѣ; но вѣкимъ Божиимъ предвѣдѣніемъ многіи сожжены и сокрушены отъ рукъ творцовъ и служителей своихъ, еже бысть сице. Не достигоша тамо нозѣ благовѣствующаго спасеніе проповѣдника, яко предвары свыше Божіе предвѣдѣніе, праяи сътворити стезя текти къ скорѣйшему спасенію челоуѣческому. Кондѣйскій князь, названіемъ Сатина, еже тамо правительствуетъ подручными себѣ жителствующими надъ Кондою, ему же съ послушаніемъ отчасти повинуются, заче наслѣдіе отъ племени прежнихъ Кондѣйскихъ князиковъ есть. Сей имѣ два сына, и по естественной родительской любви зѣло отрочать сихъ любаше. Случаемъ же вѣкимъ, а нацѣне Божіимъ предвѣдѣніемъ разболѣстася; отецъ же печалень о болѣзни сихъ преда себе заступленію кумировъ, наипаче же вѣри себе шаманчюмъ, си есть волшебникомъ, еже и служителямъ въ приношеніе жертвъ бывають, кола помоществованія ихъ, сихъ же усты лезивыа назмаенаша вѣкимъ идоломъ принестъ жертву, обладежун несухиѣно благополучіемъ здравія смномъ его. Въ время убо приношенія скверныхъ жертвъ, или скоро по приношенію, оба чада умроста. Сей же исполнень тяжчайшыи жалости, наипаче же лестию оболщенъ, прыемъ секѣру и сокруши многіа идола; приблизися же сахъ свыше устроеннымъ намирениемъ къ

первоначальному своему кумиру, и егда хоташе сокрушить, отъ народа молимъ бысть, и вѣкииъ издвоздожніемъ утолимъ, остави сего, инакъ же сожже огнемъ преди очистиа путь благовѣствованію, самъ же княжикъ пребысть доселеи въ сумнѣннѣи зловѣрія своего.

4. Егда же предивидѣніе Божіе тако устрои путь благовѣствованію, и дозѣ проповѣдника не отягченны, ниже запинаемыи нѣкими недостаточествы, аки крали упрещи, не закоснѣша нимаю, но первне сотвориши стези поспѣшиша, презираа трудъ и безвременіе. Уже бо начинашеся и безутиѣ, обаче поспѣшествомъ Всевышняго нача путь свой къ Пелину проповѣдникъ февруаріа въ КѠ. Благодатию же Всевышняго предводителствуемою и поспѣшествуемою добрѣ получи на пути знаменіе. Въ пустомъ бо нѣгде мѣстци далекимъ разстояніемъ отъ людскаго селенія, наипаче же отъ церкви, жена христіанина роды двойцу чадъ, юже мужъ оставши бѣжа спискать священника присокоупити крещенію ихъ. Но замедленіемъ своимъ нанесе усомнѣватися ей скоро пришествія оного. Надлежащимъ же тамо прележаше мимо ити посланному проповѣды учителю преосвященному архiereю, его же мимо градуща увѣдвши жена, кто архiereй есть, ужасомъ же одержима, зане замедленіе мужа и немощь чадъ наносятъ ей сумнѣніе, да рожденныхъ отъ чреслъ своихъ не лишитъ лона Авраамля, дерзну вопиити и молити послѣдствующихъ, да умолятъ архiereя приять трудъ вѣстятъ чада въ купель крещенія. Архiereй же слыша, немедленно повели уготовать купель крещенія и окрестити та младенца, предпоставляя себѣ благополучному се знаменію, яко двойца сихъ чадъ предзнаменіе есть двоихъ родовъ: Остицкаго і Вагулскаго быти окрещеннымъ, иже трудолюбивѣ тщатся да

свободить отъ работы идолской за едино и усиновить Восточной Православной Церкви Божой.

Г. Послѣдствова же знаменію сему вещью дѣло, мало бо отступу прешедше прииде никто отъ Вагулицъ, именемъ вагульскимъ Лала, не услыша проповѣди Евангельской (*иже извѣстися истинны спасеніа*), той самъ нача молити крещенія и во всемъ дохомъ крестися. Сіе убо благопрямно приемши первоначаліе, достигохомъ даже до Пелина града, идѣ же снѣ страна Вагульская присудомъ прилежить и правителствуется тамо пребывающимъ комендантомъ. Градъ же сей прилежить прамо къ сѣверу; положенъ надъ рѣкою Тавдою, а по другой странѣ Пелинка, отъ нея же и названіе восприятъ Пелинъ. И сей есть средствіемъ пѣванъ между волостми вагулицкими.

д. Въ семь аки средствѣи пѣкомъ проповѣдникъ и учитель обычашъ себѣ путемъ нача вводити проповѣди благочестія, и люже прежде въ Остяцкомъ народѣ, въ всемъ самъ единоправномъ, добръ искусивыйся вѣсть угодно и удобное съ ними обхожденіе. Первое нача искоренять тверды вѣчестія богонераскія идола, и всѣ сокрушы и сожже въ подгородныхъ волостехъ, гдѣ толико бяху идола, въ Конду же благоизволилъ послать отъ себе, желая привезти князика до проповѣди Евангельской; но сей занявъ бѣ пѣкомъ коварствы искони благъ ненавѣстника, самъ не прииде, и своего прежде воспоминаемого настоящего соблюде кумира. Не возможно же бѣ самому проповѣди учителю тамо въ Конду послѣшать, зане не хотѣше оставити сихъ, иже въ градѣ поучахуса проповѣдію Евангельскою; пѣщия бо лишышася тмы кумирслуженія и просвѣщахуса свѣтомъ истинны Евангельской. Прииде бо никто старійшина ихъ сотникъ волости

Ваглицкой, по сей ни мало противяся проповѣди вождемъ крещенія и самъ о своемъ предзнамреніи возвѣсти. Егда бо, рече, изидохъ изъ дому моего, се положихъ въ сердцѣ моемъ повелѣнному повинутися и присовокупитися крещенію, и сей начало бѣ крещенія въ градѣ, и первоначалемъ симъ прочии качаша приходить къ крещенію.

бѣ. Текущей убо проповѣди пространно, сотвориша немалое препятіе ревнители злочестія, четири знаменитые волостей сихъ мужи, иже всехъ возмутяша и преняша путь спасенія. Всѣ бо отзратяся отъ проповѣди учителя, по сей умвожаа умножить трудъ проповѣди и ученія и вседневнымъ поученіемъ нача изяслять заблужденіе ихъ, предлагая быти се противъ естественнаго ума—боготворити руку дѣлъ своихъ и поклонятися утворенному отъ себе древу или камению бездушну и нѣмому. Обаче арестъ народа сего по подобію зміину затыкающы уши своя, яко асинди глухія, не только внимаше ученію, но иже слышати хотѣше, зане старыну свою любить и древному пристрастенъ злочестію: легче бо оставить житіе свое, иже лишитися древнаго злочестія своего, уставленнаго прародителями своими. Приложяша симъ немало печальныхъ трудовъ учителю, зане ревность благочестія возбуждаше неуспѣшныя труды, жалость же только погибающаго народа непрестанно возбуждаше печаль, и скорбни сими продолжиша не малое время противоборущіяся, яко уже усомнѣватися и ушивати. Близъ бѣ время, и мнѣшася быти трудолюбное тщаніе уѣичать печалью обнощъ всю трудихомся, ничесо же вхомъ; по сей, его же судьбы бездна многа, имъ же вѣсть судьбами спасати родъ человѣческій, печальнымъ благополучіемъ увѣича трудъ благовѣствующаго учителя.

Въ день 5ї марта, въ онъ же случися праздновать Алексѣя человека Божого, проповѣды же учитель малое свое собраніе вѣрныхъ новопросвѣщенныхъ же крещеніемъ введше въ церковь поучи благочестію и удостои причаститися таинъ Божественныхъ; печаленъ же бѣ, яко толикаго подъемнаго труда своего мало желаемыхъ видяше благополучіе; но скоро Вышняго правленіе облегчи печаль сію. Исходящя убо изъ церкви, нечаянно Тахтаганская волость ващше дзухъ сотъ человекъ притекоста къ дверемъ церковнымъ, и падеше предъ лицемъ проповѣды учителя моляху крещенія, тогда только наченше сему желаемому радоватися благополучію. Другія благопріятыиша прийдоша виденія, яко тии прежде воспоминаемые четыри столпы нечестія, злѣ ревнители и противоборцы преклонившася къ благочестію. Десница бо Господня окамененную сердца сихъ злобу, ярость искорени и водрузи тамо милость и смиренномудріе, яко единомыслениѣ зъ прочыиши приемише проповѣдника ученіе повинувшася божественному наставленію. Зъ премногимъ убо торжественнымъ благодареніемъ воспріемише сихъ, поучи я, и яко въ своемъ зловѣрїи бяху злѣ ревнители, тако послѣди усердныи благочестія явишася подражатели. Мнози бо съ оными крестившася ващше четырста душъ отъ разныхъ волостей, въ остальныхъ же селеніяхъ посланни священниковъ для крещенія жещъ и чадь сихъ и прочыихъ оставльшихся. Проповѣды же учитель оставилъ зде правителей и учителей благочестія новопросвѣщенному народу, самъ возвратися в Пелиму, зане время належащее послѣшати и наикъ въ Остяцкую страну.

6ї. Правнцу же путь сей вепрадець, но селеніями ихъ вагуанцкими проходя, тажде проповѣды ученія не престалъ съяти и многъ плодъ принесе Церкви Божой, еѣ же мно-

путемъ отиде въ обитель Туменскую, собравшася крестію бѣсовскою возмущенны, съ убійственною рукою сихъ на зимо селенія ихъ грядущихъ посланниковъ напалоша, чающе быти зде самого учителя, во сего не обрѣтше, посланныхъ же погубити не возмогши, заве мнози послѣдствоваху отъ Вагулчъ, желающіи креститися, ихъ же вышедше убоавшеся убѣжаша. Архіерей же, увѣда о семъ, моляше гражданскаго правосудія допросити князька сего, чесо ради съ убійственною рукою найде на посланныхъ его, иже не къ нему баху посланы.

15. Егда же вольте сей бѣ до властей гражданскаго правосудія, онъ близъ бѣ своея достойныя казни, отъ какой не свободяся, аще бы не паки путь свой въ Остациую страну проповѣди учитель восприялъ, и сего з собою вольте князька, не тако наказанія ради, яко да поузыть его проповѣдію благочестія. Немного же держася сей тми зловѣрія Махометанова, нача просвѣщатися ученіемъ проповѣди, приять крещеніе. По крещенія же отпущень въ Tobолскъ, идѣ же приять его правительствующій престоломъ митрополін Сибѣрской преосвященнѣйшій архіерей Іоанъ, тожде усердшій и трудолюбный благочестія искатель, учреди щедрозлюбивою десницею своею, отправи князька до волостей его съ слѣщенникомъ для поученія благочестія, идѣ же крестяша отъ Махометанова злочестія болше трехъ сотъ душъ, и тако злочестіе Махометанова, къ нему же не уосланъ проповѣди учитель, нача искоревятися, Господу впреди поспѣшествующу.

ГЛАВА Э.

О крещеніи и паки Остяковъ въ рѣку а҃ди^{нѣ}.

а. Егда убо плодъ трудовъ учителя собрания вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дне умножашеся, обаче непрестанное желаніе неуспявшаго мысли понуждаше и паки старостию изнемогающею посѣтити паству свою, иначе же ники сии принуждаху его принять путь шестіе въ глубочайшее страны ихъ селеніе: первое, яко еще оставшися вѣдшии зъ своемъ зловѣрїи укрывахуся при исходѣ Обскомъ, близъ самого Лдистого окияна; вѣдши же по различныхъ далнего селенїа протокахъ путемъ развращеннымъ и заблужденнымъ уклоняхуся отъ проповѣди Евангелской. Второе, яко уже паству, толикии труды собранную, начаша волны и хищницы зловѣрїи Махометавска входити, и простый сей народъ, не утвержденный въ благочестїи, зѣло начяху развращать, различными презестми смущающе сердца, невѣріе предлагая, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что я въ опомъ вѣдѣи различными сластями житейскими и множествомъ наслаждаться будутъ, чесому народъ издрезале пристрастенъ и вѣроутенъ баснемъ самъ вѣру емляше, зане и по древномъ мѣшнїи

ГЛАВА 3

О крещеніи и паки Остяковъ въ року 1472²³.

а. Егда убо плодъ трудовъ учителя собрания вѣрныхъ проповѣдію его день отъ дне умножашеся, обаче непрестанное желаніе неисчпающія мысли понуждаше и паки старостію извемогающею посѣтити паству свою, наипаче же ниши снѣ принуждаху его принять путь шестыи въ глубочайшее страны ихъ селеніе: первое, яко еще оставшися вѣдши въ своемъ зловѣрїи укрывахуся при исходѣ Обскоу, близъ самого Лдиногю окіана; вѣдши же по различнымъ далнего селенїа протокахъ путемъ развращеннымъ и заблуденнымъ уклоняхуся одъ проповѣди Клангелскою. Второе, яко уже паству, толикими труди собранную, начала волды и хищницы зловѣрїа МахOMETанска входяти, и простїи сей народъ, не утвержденный въ благочестїа, зѣло начаху развращать, различнымъ прелестїа смущающе сердца, невѣрїе предлагая, яко вѣра ихъ толикою содержитъ силу, что и въ ономъ вѣдѣ различнымъ сластѣми житейскими и множествомъ наслаждаться будутъ, чесому народъ издревле пристрастенъ и вѣроитенъ баснемъ смѣхъ вѣру емляше, зане и во древномъ мѣстѣ

идолопоклонническаго зловѣрія житейскихъ сластей и въ онѣмъ вѣщѣ мнѣть бытъ блаженство; сихъ убо изгнанія ради, оставившихъ же идолопоклонниковъ въ познаніе истиннаго Господа и въ едино собраніе вѣрныхъ присовокупленія воспріять путь свой.

Ѣ. Наченше убо благополучнѣ путь свой з Тоболска юня Ѣ тихимъ плаваніемъ, достигохомъ въ трохъ днехъ селенія остяцкаго, юртъ нарыцаемыхъ Бурейковы, ихъ же нѣкихъ ради прежде прешедшими временами не бысть проповѣди Евангелскоѣ і въ своемъ доселѣ пребываше въ зловѣрыи. Прежде же пришествія учителя упреди сатана предитечи своими рабы антыхристовыми злочестія и буесловія Махометановы учителя. Абызь бо нѣкій прежде нисколько дней упреди нозѣ благовѣствующаго, мнѣться бытъ яко духъ бѣсовскій толь скоро носимый поспѣши тамо и къ своему тако весь народъ преклони злочестію, яко не толико внимати ученію проповѣды Евангелскоѣ, но ниже гласа о семъ слышати хотяху. Егда же понуждашеся проповѣди учитель благовѣствованія своего испустить гласъ, тако бяху яко аспиды глухія затыкающе ушеса своя и въ едину совокупишася юрту, ни сами отъ юрты исхождаху, ниже къ себѣ внѣйти кому отъ нашихъ попускаху.

Г. Многажды же учитель о семъ трудися посланными своими понудити я изыти ку проповѣди Евангелскоѣ, обаче ничтоже успѣ. Языкъ бо лстивъ, орудіе діаволскоє, прежде воспоминаемый абызь поостры ихъ ярость и возбуди на убійство, яко воскочыша толикою яростію и посланныя начаша первіи убійствомъ прогонити и язвити, тоже устремившася же и на самый дощаникъ, отъ него же самъ изыйдый къ нимъ проповѣды учитель и воздвигше руди своя, тихо-

мирно моляше я прѣстати отъ неповиннаго убійства; обаче дерзости и крове исполненныи рудѣ ихъ не прѣсташа звити и звина отъ нашихъ единого въ главу и ногу стрѣлами, такожде и другого добронравнаго юношу келейника его, Павла нарицаемаго, сквозѣ стрѣла въ плещи его пронзе; такожде изъ пищали единому руды пробивша, тогда всѣ отъ нашихъ праздыи руды имѣюще убѣгоша у дошаникъ, самого оставше на берегу проповѣди учителя; обаче ослабленный вростію народъ не устыдися сватительскаго лица, на противо себе буращася, но нѣкто отъ нихъ началствующій, названіемъ Уршанко, изъ пищали ударил на самого проповѣди учителя и удучи прямо чрево: всѣмъ убо дивитися, но бысть се како отъ обонхъ странъ оружіе пройде одѣжду, его самого же нимало вреди: десницею Вышняго соблюдаемъ; отгнаніе убо учителя спасеніи, наставниковъ погибели злочестія Махометанова учителемъ абизою позинушася и восприняша бѣсурманское злочестіе.

Д. Острое убо коварства діаволскаго орудіи, жестокая сихъ ярость не прѣни пути учителю, и аще воста брань на него, не устращася уповая крѣпкому Спасителю своего заступленію въ далечайшия отсюду селенія ихъ поспѣши, идѣ же много собраннаго народа, крещеніемъ просвѣщеннаго, въ стрѣтеніе учителю исходихау, и яко чада сего духоу рожденная благодатию ученія его воспитанна, неизрѣченною привѣтствоваша любовію. Учитель въ благочестіи утвержденныхъ поучаше я гражданства, какового прѣжде вслчаскій Остацкой родъ баше чуждъ; такожде всякого добронравія христіанскаго обучаше, злыя все и скверныя идолопоклоническаго обычая искореняше. Навпаче се, яко баше имъ обычай не по возрастѣ, ниже по достоинству лѣтъ имать себѣ въ су-

дружество жены: дѣтища убо семи-осми лѣтъ, мужу сущу двадцать и тридцать лѣтъ, емлютъ въ супружество и сочтovahуся незаконно; искоренише имъ се злоправіе и обучаше христіанскимъ обычаемъ, ученіе же его сему простому и всенныхъ гражданскихъ обычаемъ чуждому прежде народу бысть зѣло многополезное.

Ѣ. Умножающейся убо благодати Вышняго, по себѣ плоды вѣры и христіолюбиваго благочестія, молаху бо учителя подать имъ наставниковъ спасенія, дабы всегдашнимъ тамо пребываніемъ священники поучали благочестію. Такожде о созданіи церквей Божіихъ всеусердіѣ молаху. Желанію же сихъ изобильное подалъ благополучіе губернаторъ Сибѣры, князь Матѣй Петровичъ: егда по доношенію и усердномъ учителя моленіи по достойныхъ мѣстахъ, идѣ же множайшее народа собраніа селеніихъ устроиша церкви Божіи—въ Прохоровской волости, въ Островѣ, идѣ же прежде многославнаго скверного идола капище быше, нынѣ церкви Божіи въ имя Свѣтыя Троицы; такожде въ Сухаруковскихъ юртахъ, въ Маломъ Атламі; нынѣ же, иже присѣдять русскихъ жителей селеніамъ, сихъ присоюкупниша церквамъ Божіимъ и поручиша учителямъ церковнымъ, и тако утвердивши славы Господней умноженіе, восприимаху путь свой, идѣ же еще не быста ногѣ благоиѣствующихъ спасеніе.

Б. Достигохомъ убо Карвинкарскихъ юртъ и начевше проповѣды спасенія учитель, аже благопріятна бысть многимъ, между ими же аже прилша ученіе и возжадаху крещенія Господня, возжадаѣ крещенія и шайтанчики сихъ, еже есть жрецъ, Явакъ нарицаемый. Сей прежде іхѣа съ діаволомъ волхвованія обученіе, волшебствоваше. Егда же крестися, извѣсти намъ сіе чудесное, что прежде пришествія

проповѣды учителя союзникъ его, дьяволъ, емши его мучаше надолѣв, и биче его слыша гласъ: «Доселѣ быхъ съ тобою, нынѣ же мя отынулъ; се егда извѣщеваше на мя свидѣтельствовавшая истинны знаменія, являше на тѣлѣ своемъ и извы». Сего же поучивши благочестію, учитель огради сего и вооружи оружіемъ крестнымъ, его же сопротивный трещеть и трасется, не могій взирати на силу его.

Ѣ. Послѣдствомъ же Вышнего достигохомъ и града Березова, вже удалися до Лдистого окіана; въ нѣсколико убо днехъ з Березова достигавъ исхода Обского въ Тасовую губу, о ней же прежде воспоминахомъ. Присидитъ же градъ сей реки Сосвы и есть многонародныхъ селеній остяцкихъ средствею волостей; до сего же присуду мнози прилежатъ: Обдоръ, Сосва, Ланивъ, Куномать и прочая властію тамошнихъ боямдатовъ правительствуются, идѣ же мнози тамо въ градъ собравшася, прииша ученіе и проповѣдъ Евангелскую, и куналию крещенія Господня просвѣтишася. По крещеніи же молбу учителя пѣщии Сосвинской волостей, да молитвами своими помоществуеъ имъ отъ нападенія и коварства всякаго почитаемихъ въ идолѣхъ духовъ нечистыхъ, зане прежде рекоша быхомъ порабоженна има, имѣхомъ различны коваршиа о нихъ злобы. Учитель же утвердивши крѣпкою надеждою помощю въ томъ Спасителя своего, отпусти я съ мвромъ.

й. Воспріять зде проповѣды учитель усердное свое желаніе достигнуты Обдорского селенія, и даже до самого Лдистого окіану, но Господу лутше что прозрѣвшу инако воспять намѣренне сего и обрати путь его и пакы въ Тоболсь, тамо же остави священниковъ, да вся обидуть по протокахъ селенія ихъ и оставшия пресовокупить крещенію;

ихъ же множество крестива и нечестивыя ихъ чтилища разоряху и сожыгаху. Прышедшу въ Тоболскъ, обрете зде въ Тоболску въ ужилицахъ прежде воспоминаемаго Урпанка зъ множествомъ своихъ единомысленниковъ, ихъ же власти гражданскаго правосудия слышасте о нападеніи его и толико много ранами уязвленныхъ, и его взяша до суду и наказанія гражданскаго. Обаче проповѣди учитель свободы его отъ узилицъ и взять съ собою въ обитель Туменскую и тамо его поучы благочестію, и крести его, тожде и прочихихъ подручныхъ единомысленниковъ его крестива, и спасе всихъ не толико отъ належащей достойнѣ временнаго наказанія, но и вѣчныя погибели злочестія Махометанова.

Ѥ. Зимнимъ же настоящимъ временемъ не замедли проповѣды своя учитель обрати путь свой въ Вагулскую страну къ граду Пельму, идѣ же мнози усыновленныи крещеніемъ святымъ духовная его чада любовію стрѣтаху, ихъ же поучивше благочестію и всякимъ добронравнымъ христіанскимъ обычаемъ, основа же и церкви Божья на нѣкихъ достойнѣйшихъ мѣстцахъ. Самъ же вверху по Турѣ и по прочихихъ протокахъ яже объемлетъ селеніемъ своимъ Вагулицкій народъ, всихъ сихъ усынови купелію крещенія церкви Божой помощію Вышняго не толико сихъ языковъ, и Махометанскаго злочестія Татаръ, близъ града Опанчына обитавшихъ отъ злочестія отвори. И бысть се яко отъ нечистого чисто, и отъ недостойнаго достойное произведе, зане удостои сихъ крещенія Господня. Обаче толико уже изнеможе трудами въ путешествіи семъ, яко мяшеса намъ быти близъ его сіе блаженство подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончашъ, вѣру соблюдохъ, да дастмися винецъ.

ГЛАВА П - А.

О крещеніи Вагуличовъ въ Кондѣ 1791 году.

Д. Аще убо и толикимъ недугомъ одержимъ бысть, обаче всегда свишше укрѣпляемъ; ищущи спасенія человѣческаго трудатся, недугуютъ, но не изнемогаютъ, окрѣпѣваютъ, наче текутъ и не утрудятся; тако и сей учитель нашъ, лѣтнего дождавшися времени, воспрять и пакы путешествіе свое въ Конду воднымъ плаваніемъ, о ней же прежде воспоминахомъ, нынѣ же о устіи ея или о исходѣ мало что извѣстимъ, наипаче яко намъ многотруденъ и всякому плавающому бысть.

Е. Устіе ея толико, яко неудобъ зрѣнемъ, и многими воды разливашеся человѣческимъ досязати пристанища береговъ: толико нѣкія острова изялются, обаче вса сия мелка, яко нѣсть проходима суднами большими, иногда противными нѣтры судно на мѣлкихъ сихъ мѣстцахъ сокрушаемо бываеъ, до береговъ же въ сию или въ оную страну неудобъ достигнути мѣлкихъ ради мѣсть. Исходъ же самъя Конды зѣло глубока, покриваетъся водами яко неудобно сего вѣдать, и съ

прежняго трудностію провѣду сего выплывають отъ устия въ верхъ рѣки въ два дни. Сіе и наше бысть благополучіе въ плаваніи нашемъ. Егда же изыйдохомъ въ самую Конду, тогда зѣло красными, веселыми и палытными мѣстами брега ея обходящія узрѣхомъ. Бысть же намъ въ проповѣди многытежна и превалишны наполи учителя трудовъ смущенія, зане аде діаволь крѣпчайшее нечестія своего укрѣпиль быше гнѣздилище, егда бо отъ различныхъ протокъ закосненіе въ своемъ невѣрїи кумиры своя аде укрѣпаху, такожде и въ Обы, о немъ же прежде вспомнухомъ аде, унесенъ быше, и по-сому всю лукавую силу свою хитроковарными лести смущенія аде возгнѣди и утверди, и толь бѣ отъ всахъ странъ Остяцкіа почитаемый и славимый, яко не чаяхъ сего быти сокрушенна, но паче инаху яко хотящему его сокрушити чудесною ибюю сопротивитися силою.

Г. Достягохомъ же сея тверды нечестія. Плавающимъ же намъ, егда близъ бѣхомъ жилищъ, идѣ же той скверни соблюдаемъ быше истуканъ, извѣстихомся отъ многихъ, яко собрался многое множество вооруженныхъ, души стол хотяще положить при сквернымъ сего капищу, ниже отступити своего алочестія. Учитель же проповѣди презирая сихъ множество: «Аще ополчится на мя полкъ, не убится сердце, и аще встанетъ, рече, на мя брань, на Господа уповаю» — немедленно послѣши. Егда же достягохомъ жилищъ сихъ, нарицаемые юрты Нахрачесвы отъ имени начальствующаго тамо Нахрача Евлаева, иже есть начальникъ, державецъ и служитель скверного того истукана, узрѣхомъ множество предстоящаго собраннаго народа, вси же сіи простію взираху на ны; обаче и благопрятство явиша намъ, яко въ началѣ не возбранна оружїемъ ко берегу жилищъ своихъ пристати.

д. У пристани же изыдохомъ къ собранному народу и началнику ихъ Нахрачу Еулаеву и привѣтствовалихъ отъ лица проповѣды учителя всихъ слхъ мира, здравія и всякого благополучія желаніемъ. Обаче, презрѣвши сіе гражданство наше, отвѣщана намъ: «Вѣми вину пришествія нашего, яко ласкательствомъ своимъ хощете отвратити насъ отъ древня вѣры нашей и отрвеле почитаемого нами помощника разорить, сокрушить, но всеу трудитесь: здѣ вси главы наша положимъ, сего же сътворити вамъ не попустимъ». — И абіе всѣ единодушно отыдоста въ скверное чтилище кумира.

е. Кумиръ же сей изсѣченъ бѣ изъ дерева, одѣланъ одеждою зеленою, злообразное лице бѣлымъ жемчгомъ обложено, на главѣ его лисица черная положена; чтилище все, наначе же сѣдалище сего украшенно сукномъ червленнымъ; поставленъ же высочае прочихъ; инии же ниже около предстоятъ меншии кумиры, ихъ же глаголють быти служителями настоящаго кумира. Иныхъ же утварей, кафтановъ, бѣлокъ и прочихъ предъ нимъ полагаемо бысть много, его же злообразіе написася подробну въ лицахъ со всемъ его знаменіемъ поставляемъ, но каково странилище сіе бѣсовское.

ж. Бездушная шкварадъ такового себѣ избра служителя прежде воспоминаемаго Нахрача Еулаева, иже злообразенъ, чернъ, горбъ на персехъ и на плещехъ имѣющъ. Обаче толь тещъ скверного своего баше любитель кумира, яко неотступнѣ пребываше у сего. Моленіе же его чудесно. Гласъ тонщѣ испущаше, никакова парѣчя не знаменующъ, но акъ младъ телець рыкалъ, послѣди же мизканіемъ иѣккимъ окончеваше, и тако пребывая въ чтилищи своимъ многократнѣ въ день той безстудное, а наче безумное сіе твораше моленіе.

3. Не толико же онъ самъ, но и весь народъ, тамо собранный, зѣло почитаху сего сквернаго истукана, зане прославляху сего паче истукановъ древнѣйшаго, и отсюду немалую сему причитоваху похвалу, яко во дни Ермака, егда покоры Сибѣрь подь область російскую, и отъ того идола налагаемыя Ермакову повеленію даяху дани наслѣдіемъ отецъ и праотецъ своихъ; сей Нахрачъ державецъ бѣше сего кумира, и отсюду паче иныхъ скудниковъ бѣдствующихъ единокравныхъ друзей своихъ изобиліемъ и богатствомъ превознесся, зане толико бѣше сей нечестивый во всей Остяцкой странѣ почитаемый, яко Обскіе и прочихъ протокъ шайтанчики, сіи есть служителие кумировъ, прихождаху къ сему державцу кумира и дарами умоляху, да въ ихъ селенія отпустить. Егда же удоволять дарами и отпустить имъ, тогда оны въ своихъ жилищахъ тѣшатся сквернымъ приношеніемъ жертвъ въ скудости ползоватися.

и. Предстоящимъ же намъ у пристанища не малое время, толь свѣрышъ собранъ народъ і дивый бѣше и чуждахуся, ниже къ намъ, ниже къ себѣ намъ приходити попущаху; обаче немалымъ временемъ навыкоша друголюбного сообщенія, обхожденія съ нами, начаша нѣцѣи входить на судно учителя; учитель же всякимъ благопрятствомъ и любовію привлекаше къ себѣ, дабы угоднѣе возмогль къ нимъ начати проповѣдь; обаче, егда нача учить я отставить нечестивыя кумиры, не въ сладость бѣше имъ, но горкимъ *воздыханіемъ отвѣтствоваху: «Не буди намъ се еже отринуть сего кумира, толикою древностію отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго. Аще же і высокое повелѣніе царское великаго Государя нашего есть вама кумиры и чтилища наша разоряти, обаче молимъ васъ, наложите дань на сего, яко же во дни своя Ер-

макъ на годъ взимае три рубля; нинѣ же умножимъ и чотыри по вся годы дати, толико оставѣте сіе повелѣніе». — Учитель же воздохну отвѣтствоваше чрезъ толковника: «Горе вамъ, яко толико васъ сатана ослѣпи безуміемъ, что благодать, туе даемую вамъ, отмените, погибель же вѣчную роду всему цѣною приобрѣсти возжелѣсте. Не ули сатана доселѣ удоволи себе погибелію душъ отецъ и праотецъ вашихъ, егда толикими древними лѣты пренебрегли спасеніа вашего и оставлены бысте погибшая твари. Нинѣ же Господь призрѣ на васъ, и содержаи въ рудѣ своей сердце Царено, понуди сего бити вамъ спасителемъ, положи бо на сердце его не дани сіа нероскіа и безстудныа, но спасенія душъ вашихъ искать. И нама не буди се безуміе взимать погибелную цѣну душъ вашихъ, сіа чотыри рубля; души же ваши толикіа драгости, яко кровію всен твари Творца и Господа нашего искупленыи попускать погибели вѣчной не хошу». — Толикимъ бо ученіемъ просвѣщены, начаху усумѣватися и ревность по нечестіи и зловѣріи ихъ нача умалатися.

Ѣ. Времени же мало мимошедшу, учителю всегдашнимъ ученіемъ понуждающу, начаху колѣбаться въ своемъ твердомъ нечестіи, прислаша ко учителю отъ среды своеа искуснѣйшихъ старѣйшанъ въ совѣтъ, како и какими стачіи приступити имѣють къ благочестію, еже толь безуміа исполненна явишася, яко достойны бяху всѣмъ симъ посмѣятися миру. Начаша же сіе посланіе свое: «Повинуемся нинѣ (рече) указу и повелѣнію Государеву. Такожде, рече, учителю, и твоего не отметемъ ученія, но толико молимъ васъ: первое, не отрините и нашего отъ толикыхъ древнихъ лѣтъ отецъ и праотецъ нашихъ почитаемаго кумира, но и егда васъ вкрестити соизволяете, не пренебрежете и шайтана тоеюжде почитать

честію, окрестите сего крестомъ паче насъ честнѣйшимъ, златымъ; украсить потщимся и поставитъ убо церковь отъ своего имѣнія между іконами, по обычаю, и нашего посредѣ поставимъ. Второе, мясь лошадиныхъ да не будетъ заповѣдаемо намъ вкушать, зане нѣсть толико въ мирѣ сладкаго яденія, пріятна бо толико намъ, яко житія нашего лишиться можемъ, ниже сего сладкоястія. Прочая же наипаче молимъ, не разлучати насъ съ многими жены нашими, ниже впреды намъ возбраняти многоженства, женъ же нашихъ отнюдь не крестить вашимъ священникомъ, но сами мы окрестимъ койждо свою жену въ воду, и кресты наложимъ. Сія вся аще намъ позволено будетъ, воспріемлемъ единовѣріе и законъ вашъ».

Г. Учитель же смиреннѣ пріемше посланіе сихъ, рече имъ: «Мужіе и старцы, егда воззрѣхъ на васъ, толикою сѣдиною почтенныхъ, мню васъ быти преисполненныхъ разума, но, увы, коль сатана посмѣяся вамъ и своими коварствы толь ослѣпи умы вапа, низведе въ безуміе: не яко бо старцы, исполнены разума, и мужіе, почтенныя честію сѣдины, но яко дѣтища младоумныя, баснословице предлагаемая. Не ули можете познати тмы съ свѣтомъ раздѣленіе: раздѣли бо Богъ между тмою и свѣтомъ, тму нарече ночь, свѣтъ же нарече день, иже явѣ вамъ творити познати. Яко не бываетъ единокупно день и ночь и особнѣ день. Всякъ въ своей разнствуетъ славѣ; како убо вы за едино смѣшаете тму съ свѣтомъ, честное съ сквернымъ, богомерзкаго кумира сочтати вождѣлесте Богопочитаемымъ іконамъ, яже лица суть изображающія самого небесъ и земли Творца, тожде и служителей его і угодниковъ Божіихъ; вы же за едино злособразіе сіе сатанино, слѣпотствующими умы вашими почитаемое, хочете причтати единоравной сихъ чести; глаголете же и крещеніемъ

очистить сію бездушную шкредь. Но сіе неудобное и противодѣйствующее есть великаго разума: како бо нечувственное сіе древо, ниже видѣніа, ни слышанія, ни ослзанію мучающее, таковой тайны удостоити: крещенію бо согласуетъ соизволеніе. О немъ же и васъ молю: не буди вамъ сердца окамененныя и нечувственныя крещенія, но преклоните чувства ваша воспріять тайну спасенія вашего, и аще хотите единовѣрны съ нами быти, повинуйтеся наставленію нашему и нашимъ христіанскимъ ученіямъ, ничто же сами вѣдуща: како бо и жены ваша сами крестити глаголете, не живуще на се данныя вамъ благодати: не живѣте бо яко единою водою очищается, но дѣйствующаа невидимо благодать Святаго Духа, вашими подаваемая смиреніемъ, васъ освящаетъ и просвѣщаетъ. Отверзѣте убо, возлюбленніи, вса ваша прекословныя басни, аже посмѣвался сатана уму вашему сіа навоситъ возни; примите, молю васъ, единовѣріе и единомысліе съ нами, да будете единоутробныя намъ братія и сынове Церкви Божіа». — Обаче симъ толкиимъ ученіемъ не у повинувася, но паче саврѣши отъядоста посланники къ собранію своему.

М. Пріемше убо извѣстіе отъ посланныхъ, собраніе безумныхъ зѣло возмутися и противостаа проповѣди аще, убійствомъ дышуще на ны, начаша поносити намъ и укораху, яко вси отчаяхомся спасенія ихъ. Обаче, учитель не сумнѣвашеся, глаголаше нѣкіимъ Божиимъ предувидѣніемъ вскорѣ узрѣти ихъ въ купели крещенія, аже и собишася. Настоящу убо дню праздничну равноапостолнаго князя Владимира, приде къ учителю некто отъ собранія сихъ, почитаемый у нихъ старѣйшина, именемъ Помжукъ, аже любезнѣ присѣдаяци проповѣди учителя, возвела крещенія и нача

молити учителя сподобить его крещенія. Учитель приѣмши сего, учреди всякимъ благопріятствомъ и отпусти его къ собранію, да сію приѣмшую свѣдѣніе благодать и прочіимъ явить и привлечетъ ко спасенію душъ ихъ. Егда же изыде къ собранію, и начатъ ихъ укоряти безумными: «Почто вы противестея повелѣнію Цареву и отрицаетеся христіанскія вѣры: вѣдите вѣдуще, яко за непослушаніе прогнѣвается Богъ и Государь, и послетъ воя і вѣхъ насъ истребитъ въ конецъ и земля наша пуста будетъ. Повелѣніе бо Царево страшно і непослушающимъ его смерти достойны». — За что начаша і его укоряти. Онъ же паки къ нимъ: «Доколѣ благодать сію, спасеніе душъ нашихъ... и присѣдимъ погибели древнихъ отецъ нашихъ, ничтоже вѣдуще: азъ убо приѣмлю повелѣніе Государя моего и сіе полезное ученіе учителя». — И сими словы аки мечемъ разсѣче сопряженный сей союзъ и стать всѣмъ противо проповѣди. Мнози бо внешне рекшому, начаша приступати до единомыслія съ нимъ; іныи же не хотяху, молву въ народѣ возмуща; елины бо глаголаху пріять крещеніе, шайтана же своего сожечъ не подають, но на особномъ гдѣ мѣстѣ бросить сего, и къ нему впредь не ходитъ и не поклоняются, о чемъ и учителя понуждаху; іныи же весьма не хотяху креститися. И бысть весь день и ночь молва и прѣніе. Дню же паки возсіявшу, возсія и благодать въ сердцахъ невѣрнаго рода, и отъ Сего, иже рече ученикомъ своимъ: миръ вамъ, и бысть миръ, уста прѣніе и молва, но тишайшею кротостію прииде все собраніе къ учителю, рекше: «Сотвори съ нами, еже хочещи, и чтилища и кумиры яко хочещи разорай».

Ѣ. Изшедши же учитель къ собранному народу, поучи я довольно, и предготовльши ко крещенію, начаша отрицальныя

молитвы. Сатана же не преста возней своихъ, но избра себѣ орудіе, злообразную себѣ ипостась собранію Нахрача Еуплаева, иже малъ, чернъ, худъ, горбъ на персехъ и на плечахъ, той бо рече: «Блюдатесь, друзи, сего, егда начнутъ вась тязити, не прїимайте сего, то бо есть волшебство христіанское; таже егда будутъ вамъ стрици власы, то вырѣзovati муть изъ вась душа». — Егда начаша священники елсомъ помазovati, абіе народъ возмутися і вси убѣгоша во свои жилища, и едва возмогохомъ собрати народъ паки. По всемъ же томъ, егда начахомъ крестити, народъ весь предстоащій побѣже въ воду и сами погружахуся глаголюще: «Блади на мене крестъ, я уже крещень». — Мы же едва моленіемъ изведохомъ изъ воды народъ и чиновнѣй начахомъ крестити, и благодатію Божіею крестившася вси. При кончинѣ же крещенія паки діаволь возмути раба своего, онаго Еуплова, иже въземъ жезлъ прибѣже къ рекѣ, начать народъ отъ крещенія отгонити; народъ же устремися на него і возложиша рудѣ бїюше его, и прогнаша даже до селенія. Егда же крещеніе окончися, присла къ намъ Еупловъ оный сына своего, глаголя: «Аще самъ мене архіерей окреститъ, то и азъ прїиму крещеніе». — Се же слышавши, мы, аще і немоществовахомъ зѣло, но забивши немощь, скоро отъ ладія изыдохомъ, і во уготованномъ мѣстѣ начахомъ отрицательныя молитвы. Егда же прїиде сіе слово: иждени изъ него всякъ лукавый і нечистый духъ, гнѣздщійся въ сердци его, — абіе возтрепета ази бѣснїй, и начать глазу отъ знаменія крестнаго обрацати сімо і овамо, и мало не пале на землю, і воскрьча негѣпо, і исторжеса отъ рукъ и убѣжа. Емше же его, вопросихомъ вины; онъ же рече нама, яко страхъ найде на мя, и болѣзнь пронзе ми сердце; мы же рекохомъ, яко отверзи страхъ сей,

но вѣруй несумнѣнно, яко здоровъ будеши і никакой не ощутиши болѣзни, — и едва умоляхомъ его паки предстати отрицанію, но обаче тожде сотвори, не стерпѣ осиненія креста Господня, и нача вопли, исторгши ножъ на ны рече, яко болѣзнь ми пронзаетъ утробу и сердце. Народъ же слышавши сіе устремися, мняще яко въ дѣйствіяхъ и словехъ сихъ нѣкая поражающая и убивающая сила есть, обаче нѣщии, имъ же во отрицаніяхъ ничто же приключися, глаголаше къ нему: «Не бойся, ничтоже постраждеши».

гї. По крещеніи же всѣмъ преставиша трапезу, прочіихъ съ начальникомъ ихъ умоли учитель внѣйти въ судно — вкусити съ собою трапезы, предъядяше имъ, и по трапезѣ рече къ нимъ учитель: «Яко подобаетъ вамъ истребить отъ жилищъ вашихъ сего сквернаго істыкана, да не будетъ скверное посредѣ собранія вашего, уже вы чисти есте». Многая же о семъ наипаче бысть распря, и овін глаголаху: «Ни, да занесенъ будетъ въ пуста мѣста і непроходна». — Многу же бывшу между ими несогласію, доспѣхомъ ноци и тма покры землю. Тогда еще всезлюбная тма, діаволь нѣкій, имѣя своихъ рачителей, научи коварства сицеваго: ідола самаго, о его же пряхуся съ нами много, да не сожженъ будетъ, украдше подставиша інаго, а украденнаго отнесоша въ далное мѣсто, надѣющеся, не будетъ ли время, въ неже могутъ паки на свое нечестіе возвратитись. Посемъ соизволиша одати ідола подставленнаго за кустодію нашу, толко молаху насъ: «Да не предъ нашими, рече, очима сожженъ будетъ». — Егда же приспѣ время уже сожещи его, единъ отъ нашихъ удари того ідола, яко ему пасти; тогда паки бысть вопль і роптаніе много, яко и оружіе взяти на ны, глаголюще: «Почто тако безчестите и ругаете нашего бога», — и едва народъ укротися и от-

ступилъ отъ кумирни, взятаго же идола слезлики проводяку очима, и глаголаху: «Пойди, боже нашъ, палъ еси въ руки Русаковъ немилостивыхъ». — И тако сѣдши въ ладію со идоломъ и за рѣку преплывши, огнемъ сожгоша, послѣди и кумирню разориша. Благополучно отплывши оттуду, всюду крещеніемъ просвѣщавомъ, еликихъ обрѣтахомъ, и доплѣхомъ юрты Катиневыхъ. Тамъ приде къ намъ посланникъ отъ ихъ князя Сатыги, аки съ моленіемъ просице, да скорѣе съишимъ до ихъ собранія: уже бо, рече, всѣ собрахомся для крещенія. Вещію же самою присла разсмотрѣти, многолюдно ли къ намъ идемъ. Той бо Сатыга, князецъ Кондійскій, вса свои собравъ люди, человекъ до шести сотъ вооруженныхъ, похущеніемъ нѣкоего махометанина, пришедшаго отъ Тоболска і имъ глаголюща: «Ахъ, рече, самъ видѣхъ царское повелѣніе во градѣ приято, въ немъ же Государь повелѣваетъ, кто убіетъ архiereя, не будетъ за то ему казни». — И тмъ возмущи народъ и научи Сатыгу, еже хитростію намъ подвизати і ненадежныхъ нанадъ всѣхъ смерти предати. Но запикая Богъ лукавцимъ въ коварствіи и откры ту лость ихъ. Нѣщии бо Вагулича отъ того же полчища къ намъ пришедши і видѣвши наше къ себѣ благодаріе тайно извѣстивша: «Блюдитесь, рече, сеи есть хитрость нашего князя: той бо всецѣло умисли нанаста васъ нечаянно и предати смерти». — Тогда въ насъ духъ аще бодръ, но плоть жемоществующи устрашенни, хотѣхомъ бѣжати во свояси. Обратихомся во совѣту, что сотворити же вѣдуще. Нѣщии же отъ нашихъ рече: «Аще начнемъ бѣжати, то і сіи, иже крестившася, востануть на ны и побіють насъ; но воли Божіей предавшася впередъ идомъ, идѣ же князецъ Сатыга съ народомъ баше». — Сатыга же слышавъ, яко небоязненно градемъ къ нему, остави народъ

собранный, самъ бѣжа ідолу своему привести жертву, помози просаше отъ бѣса на свое ухищреніе. И егда приидомъ, узрѣхомъ народъ много, иже сотвориша кличъ і воишь много, злословяще насъ и страшяще своимъ княземъ, і въ день суботный, въ часъ обѣдний, приде князь съ помощію бѣсовскою, начати многоразличныя о насъ коварства строити, но Богъ вся намъ его хитрости чрезъ ихъ же людей открываше. И бысть то чрезъ три дни, і видѣ народъ, яко ничто же князь ихъ кознями своими успѣваетъ, воста на князя глаголюци народъ: «Ты, рече, бѣсишися и хочещи брань сотворити съ Государемъ, и самъ, рече, погибнеша и насъ погубиши».—І вси его оставише бѣжаша. Послѣжде и князь убѣжа во свое жилище, мы же побѣдное воспѣвше, иже остана, начяхомъ научати о крещеніи, и ни мало сопротивляшеся, елици же обрѣдохомъ—крестихомъ, и еще дагѣ поидохомъ.

УКАЗАТЕЛЬ

Абалакъ, сынъ Мара—20.
Абызь—77, 94.
Агличанское государство—16.
Адеръ, сынъ Мара—20.
Азія—13, 14, 41.
Алей, сынъ царя Кучума—44.
Алачевъ, Остяцкій княжикъ—73.
Алексѣй, человекъ Божій (празднованіе дня памяти его)—89.
Арктикусъ—8.
Атлымъ (юрты)—75.
Аюкины стени—14.
Аюшь (идоль)—66.

Байкаль, море—14.
Башкиры—19.
Бейбулатъ, князь сѣбирскій—21.
Березовъ—15, 23, 70, 73, 96.
Богъ рыбъ, см. Старыкъ Обскій.
Божки домашніе, см. Гусь, Кондѣйскій кумиръ и Старыкъ Обскій.
Восфорусъ—23.
Воярь, княжикъ Остяцкій—22.
Брадкіе Мужики—13.
Бурейковы юрты—77, 93.
Бухарскіе предѣлы (страна) — 17;
Бухарія—21.
Бѣлка—9, 15.
Бѣлогорскія юрты—58, 74.
Бѣлый мѣсяць, см. Февраль.

Вавилонъ—47.
Ваглинская волость—88.
Вакуличи см. Вогульской народъ.
Варка, избраннѣйшіе ястие—34, 35.
Вдова, см. Метемпсихозисъ.
Верхотурской камень—81.
Взоры (узоры)—39, 66...
Владымеръ св.—73, 104.
Вогульской народъ, Вогуличи—5, 18, 23, 81, 82, 84, 86, 87, 97, 98, 198.

Возмущеніе инородцевъ противъ миссіонеровъ—88.
Волга—21.
Волшебство (officium)—48, 49, 64.
Воплощеніе, см. Сынъ Божій.
Восполскія юрты—74.

Гагарынь (Гагаринъ), Матв. Петр. князь, первый губернаторъ Сибири—1; его гербъ—2, 68, 70, 74, 95.
Горностай—9, 15.
Горы, см. Каменные горы.
Гусь (богъ птицъ водныхъ)—55, 57.

Дивныя языки—18.
Довъ—2.
Дорыприниженіе скверныхъ жертвъ—48.
Древеса изъ нѣдръ земли (камен. уголь)—16.
Древо листовичное... обыкоша боготворить—83.

Евреи—80.
Европія—13, 14, 17.
Египеть—69.
Единоравенство Остяковъ—40.
Елены—24, 37.
Елины (Еллины)—47.
Ермакъ нѣкій, Тимофѣевъ сынъ—21, 22, 44, 101.
Етигеръ, князь сибирскій—21.
Ефтіопы—29.

Земскому полу никакихъ именъ не налагаютъ—30.
Житіе Остяковъ—29.
Жрецы—48.

Земныя писанія—32.
Звѣробоя, зелие (звѣробой)—17.
Земледѣліе—38.
Злато—15.
Знаменія вм. подписей—33.

Индія—63; Индѣйская земля—69;
Индѣйскій родъ—54.

- Идолъ Кандійскій... збіло много почитаемъ башо — 84... Св. Кандійскій кумиръ.
 Иркутскъ—14.
 Иртышъ р.—19, 20, 21, 22, 27, 46, 56, 70, 81, 82.
 Исходъ Обскій (устыя Оби)—92, 96.
 Ишимъ р.—19, 26.
 Июды—29.
- Иеремія**, пр.—6.
 Иоаннъ, см. Максимовичъ.
 Иоаннъ Васильевичъ, царь Московскій—22.
 Иустиніанъ Великій—61.
- Иабила** жезъ в дѣтѣх—32.
 Казимирскія юрты—74.
 Калмыки—18, 19, 27, 63; Калмыцкій родъ—64.
 Калмыкъ—42.
 Камешія дратіе—15.
 Камешныя горы—17.
 Камени—27, 75.
 Камчатская страна—14, 24.
 Кариннарскія юрты—90.
 Катарскія юрты—108.
 Кедра (кадры)—18.
 Киргизы—18.
 Китайскія семы—40; Китайск. родъ—64; Китайскія стѣны—15; Китайское государство—14, 17, 41, 60, 62, 63.
 Киевскочерская чудотворная лавра—61, 69.
 Киевъ—73.
 Клятва (просва)—53, 4...
 Книжки Останкіе, преродные—50.
 Кодицкій монастырь—72.
 Кожаны валики 31, 38.
 Козель дѣлѣй—17.
 Колыны—43, см. Калмыкъ.
 Комендаты (коменданты)—40.
 Конда, Кондія — 23, 28, 56, 84, 86, 87, 98, 99.
 Кондійскій кумиръ—55, 58, 59, 84.
 Конталыныя стѣны—14.
 Крещеніе Вогулчей, см. Валуачи.
 Копчскія юрты—80.
 Крокъ (боекъ)—47.
 Кумиръ Шаршоровскій—50.
 Кумираи съ пѣтью влогахъ
 Куусоатъ р.—23.
 Куусоатъ—96.
 Курганъ—26; см. Ромаша.
 Кутухта—62 и слѣдующ.; см. Мунгалскій законоучитель.
 Кучумъ Мартыновичъ, изъ Базатей Орды, горный наречесъ царскъ Сибірскій—21.
- Лавны** (членники духовные)—62.
 Латвискій князь—40.
 Лавны—23, 96.
 Латвискія имена въ пермскомъ иртышѣ—27, 28.
 Ласкитый овианъ—92, 96.
 Ласины черныя—14.
 Лала, инго (нѣкто) отъ Ваганча—87.
- Мамонета**, сынъ Адера—20.
 Магнитъ—17.
 Максимовичъ, Іоаннъ, бывшій архіепископъ Черниговскій—1, 68, 72, 74, 79, 86, 91...
 Малый Атлакъ—95; см.: Сухорукскія юрты.
 Мамонета, мамонета (зѣбра) кости—15, 16, 17.
 Мангалы—13.
 Мансуръ, Иванъ (военда)—45.
 Марморра (черная ласка)—41.
 Маръ, сынъ Ходыа—20.
 Марія, дванадцатолѣтняя дѣвица (судо съ нѣю по крещенію)—90.
 Масло каменное—17.
 Махонетаны—29.
 Медидъ (его почитаніе)—53.
 Метекиспиховость у Останковъ (странной же, безумія и безстудія исповѣдничей обитая...)—46, 62.
 Месива градъ—18.
 Московскіе государи—22.
 Московское государство—41.
 Москветъ (муркузъ)—17.
 Мужики Брацкіе; см. Брацкіе Мужики.
 Мукунъ, рыба жардныя—34.
 Мунгалы—51.
 Мунгалскія стѣны—14. Мунгалскій владыкестеууній законоучитель и законодатель—62.
 Мунгалы—63.
- Налыны** рыба; см. Кожаны.
 Нареченіе новорожденныхъ—30; см. Русскія имена.
 Нарыаъ—23.
 Нахратеемы юрты—90.
 Нахратъ Евлашевъ—99, 100 (его колѣны передъ истуканомъ), 101, 106.
 Нелма (овыма), рыба—56.
 Нарчинскъ градъ—14.
 Натка: ось крошны бо зѣныа хн тросткѣ исплагутъ нѣтъ—38.
 Нада р.—19.
 Новадѣй Греторій—1, 8.
 Новолуніе—51... 65.
 Наземъ потопъ—16.
- Обдора**—23.
 Обдорское селеніе—96.
 Обдоръ—15, 96.
 Обувъ, см. Кожаны.
 Объ (Оба) р.—13, 19, 20, 22, 23, 27, 34, 35, 41, 45, 56, 57, 72, 78, 80, 89.

Огневальный мужъ (индѣецъ)—79.
 Одежда изъ рыбьей кожи, см. Кожазы.
 Ондѣй—39.
 Оклявъ дѣстѣй — 15, 17; см. Дѣстѣй оклявъ.
 Оля, князь—19.
 Опанчинъ градъ—97.
 Останка, аки бы Останъ—28.
 Островъ—95; см. Прохоровская волость.
 Останкая страна, Останкѣй народъ—1, 5, 9, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 28, 29, 32, 34, 37, 39, 45, 55, 58, 60, 69, 72, 82, 84, 81, 87, 89, 91, 94, 99, 101.
Палець кельдинъ—94.
 Палестина (въ смыслѣ страны, сущ. нарицат.)—16, 84.
 Пала (пальма)—2.
 Пашотинъ (Πασιθος), кудесникъ нѣкій—75.
 Парчи шельковны—15.
 Пелмава р.—87.
 Пелмаъ (Пелмаъ) градъ—81, 82, 85, 86, 87, 89, 90, 97.
 Переговори съ пресвященникомъ Иоанномъ—101...
 Пержасное нарѣчѣе—27.
 Пермаъ Великая — 26, 27, 28;
 Перизъ—75; Перкано—27, 28, Перки—24.
 Пина—34.
 Пестръ, апостолъ—64.
 Петръ I, императоръ—60, 61.
 Пятагоръ—62.
 Пиръ р.—23.
 Погребаніе умершихъ—45.
 Полема, сушеная рыба—84.
 Полюненіе изломъ—65...
 Полвоцимъ, дѣстѣй оклявъ—8, 13.
 Полунъ р.—23.
 Помжуъ, старѣйшина—104.
 Прокана или зеска величюста (на издѣлнйи нечистоты недугъ)—42.
 Преселеніе души, см. Метемпсихозисъ.
 Прохоровская волость—95.
 Пси (для ѣзды)—37.
 Птага орла—18, 19, 27.
Романа—26; см. Сосуды, Сребро.
 Россіана—14, 28, 44, 43. Россійское монархи—13. Россійское государство—18.
 Рукодѣланіе обше всѣмъ едино, стрѣланіе зѣбра—33.
 Русская ямена—30.
 Рыбная ловля—14, 15.
 Рыбны кости—24.
Самаровъ градъ—53.

Самостинъ — 18; Самоды — 19, 23, 24, 27.
 Сейдакъ, князь—44.
 Сатана, вондѣйскій князь (милецъ)—85; Сатана—108, 109.
 Селента—14.
 Сибирская митрополія—61, 68.
 Сибирь, Сибирское государство, Сибирское царство, Сибирь, Сибиря—1, 4, 6, 8, 9, 10, 13, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 44, 45, 60, 61, 62, 75.
 Симоъ, князь—61.
 Сив (Сивъ—Сивъ)—59.
 Снонь—80.
 Сладкія (прѣсныя) воли—18.
 Словонакъ кость—15.
 Слода чистая—17.
 Собаки, см. Пси.
 Соболъ—14, 15.
 Созданія озера—15.
 Сосна—23, 96.
 Сосновская волость—96.
 Сосновскій князь—40.
 Сосуды берестяны — 37; ямные, находимые въ рощахъ и курганахъ—26; каменные издѣланы—16; фарфурные—41.
 Сребро — 15; сребра множество въ рощахъ и курганахъ—26.
 Старикъ Обскій, домашній божокъ (богъ разбъ)—51, 56... 71.
 Стефанъ, см., Великія Пермии епископъ—26, 29, 75.
 Студский пламенный кругъ—8, 14.
 Сузружество Останкы—42.
 Сузружскія круги—95.
 Сыродды—28.
Табакъ китайскій—36.
 Тава р.—81, 87.
 Тагль р.—19.
 Таймаъ, Тайбуъ, сынъ Ома—19, 20.
 Тагуская земля—62.
 Тасовская (Тасовая) губа—23, 96.
 Тавъ р.—23.
 Татары—19, 27, 44, 51, 81, 97.
 Татарскіе князья—26.
 Тахтаманская волость—89.
 Тоболскыя гуады; Тоболскъ, германскій престолный градъ изъ государствъ Сибирскихъ — 13, 22, 23, 31, 42, 44, 70, 73, 90, 91, 93, 96, 97, 108.
 Тоболъ р.—19, 22.
 Тюмень (Тюменъ) градъ—20; Тюменская обитель—91, 97.
 Туагусы—18.
 Тура р.—18, 19, 20, 81, 97.
 Турухана—13, Туруханскы—15.
Улусы—40.
 Ушакъ, казанскій царь—20.
 Урманно — 94, 97.

- Фараонъ**—80.
 Февраль, см. Цаганъ.
 Физосей, хитроумный Сибирский
 (экономъ Клеменстерска худотвор-
 зма джары)—61, 67.
 Фрегаты—23.
- Ходьа**, сынъ Табоука—10.
 Холостъ кривой (кранганъ, см.
 книга)—88.
 Хондъ, Хондываъ, см. Кондъ.
 Хрусталъ самородный—17.
- Цаганъ**: сестра бѣлая итска—65.
 Цаты иль олова—39.
- Чернышъ** следы—40.
 Часова (Чусова) р.—21.
 Черныя юрты—90.
 Чингизъ, подвластный (подручный)
 Оца—19, 20.
- Чудо съ позокрепниномъ иладен-
 цемъ—90 (см. Марма).
 Чувствя народы—20.
 Чотный народъ—26; Чуждой в.—46.
 Чингизинъ тракъ—20.
- Шаръ**, см. Табакъ китайскій.
 Шершоросскія (Шоросская) юрты—
 50, 72, 74; см. Кушра.
 Шубы, см. Кошмы.
- Юнона**—46.
 Юрты—38, 50, 72, 74, 75, 77, 90, 93,
 95, 99, 108.
- Ямакъ** найтагчикъ—95.
 Ямакъ, см. Дини ямакъ.
 Якуты—13.
 Якутъ—14.
 Ямакъ—41.
- Феодоръ**, слышнаго—1.

Описание

**живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде
иноверческих народов остяков
и самоедцов,
сочиненное студентом
Васильем Зуевым**

Мужу, науками просвященному,
ученому и достохвальному в оных попечителю
Петру Симону Палласу,
медицины доктору, натуральной истории профессору,
Санкт-Петербургской Академии наук, Вольного экономического общества, Римской императорской академии и Лондонского ученого собрания высокопочтенному члену,

Милостивому моему государю
от студента Василья Зуева
покорнейшее прошение.

За верх моего счастья почту, естли сей первейший опыт моих трудов удостоен будет вашего приятия; но тем наиболее усугубите ко мне милость вашу, когда вы, все силы истощая к приращению пользы Российскому отечеству, не оставите и сей мой малой труд поместить в число ваших исследований, почему и впредь не престану вашему ко всеобщей Российского отечества пользе рачению соответствовать, и наивящие стараться буду, чтоб быть достойным учеником такого мужа.

Глава I Обитание народов

Самоедская земля, последняя часть к северу, сколь дикая в своем звании и состоянии, столь равным образом и дикими народами обитаема, из коих в Березовском уезде два рода почитаются, то есть остяки и самоедцы, но первые живут далее от берегу Северного моря и, располагаясь далеко вверх по берегам реки Оби, соединяются уже и с российскими народами; чем наперед можно узнать, что они, более обходясь с русскими, более приняли их обыкновений и поступок и не столь, напротив того, глупы и необходимы, как прочие. Оные хотя и имеют отчасти кочевное свое жилище, но от р. Оби мало отделяются, разве отходят в летнее время по другим речкам за промыслом рыбы, а в зимнее время в тундру за дикими зверьми. Однако все своего первого жилища не оставляют, где у их построены и избы деревянные на зиму, а летом живут в шалашах, по-тамошнему чумах. Напротив того, последние, ближайšie к северу самоедцы, коли можно назвать дикими зверьми, то в сходственности едва ошибиться можно, не имеют у себя узаконенного им жилища, к которому б по времени съезжались, как первые, но почти ежедневно на оленях перекочевывают с места на место, сколько для звериного промыслу и своего пропитания, столь зимою и для оленного своего скота на разные места пересезжают, как о том ниже явствовать будет.

Глава II О их языке

Язык у всех диких самоедцев одно наречие имеет, которое произносится очень глухо и неясвенно; гово-

рят в нос с большою ужимкою, так что и слова хорошенько выслушать не можно; однако в некоторых словах многое сходство имеют с остяцким языком, которой произносится более гортанными литерами и гораздо явственнее, нежели последние. Но те самоедцы, которые отчасти около Обского устья за рыбным промыслом расположились, суть как междуумки сих двух народов, имеют почти совсем будто особливой язык и особливое обхождение, которое описывать в особливости, кажется, нет нужды, но можно и без того разуместь, что они, замешавшись между сих двух народов, обоих приняли обыкновения и поступки, ибо совсем сходны с самоедскими, сходны и с остяцкими; с самоедью поступают по-самоедски, а с остяками по-остяцки; однако смешение их везде явствует, так что остяк мало разумеет речей его, равным образом и самоедин мало толкует, и хотя они жеи берут от остяков и самоедцов, но в том нет нимало затруднения, а понеже таковых немного имеется, то и совсем оставить можно¹. Впрочем, и те, кои далеко друг от дружки отделяются, однако в рассуждении своей смежности в некоторых случаях не разиствуют между собою.

Глава III Границы

Первых, т.е. остяков, уже не известно обитание и место по реке Оби и рекам, в нее впадающим, но самоедцы по всей тундре, подле берег[а] Северного онаиа лежащей, разъезжают и разделяются на две части Обскою губою: первая называется Закаменная, по левую сторону Обской губы лежащая, граничит с Пустозерским уездом, начав от вершины реки Соби чрез Камень до Карского залива, от которого по берегу Северного моря до самого устья Обской губы; Низовая же по правую оной сторону, от Тазовской губы по Туруханское ведомство границы, свои расположила.

¹ Здесь и далее эти цифры соответствуют порядковым номерам «Комментариев» (Прим. изд.).

Глава IV О их происхождении и телосложении

Что же касается до их происхождения, то едва можно верить самоедскому заблуждшему рассуждению. Напротив того, как и русские производят, будто бы произошли от татар, когда славной разбойник Ермак, разорил Сибирь, рассеял весь род татарской по незнакомым сим местам, и хотя за верное полагают, аки бы Ермак был и ниже Березова², однакож через толь немногое время нельзя верить, чтоб произошло новое идалопоклонство и совсем новой язык, в коем нимагого остатку и сходства с татарней найти бы нельзя было. И так хотя и совершенно за лучшее в их причесть к роду неведомых прежде бывших в тех местах народов³, однако не без основания истории можно положить и самые их речи, о которых, правда, немногие и толкуют.

Перво, когда еще земля им казалась быть пустая, были в том краю родные два брата, из которых большой назывался Ваги, а малой Хазова⁴, кои оба промышляли первое лето оленей, от чего и были довольны одеждою, на другой же год стали промышлять ежи, тогда были наги, что и принудило из их одному промышлять рыбу, а другому оленей, но когда по прошествии времени один другого звал к себе в товарищи, а обем свое житье показалось мило, то в том друг дружке отказывали, отчего рассердись малой брат назвал большого Ваги, от коего произошли вогуляки и родственные остяки, а от того произошли самоедцы; однако каждой рассудить может, что сей хорошей вымысел, коему совершенно верить нельзя, а неотменно положить надо, что сии останки суть древних измичников. Впрочем, естли сравнить их с другими народами в рассуждении их отдаленности, то за подлинно можно почесть особливим, не только в языке и поступках несходным, но и самое их телосложение доказывает род отдельной, ибо пусть остяки по смежности с ними сходны, как и другие дикие в севере живущие идалопоклонники, однако и тут, рассмотря сих двух хорошеень-

* Но в сем мнении много они ошибаются, хотя бы то и правда, что был там какой-нибудь рассказчик из ермаковой шайки, которого и вероятно, что оня по тогдашнему страху почли за настоящего Ермака. О чем смотри Сибирскую историю Г. Миллера.

ко, можно легко знать, которой остяк или самоедин. Между остяками немного найти можно с лица пригожих; напротив того, все росту малого, так что и средних редко найти можно, волосом же более саялорусые, а самоедцы по большей части волосом черные и чернорусые. Рот большой, губы толстые, нос к ноздрям широковатой, ноздри отворенные, обще же сходствуют между собою, что росту небольшого, лица смуглого, житья грубого; однако последние (самоедцы) гораздо пропорциональнее, красивее и здоровее (а особливо пол женской), мускуловаты, житьем гнусны, в обрядах очень сходственны.

Впрочем, как немногие о своем происхождении толкуют, так мало об их и разуместь можно, ибо я сам от некоторых слышал, будто бы и русской был причтен в число третьего брата, коего и доныне называют Луце (коли не вымышлен перевод, что значит воин⁴, а Луце нинзилне — воин сердитой), однако можно догадаться, что они тогда русских называли воинами, когда при покорении их угнетали. Напротив того, что самоедцы по своему имени называют себя умнее (Хазова войгутта — мужик умной), а остяков глупее, но в том совершенно они ошибаются, ибо во всех поступках и в речах можно остяков предпочесть самоедцам, а может быть и потому, что сии ближе к русским и больше около их обращаются, нежели те, которые живут в отдаленности в неведомых тундрных местах.

Сей обузданной уже почти народ остяцкой почти всякие обиды сносит терпеливо, нежели те отдаленные, которые из малой вещицы по своему заблуждению рады драться, а в случае голодного времени и без причины на русского руки смело подымает. Впрочем же, хотя в своем звании дики и грубы, однако просты и милостивы, для себя скупы, а в случае для русских щедры, к вину оба сии народа, не выключая баб, девок и малых ребят, столь лакомы, что если бы у них довольно его было, то б мало из малых младенцев на свет выросло. Сговорчивы, заведших бует орудием не склоняшь, кроме ласкою. В разных промыслах трудолюбивы и в трудах прилежны, а особливо пол женской, для честного честны и ласковы, с соседями согласны, легкомысленны, страннопримчивы, в спорах уступчивы и при их дикости верны и справедливы. Напротив того, об остя-

как нельзя того сказать, чтоб были столь дики и грубы, как самоедцы, но что просты, не ссорчивы, прилежны и согласны, в том ошибиться нельзя, и что смело с ним народом поступать можно, то докажет их обузданное снисходительство.

Глава V

О их платье и украшении

Платье, како у тех народов в употреблении, есть простое из разных ими промышляемых зверей, а не от русских покупаемое, кроме одного холста, да и то редкие, разве богатые из остяков, имеют, а прочие по большей части ходят нагие, как и женщины, в одних только тулупах. Мужское зимнее состоит внизу из малицы, которая делается из вешних⁵ оленьих кож с рукавицами, длиною до колена, и надевается мешком вниз шерстью; верхнее платье, гус называемое, из зимней оленьины или постели шьется таким же образом, но с головою⁶, которой носят на малице. Внизу имеют штаны ровдужные и на ногах из тонкого неплюя⁷ вниз шерстью, наподобие чулков чажи⁸, а на них надевают из оленьих лап спитые сапоги или пимы, у которых подошвы делают из оленьих щеток или пяток, доказывая к лучшему, что грубая и непорядочная пятная шерсть не скользит под ногою и бывает гораздо прочнее, нежели из лбов оленьих. Летом ходят нагие в одних только малицах, которые иные щеголи делают из лоскутков разных сукон и опушивают кундами из собачьей белой шкуры или песцовыми хвостами. На ногах летом имеют легкие ровдужные, наподобие пимов, негован⁹, красною краскою или ржавою раскрашенные, у коих подошвы более из оленьих лбов бывают.

Еще ж у их бывает легкое платье, которое в случае и зимою и летом носят, называется парка, и шьется тем же подобием из оленьей телячьей кожи вверх шерстью, с рукавицами и головою и опушивается как около подолу, так и около головы белую собачиною. Таковая носится по расуждению холода и одинакая и по малице, но сию последнюю я видел только у одних остяков, а у самоедцов нету.

Напротив того, женщины остяцкие носят по голому телу долгие тулупы¹⁰, которые шьют по своему покрою простран-

ные, но чтоб пола с полою сходились, которые завязывает завязками и притом везде строго наблюдает, чтоб пола не распахнулась, чему все русские дивуются и совершенно за великого щастливца между проезжими россиянами тот признается, которой у присевшей в трудах остиатки незначай увидит стыд, заткнутой отлеом, которой делают из таловых стружек¹¹, мелко выструженных и после мягко вымытых. Летом ходят босые, а зимой в неговаях.

Что же касается де головного их убора, то сему, не знаю, кто б не мог в их жизни дивоваться. Волосы их и без того грубые и жесткие, как щетины, а они к тому ж их никогда не чешут и не знают, что то есть чесать волосы на свете. Мушны ото лба вокруг головы подбревают, а верхушку же оставляют с густыми волосами просто, и хотя они не пекутся о том, чтоб заплетать их в косы, однако волосы сами по косам сваливаются и на голове лежат, как крепкой войлочной парик, которой, рукою прокапывая, едва дощупывается тела. В таком состоянии возможно ли подумать, чтоб не было у их вшей множества, за подлинно я сам видал довольно между остиатками и самоядцами, что бабы у мужиков ищут вшей не глазами, а ошупью, но их и едят без всякой брезгливости, но хотя при русских им было и стыдно, однако в ответ без всякого зазору сказали, что они де нас кусают, то мы равным образом и их должны кусать без милости. Бабы же, напротив того, головы хотя и не чешут, но долгие свои волосы заплетают в косы, которых две назаде связывают вместе, а некоторые богатые имеют будто повязку¹², у коей концы назаде долгие и расшиты разными медными фигурками, как коньками сделанными, рыбками и прочее, сзерж которого обыкновенно все носит на голове покрывало, по-ихнему вокшем¹³, которое никогда ни у бабы, ни у девки с головы не сходит, и во время прихожих людей и своих сродных, кроме одной матери, будто от стыда им закрывается; из молодых же, коли что-нибудь делает, то и совсем от сторонних лицом в угол отворотится.

Впрочем, и сие у остиаток за меньшее почитается украшение — выписывать наружность своего тела, из которых на руках я видал столь хитро выписанные фигуры, что дивиться тому надо, как они чрез то себя не могут испортить, ибо в местах около локтя опасных и на самых

жилах видно столь глубоко тыкано иглою, что сажа, которою они после иглы ранку замазывают, внутри разопльшишись, немалое синево причинила, но сие хотя я и спрашивал, но никто, мне кажется, не отвечал справедливо, ибо иные говорили, будто бы сие у их вместо пускания крови служит. Можно бы тому и поверить, но у их вышивают и молодые, равным образом и те, кои в век свой болезни не ведали; напротив того, я почитаю, что каждому остяку более бы надобно было крови прибавить, нежели еще выпускать оной, притом же они, как скоро выколят те фигуры, то тотчас замазывают сажею, чтоб после уж пятно не стиралось, а что их у всех тот обычай писать на ногах и на руках, то совершенно должно почесть за украшение в своем роде. Мущины же хотя и имеют, но немного, и то для одного знаку, которой у их записывают при ясаке вместо имени. В ушах женщины носят серги долги на ниточках, на которых навздеты многие разноколерные корольки, а мущины, все также почти имеют маленькие нитяные колечки.

Самодцы, напротив того, хотя народ отменной и далеко отделенной, однако в одеянии мало разиствуют мущины, ибо имеют то же самое платье, как и остяки летом и зимою. Но о голове, хотя и не брегут равным образом, однако из их более щоголей выбрать можно, нежели из других. Головы хотя не чешут и хотя она также свалжалась войлоком, но убрана на разные косы, кои до смерти его не развиваются. А пол женской часто оную чешут, убирают обыкновенно бабы на две косы, а девки на многие. Если же вдова выйдет за другога, то на виске оставляет для третьей косы растрепанные волосы в знак печали по первом муже. Ходят всегда с непокрытой головой, разве в дороге зимою надевают шапки, русским чебакам подобные. Серги в ушах короткие корольковые, платье же совсем от остяцкого отменное, а более, думаю, камчадальскому подобное. Хорошее, но одиомаперное всегда, платье бывает из разных суконных лоскутков, на груди и на спине из неплюевой кожи. Сзади и спереди навешено несколько лоскутков из оленьих кож, также и сукон, кругом имеются по платью три кунды (опушки) из разных лучших зверей, спереди не застегиваются, но подпоясываются ремнем, и на брюхе, вместо завя-

звания узлом, имеет большое железное кольцо, за которое другой конец ремня привязывает, впрочем, шуба сия не долгая и не просторная, но чтоб полы только сходились, а длиной пониже колена; внизу носят штаны ровдужные безо всякого затыкания, как у остяков, на ногах пимы либо не гован.

Впрочем, зимой и летом носят шубы по голому телу. В шубе спит и в шубе от начала жизни даже до смерти пребывает. А мужчины спят всегда нагие, в одних только штанах.

Глава VI

О их жизни и экономии

Сколь дикой сей народ и гнусной в своем житии, хотя того и не можно заключить из краткого сего описания, однако здесь мною поступаемо было так, чтобы верить одному только слову, а не пространному того описанию, в которое я нимало [не] не старался. Нельзя тому поверить, что остяки руки никогда не умывали, но всегда с их рук или около чищения рыбы грязь смывается или мокрые о негодную спальную свою шубу обтираются, и хотя всякому брезгливому смотреть на такое житье будет странно, однако и принужден будет герпеть великодушно и удивляться их невежеству. В самых их жилищах нет никакой чистоты и порядку, нет никакой опрятности и, кажется, нет нималого к тому рачения, ибо и хорошие уже ребята редко из юрты на двор выходят, а большие по крайней мере около юрты нужду свою и опрavlять должны, будто бы так надо по ихному закону. Сие свинское житие каждому покажется невероятно, однако кто на их жилища хотя издали посмотрит, тот в верности сего описания не усумнится.

Остики, во-первых, избирают места свои на зимнее время обыкновенно подле воды, где на сухих местах строят деревянные избы, которые бывают без крыши, а только на потолок насыпают земли, на котором вырублено четверугольное окно небольшое, кое зимою для свету вместо слюды льдиною закрывается. Изба имеет совсем особенное строение и строится по большей части четверугольно, за неимением толстого лесу и из тонкого окладывается как надо,

без переключивания между бревнами моху, а некоторые такие ж юрты имеют в земле как выходы, в коих пространство разделено на столько семей¹⁴, сколько живут в юрте, и хотя за множеством не широко место достается, однако каждая оstantка со всем своим экипажем и детьми должна в узком том отделенном месте жаться, при своем огне сидеть и работать.

Из сего видно, что у их нет никакого убору и опрятности, но где что как положено, на том и валяются. В таких избах бывает семей три, четыре и пять семей вместе и естли случатся младенцы, то каждая в своей норе пред собою имеет зыбку, в коей насыпано для мягкости под младенца истолченного гнилого дерева, на которое кладут и, одев малою шубою, увязывают крепко и качают, а другие ребята спят с отцом и с матерью рядом. Посреди всей избы имеется огнище, над которым варят себе пищу, кто когда захочет, как для себя, так и для собак, кои со щенятами в тех же юртах гнезда свои имеют под их спальными лавами. Добрые собаки никогда из юрт не выпускаются, а езжалые на дворе всегда около юрты прибывают, но когда оstantку куда ехать понадобится, то всех сгоняет в избу и, тут накормя, запрягши, выезжает. Впрочем, и все собаки обыкновенно в юртах трескают, а из некоторых и спят тут же и костят без всякого после очищения, чего ради во всех оных юртах такой дух мерзкой, что долго сидеть верно никто не согласится, ибо тут же сушат и рыбу, которую зимой напромышляют, и ежели думают, что для собак летнего корму неостанет, то кости тут и поземы жарят, отчего вся юрта вверху так закоптела, что на потолке и тенетах сажа висит сосульками.

Во всех юртах обыкновенно такая чистота бывает, что от мочи и сору никогда не очищается, разве в жаркие дни сама высохнет.

Что же касается до ихней прочей поклажи, как олени кожи, постели и прочие зверёвые шкуры, те кладут в лабазы, в лесу построенные, без всякого прибору и от воровства опасения, а кожи олени около лабазу часто и так на весь год лежат на санках оставленные, иногда и в дальнем от юрт расстоянии.

Вся их экономия состоит в содержании оленного скота, но из оstantков, кои живут около Обдорска, много таких най-

дется, которые ни одного оленя не имеют, а кои выше по Обе расселились, те об их и не думают, но по дороге от Березова до Тобольска содержат некоторые и лошадей, на которых подводы гоняют, а промыслов своих не оставляют.

Нужда их научает перенимать российские обычаи, но за что ни хватятся, то все видят от россиян дорого, а покупать не из чего, ибо все остяки, которые живут в отдалении от русских, мало имеют и понятия об деньгах, разве те, которые около Березова и выше находятся.

Некоторые из богатых остяков имеют у себя мыло, коим моются, и хотя за хорошее для выедания грязи признать можно, однако российское почитают за знатной гостиницею. Ихнее мыло весьма едкое и совершенно их рукам сродное, потому давняя грязь в тело так въелась, что и идовитыми зельями в бане едва отмыть можно, и хотя они не каждой день тем моются, однако новую грязь скоро отъедает. Они делают сами из золы и жиру таким образом: перво в котел положат золы немалое количество, к которому прибавляют несколько жиру, так, чтоб не жидко было, и варят до тех пор, пока сгустеет и на дно сядет, как кисель, которой, разрезав частицами, завертывают в тряпички; а когда мыться надо, то, помоча немного клубок с зольным мылом, сок из его выжимает, коим трется, и хотя на первый случай оно марается, однако напоследок грязь так отъедает, что сие остяцкое изобретение должно почесть между лучшими вещами в их экономике. Но сие только богатые имеют или их князцы, а у которых немного жиру или, лучше сказать, которой не знает чистоту различить с нечистотою, тот истинно мало думает не только о мыле, но и о умывании рук не помышляет.

Платье обоих народов хотя гнусное, простое и никакого от праздничного не имеет отличия, но все одинаковое, однако тем они себя счастливыми считают, что не имеют дальнего в том затруднения и бедности, но всякой бедной, коли никак промыслить не может, носит его до тех пор, пока все на нем истлеет. Все сие достают они легко между собою или меною с богатыми, или служением, или самое легко находят средство обогатиться, коли есть где наняться в пастухи за оленями, однако таковым около своих мало удается исправиться, потому что своего мирского суда боятся, но естли

такой недоброй совести попадет в русское стадо, то скоро, не боясь нимало будущего обвинения, хозяина разорит, а сам разбогатеет, ибо стада русских оленей ходят в тех тундрах, где и иновечерские пасутся, и хозяин только один раз в год приезжает пересчитать и перемянуть их, но пастух, куда б сколько не утратил, на все легко ответ сыскать может: или пропал без вести, или зверь изорвал, хотя и совершенно видно, что ушло на его собственные надобности, но уже того никоим образом отыскать нельзя, потому что там судьи и в важнейших делах русских с остяками не судят, а особенно с богатыми. Правда, хотя сему пастуху стадо пасти не без труда и не без беспокойствия достается, однако в рассуждении уже их к тому привычки, бедности и за то заплаты, можно почесть за малое, но он, не рассуждая того, что уже и так доволен, еще хочет жить навсегда богато и получить ту честь, как у их богатых почитают.

Трудолюбивый сей народ хотя внутренним своим умом и рассуждает, что там или инде место для его будет спокойнее, но истинно везде несносное их состояние, которое, однако, по привычке сносят нечувствительно. На месте хотя б всякой из них хотел быть спокойным, но разные промыслы, которые одни в его уме пребывают, понуждают его вступать во вся тяжкая, и по привычке своей ко всем трудностям уже не почитают себе оное тяжестью. Женщины же я не знаю, когда б они хотя час праздно сидели. Верно одерезанные руки труды их докажут, во всем дому живет не как жена, но как служанка, да так между ними и почитаются. На месте или в дороге, не включая того, что мужу во всем помогает, расстанавливает она чум, колет дрова, раскладывает огонь, варит ешь, и муж до тех пор с санков не слезет, покудова все в чуму не будет управлено; тут его обсушивает, там обшивает, а он, переодевшись, пойдет опять за промыслом, куда надобно.

Варварские их с женами поступки еще более грубое состояние увеличивают, ибо где б то ни было, не говорит он с ею никогда ни слова, а хотя что и понадобится, то жена должна из одного только слова понимать его надобность. С промыслов что привезет, жена все убирает, и он ни во что не вступается, так что сколько б он ни привез битых оленей или чего другого, ободравши кожи, дает сам жене выделыв-

вать, хотя б уже и без того на такую работу ей времени не доставало, но к таковой суровости еще прибавляет «скорее». И так во всем у их женской пол раболепствует и более, нежели у строгого господина рабу подлежало.

О выделывании кож

Выделывание кож обоих сих народов очень изрядно, тем наиболее, что мочи мало боится, которая в мех хотя и попадает, но по высушке кожу не коробит, а только требует вымять ее руками. Оное докажут тобольские купцы, которые невыделанные остяками кожи мало так увозят, только тем недостаточно, что в подборании пушных мехов мало знают толку. Но какие бы ни были шкуры, выделывают одним образом: двумя обыкновенными у их инструментами, из которых один сделан как узкая коса, в длину дерева выставленная, по обоим концам дерева дырки, чрез кои продернута веревка, наперед привязывается к колу или надевается на ногу, а самой инструмент держит меж колен острием от себя, об которое последнюю мездру стирает, но сим же отделяют кожу наготово. А перво, когда к выделке еще приступают, то есть у их другая узенькая поскребалка, поперек в дерево вставленная, у коей концы выточены и загнуты оба в разные стороны, сим при первом случае соскребают толстую мездру, а потом разжеванною икрою или варкою прыщут на кожу, чтоб отсырела, и после свернувши кладут на сутки, чтоб отмякла, а потом уже начнут вышеупомянутою поскребалкою скрести дочиста, напоследок тут же в чуму сушат и мнут руками.

Но сие разумеется про те, коих кожа толста, как лосина или оленина, а коих кожа тонкая, те выскребаются ножом, а по смочке икрой или варкою мнутся они не на поскребалке, а руками, и поелику всякая кожа у их в чуму от начала даже до конца выделки вешается всегда в чуму, в котором всегда дым вверх бывает, а в погоду так и до полу, то и не дивно, что сии кожи, чрезвычайно напитавшись дымом, мало дожджа боится. Кроме варения мыла, сия работа у обоих народов общая, как у остяков, так и самоедцов, да и во всей оной главе нет у них разности между собою, но во всем сходны, чего ради о самоедцах и писать особливо не осталось, кроме того, что упомянуть, что каж-

дой из самоедцов сколько-нибудь имеет своих собственных оленей, сам пасет, и разве богатые скудных к себе на помощь будто б в работные принимают за чрезвычайным еже множеством оленей и притом коли у его детей взрослых нет, то таковых работников нанимает, ибо у их оленей бывает у скуднейшего от десяти, у богатого стадо до трех тысяч взжалых и ему самому каждой пошерстно известных, но кроме сих, уже за множеством неизвестное ему число ненаезженных оленей по тундре в стадах просто шатаются¹³.

Живут все зимой и летом в чумах на тундре, а изб никогда не имеют. Женщины равным образом жалки при их трудностях, как и другие, а что сии по степи каждый день в свой век переезжают, то уже выше изъяснено довольно, что их жития и экономии касается, то ни в чем не разнятся, разве что самоедцы не имеют лабазов, где б класть свое зверёное богатство¹⁴, то они за собою с места на место перевозить трудности не почитают.

Итак, экономия сих народов наиболее состоит как в содержании оленей, так и в разных промыслах, о которых я намерен упомянуть каждое в особливом месте пространнее, а теперь приступаю к краткому изъяснению их промыслов, от коих они питаются.

Глава VII О их промыслах

С молодых еще лет малые ребята давно привыкают нести всякую трудность, как видно из грубого их жития, которое их ни мало ни в каком случае не приводит в сожаление. Верно можно сказать, что сей народ рожден к понесению трудов несносных, и, действительно, естли б они сызмала к тому не привыкали, то б отцам мало бы было надежды видеть сыновей больших себе помощников и к понесению трудов удивительных охотников. Лишь мальчик начнет мало иметь понятия, то мать или нянька не иным чем тешит, как бряцанием лушной тетивы, а когда ходить начнет, уже отец ему и лук готовит. Я, в проезд мой чрез остяцкие юрты, мало видел таких ребят, кои бы в простое вечернее [время] между игрою без лука шатались, но обыкновенно или по деревьям или во что-нибудь по земле стре-

ляют. Там городят езы¹⁷ около своей юрты, там заперы, и кажется, будто бы их игрушки уже будущую жизнь предвещали. И совершенно естьли посмотреть на ез, чрез какую-нибудь реку сделанной, то нельзя видеть, чтоб когда-нибудь тут старики с важанами сидели, кроме малых ребят, а большие сами плавают по рекам или с неводами, или с кылдыанами и переметами, где уж малого, или не в силах, или не разумеет, посадить нельзя.

Во все лето остяки рыбу промышляют разными средствами и никуда не отлучаются, которую на весь год как про себя, так и для собак запасают довольно. Запас их состоит в обыкновенной всем пище. Поземы, варка, порс, ютта, рыбы кости и проч., из которых последние запасают для корму собак. Но весь свой запас сырьем никогда не оставляют и чтоб не загнил, то оной или на ветру сушат или на огне поджаривают, как, например, поземы поджаренные едят во всю зиму, вместо хорошего кушанья с варкой, тем же гостей потчуют и все летнее время, когда остяк сыт, хотя и не столь к оному лаком, однако, напротив того, зимою и русские охотно вместо даров от их принимают. Летом же остяки потому сего зимнего запаса гнушаются, что видит сам себя уже довольна, и действительно каждой из них тогда как будто переменится, потому что русские беспрестанно тогда к им приезжают за рыбою, и вместо торгу или на вино, или на что иное меняют, того ради нередко и пьяны бывают, а при промыслах почти ежечасно едят сырую рыбу, еще лишь только из воды вытащенную, трепещущуюся с кровью трескают, отчего в тогдашнее время едва с ним заговориться можно, ибо рыбой сырой дух, как из рота, так и от его самого принуждает в разговорах от его или стоять далее или совсем отворотиться.

В то же самое время семейные мужики отходят иногда в тундру за диким оленем вместо гулянки, но сне, правда, редко случается, а особливо естьли рыбы привал бывает хорошей, а по большей части все отходят за разным зверем осенью, по первому насту, гонят лосей и оленей, от коих промыслу осень также провождают без малейшей скуки, ибо когда убьют оленя или сохатого, тотчас пойдут вести от промышленников о множестве или недовольстве того зверя, однако хотя один зверь попадается промыш-

ленному, то он со всею роднею тотчас делает праздник. Разнявши его, в юртах едят перво внутренние его части: почки, легкое и тому подобное, сырые в теплую кровь обмакивая, потом остальное или варит или заявливает на зиму и в дыму закапчивает, дарит своим приятелям сивовость, и сам ест с великим удовольствием, не редко и при жертвоприношении, о чем показано будет ниже. В зимнее же время хотя рыбной промысел из-под льду и не оставляет, но о зверях тогда более думают, ибо рыбная ловля по большей части тогда бывает мордами, то све осматривать могут и малые ребята, а большие и старики здоровые уходят иногда столь далеко в тундру на лыжах, что до самой глубокой зимы не возвращаются. По рекам промышляют соболей и белок, в чистых тундрах песцов и лисиц, и что ему попадется, но больших зверей тогда хотя и не упускает, но целого вестит с собою тяжело, то, сняв с его кожу, мясо закапывает в глубокой снег, за которым после на оленях приезжает.

Горестно мне кажется состояние приводит иногда в сожаление и в большее удивление, когда, начав смотреть на такого промышленника, на котором платье чуть трепещется, на голых ногах чажки с пимами, идет на лыжах по снегу в сильную погоду, тянет за собой с добычей или пустую с запасом нарточку, ничего при себе не имеет, кроме кремня и огнива; лук, стрелы, табак курить и нюхать — суть настоящие его дорожные припасы, и без коих ему обойтись не можно, а особливо табак, на котором вся его лежит надежда. Однако никогда еще не слышано, чтоб кто-нибудь из их замерзал и в сильные зимние морозы, разве познобит что на лице, то хотя и неудивительно, потому что ходят всегда лицом открытым, но и оное приключается разве тому, которой, вышед первой раз на промысел, морозу испужался и начал лице кутать, тем его и испортил. И хотя совершенно признаться можно, что такому дорожному, всегда на стуже и лишней одежды не имеющему сумнительно, чтоб огонь так много под деревом сидящему остяку мог подать помощи, и хотя они все случай изыскивают к разгорячению своей крови, много курят в себя табаку, много нюхают и после ноздри отлепом затыкают, но при всей свирепости тамошнего климата мне всяк сочтет за маловажное, а верно

сказать могу, что они в самой крови имеют большую особенность, как сырое и притом парное, зимою мерзлое, и довольствии хотя каждой час употребляемое вместо лакомства, кушанье докажет, а притом ихние труды и суета наибольшим тому служат средством, как выше показано, что и самые богачи лености вовсе не ненавидят.

Всегдашнее упражнение делает их во всем проворными, но крови в их, за верное полагаю, немного количество, так что ни сухость тела в крепком сложении, ни бессилие, но скрытые силы тому свидетели, и редкие в их век болезни, кроме подагры, с цынгой смешанной, и расслабления от прелестной охотки — ясные суть доказательства. Мне самому случилось пробовать их пульсы, которые под рукою столь сильно бились, что естли б положить на напрягшуюся жилу почувствительную тяжесть хлопчатой бумаги, то б легко то глазом приметить можно было, несмотря на то, сколь их кожа в самом существе толстая и жесткая.

И хотя оне нимало не стараются о применении своего гнусного жития и беспокойствия, однако самую натурою в здравии больше пребывают, нежели российские служивые.

При таковых зимних и летних упражнениях обские сии идолопоклонники не думают много о большем запасе, но сколько ему в год изловить чего удастся, на большее не негодует, ибо знает, что ему в голодное время не привыкать есть всякого зверя, не выключая и падины, а когда им и случится оное, то он не почитает впредь наукою, чтоб лучше исправлялся, но думает, что в его жизни это в последний раз случилось, несмотря на то, что у русских много задолжает, а платить чем, на будущее упоает. Правда, им всегда удается заплатить долг чисто, ежели только ему хочется, потому что рыбы летом так много промышляют, что больших налимов около юрт валяются ужасные кучи, на которых сытые собаки и не смотрят, но гниет сия рыба около юрт, видно, для одного им приятного благоволия.

С начала первой весны прилетает туда великое множество разной птицы, которую они днем и ночью промышляют кысканами и перевесами, из коих в щастливой год хорошей промышленник одних уток тысяч до двух напромышляет, выключая других гусей и лебедей и проч. Однако всю оную отдает русским или за долг или на муку мевает.

Итак, видя таковое довольство той страны, возможно ли подумать, чтоб остяк когда был голоден, но ветреное их состояние не долуцает до того, чтоб он когда-нибудь о житии своем подумал или чтоб установил такой порядок своей экономии, которая есть совсем прерывна.

Самоедцы, на голых тундрах живущие, как хищные звери, дивно уже ни о чем не думают, как только о своих промыслах зверевых, коих там более находится, нежели рыбы, ибо, переезжая с места на место, или диких оленей ловят и стреляют, или где кляпцы¹⁸ для песцов настаивают, или около речек некогда и рыбу промышляет, а в летнее время и ленную птицу или неводами, или с собакой промышляют, которое все служит ему пищею без запаса на дальнее время, но на сколько дней ему с фамилиею достанет, без скупости довольствуется, ибо ему кажется, что надежда его не обманет, да и правда, что каждодневные разъезды не оголаживают и тех, кои на пустом месте около самого океанского берегу случатся, потому что всегда на берегу находит какую-нибудь падину, из моря выкинутую, а притом находят и белых медведей, и прочих зверей, коих никогда бить не оставляют. Самые богатые самоедцы некогда стоят на одном месте и считают за спокойствие, что несколько времени проведет в рыбных промыслах, а стада оленей и зверевые промыслы препоручит сыновьям, в довольное же зверями время не только сам выходит, но и баб и малых ребят песцов из нор выкапывать заставляет, о чем ниже показано будет.

Впрочем, и ске упомянуть здесь не пристойно, что все богатые у их люди, чем богаче, тем скупее, так что хоть у народа и в особливом почтении находится, однако стороннему человеку никоим образом такого узнать нельзя, ибо вся его гнусная поза и презренная важность доказывают его недостойным такого богатства и чести, которое иногда состоит из бесчисленного множества оленей.

Вся их экономия более зависит от оленного скота, и хотя при таком он довольстве и чрезмерно скуп сам с собою и прочими поступает, не жалуется на свое изобилие, а что гнусно ходит и живет, тем веселит сам себя.

Глава VIII О пище и питии

Уже сил моих недостает к уверению читателя порочить вовсе гнусное сих диких народов состояние, которое не в одном их житии состоит, но и в самой пище, от которой вся жизнь человеческая зависит; мне нельзя того изобразить довольно, здорова ли им употребляемая, обыкновенная их пища, или последовать той пословице, что «привычка рождает новую натуру». Привычка хотя и сделала их совсем особливим людей родом, однако редкие между ими болезни доказывают, что ихная пища им здорова, разве сия грубость другими самой природы предохранительными средствами награждается, как то всегдашнее упражнение, труды, разные движения и притом всегдашней открытой воздух, их ни к каким здравия переменам не допускает.

Всю их пищу можно видеть из нижеследующего описания, которая сколь ни груба, однако не только у остяков и самоедцов, но и у дорожных русских в знатном употреблении. Состоит по большей части из рыбы, которая на разные манеры приуготовляется и разные от того имяна получает, во-первых: поземы делаются из боков рыбных, не захватывая брюшка и спинки, срезаются кожи с телом без костей, кои после рассекаются поперег на рубешки и потом на шестах вывешивают и сушат, а когда высохнут, то поджаривают на огне, чтоб не сгнили и не заплесневали, и, наконец, связывают в связки, называемые беремя, в каких до двадцати десятков поземов обыкновенно бывает. Сие есть то же самое, что камчадалы и по реке Енисею называют юколою. Брюшка же и спинки рыбы, в коих больше жиру имеется, по отделении от костей немного на ветру подсушивают и притом, чтоб призакисло, потом прячут в котлах, размешивая лопаткой, покудова закраснеет, и как испржится, то простудя складывают в берестяные лукошка или оленьи брюшины¹⁹, и сие называется варка.

Делают также поземы и из мелких рыбок таким же образом, как и первые, но их толкут в нарочно сошитые из осетровых кож кули, что и называется ютта.

Порсу делают из чебаков и мелких сорог, коих распластывают совсем на-двое и высуша толкут с костями так

мелко, как муку. От первых же припасов кости равным образом не без употребления остаются, но их также сушат и жарят, как и позымы, для себя и для собак.

Из прочих же внутренних частей рыбных, как из кишек всякой белой рыбы, варят остяки жир таким образом: перво, вынув из рыбы все черепа, кладут в котел, водою наполненный, которой непокрытой стоит у их в чуму до тех пор, пока кишки протухнув жир из себя выгустят, которой поверх воды и плавает, а кишки на дне остаются, после снимают на воде плавающей жир кеулом или мелким уполовником и кладут в другой котел, потом варят на огне до тех пор, пока начнет хлопать и стрелять, что значит поспело. Около Тобольска так хорошо жир варить не умеют от незнания времени, когда ему поспеть надо, потому всегда бывает горек.

Из красной же рыбы везигу хотя и достают, однако варят редко, которая также стрельбою своею поспелою узнается, но по большей части едят сырую, не касаясь до ее ножом, иначе худой промысел той рыбы по своему суеверию заключают. Головной хряц не за последнее кушанье у их почитается, варят его и сырой едят, только при всяком разнимании прямо ножом по голове не разрезают, но накось; иначе несчастливой промысел заключают.

Клей из осетров варят карлуками в котле до тех пор, пока всплывает наверх, а после горичей в холодной воде закалывают, оной уже совсем за готовой почитается и им все легкое клеить можно; но другой есть такой, которой по вынятии распяливают и на ветру сушат и которой, в случае надобности, еще варить должно.

Напротив того, самоедцы, кроме сего клею, еще делают из рогов оленьих, кои растолча кладут в котел и наливают воды не полон, которой кипит до тех пор, что останется только одна гуща, на которую еще наливают, что выкипело, и так до трех и четырех раз варят так, что останется на дне один густой кисель, наподобие крахмалу, коим и клеят по сказкам еще крепче, нежели осетровым клеєм.

Во время недостатка прочих клеев варят также и из оленьей крови, которая, кишею долгое время, загустеет.

Теперь осталось выяснить, из каких рыб позымы и варка бывают, то всякая крупная белая рыба на позымы и вар-

ку употребляются, но самые лучшие из муксунов бывают. Поземы часто едят одне охотно, но для гостей вместе с варкою поставляют, потому что первые сухие — вместо хлеба, последняя же, жирная, вместо масла употребляется, а в случае недостатка в поземах и ютта случается. Порсу едят просто сухую. Горячего употребляют мало, а рыбу свежую варят иногда летом и зимою, и то для приезжих, где остатки уже достаются хозяевам, между тем не редко оне употребляют бурдук, которой состоит из одной воды, к коей прикладывают для навары варки немного или костей рыбьих, и как начнет кипеть, то подмешивают муки и хлебают большими ложками, или по-тамошнему кеулями.

Напротив того, большее их употребление сырой рыбы едва позволяет лишние изготавлять кушанья, да и правда, что их состояние не требует учиться ни варить, ни стряпать, ибо летом и зимою, коли есть рыба, то едят с удивительною жадностью, летом трепещущую, обрезывая до костей большими ремнями, обмачивая в кровь, взяв один конец в зубы, а ножом из-под низу отрезают наотмашь подле губ самых, зимою ж мерзлую стружат ломтями и так трескают с великим аппетитом. А когда им рыбы сварить случится, то оную откладывают на особливой лоток, где, разведши немного рассолу, берут руками и, обмочив кусок с рукою в рассол, ест и облизывает пальцы, и сие можно почесть у их за каждодневное умывание, потому что в горячем рассоле грязь от рук скорей отопревает, и он языком обтирает.

Уху же хлебают теми большими кеулями или уполовниками, столь крепко прижимая зубами, что такие толстые ложки едва им достают на год, ибо каждой ложку свою так скоблет, что от употребления у новой через неделю морщины появляются.

Когда бьют оленей, то ни одна часть сего зверя даром не пропадает, ибо самые рога, весною мохнатые, у оленя отбивают и, ободрав с их кожу, опалив на огне шерсть, едят сырую вместо студени. Кости ножные разламывают тут же, и мозг теплой достают с приятностию. Напротив того, и на прочих костях самой тонкой перепонки не оставляют, голову же никогда не варят, а всегда мозг сырой едят²⁰. Прочие части мясные варят в котлах, и хотя из одного котла нали-

зают в вочовки, однако все не едят вместе, а каждая семья на особливой, и притом жена с мужем никогда вместе есть не смеет, а всегда после что останется.

Кроме сего, едят также охотно и всякого зверя, не выключая падину зверёву и птичью, не только свежую, но и голодное время и у червей отнимают. Медведей, волков²¹, лисиц, песцов, белок и проч. никогда не отметають, почему совершенно их можно почесть жадными, ибо и самые богатые, у коих есть что есть, однако сию редкую диковинку вместо лакомства употребляют.

Питья иного, кроме воды, не знают, но удивления достойно, что оне, разъезжая по тундрам, пьют всякую, где б какая не случилась, воду без брезгливости и без всякой в здравии перемены.

Но часто случается и то, что оне, стоя зимою на безводных местах для оленного корму, тают снег для питья и пищи, которой, однако, с равною же пользою употребляют.

Глава IX

О их болезнях

Сие, общее у обоих народов, пищи употребление, уже более мне не дозволяет касаться ихным разностям, но какие б от таковой пищи болезни происходили, можно верить, что молодые у их люди никогда почти не немощут, а разве под старость приключается расслабление во всем теле, то можно почесть от лишних его в молодости трудов, а не от пищи и потому кажется, что в сем случае каждой остяк избегает болезни; в противном случае, от малой немощи, еслии он оставит труды и телодвижение и дастся постели, то нантягчайшие приключаются припадки, которые обыкновенно во гроб их вгоняют. Я не слыхивал, чтоб между сими народами кто умер без долговременной немощи, а о скоропостижной смерти, которая больше между березовскими жителями бывает, и не ведают. Обыкновенные у их болезни всем известны: в молодых детях оспа с горячкою, которая хотя и редко случается, однако когда поадаёт к им в юрты, то по неосторожности редко и старики от оной освобождаются, но многие есть такие, которые до смерти сей болезни не знают. Лихорадке, равным образом, более

малые ребята подвержены, нежели пожилые. Старикам и ленивцам досталось расслабление, коей сопричастны подагра и цынготная. Напротив того, и французская болезнь им нередко бывает знакома и хотя ото всех болезней они никаких средств к излечению не ведают и не изыскивают, однако те, кои сею последнею щегольскою любят, по довольном уже страдании издыхают спокойно с тем больше удивлением, что от их к другим она не переходит, хотя и без всякой осторожности с такими здоровые поступают.

Впрочем, и все болезни или, прервав жизнь болящего, оканчиваются или сами собою отстают. Сему можно поверить, что остяки и самоедцы, презирающие мысли болезненные, более спасаются, нежели русские, которые о всякой болезни с опасностью много думать привыкли.

Одно у их есть мучительное лекарство или от лому или от некоторой напухлой инфлямации — прижигать болящее место чагою или березовою накипью, которую, зажегши, кладут на здоровое тело (по-остяцки называется вошь). Она везде там кладется, пережженная в золу, в табак для крепости, но через то табак получает дух не очень приятной, но поелику начало или корень, как сказать, той болезни горящею чагою не скоро найти можно, то иное изыскивают таким образом: кладут оной уголь на больное место и если жжет, то не в том месте и начало, от которого болезнь происходит. Таким образом перекалывают с места на место до тех пор, покудова найдут, где телу жару сильного не будет слышно, тут оставляют уголь на теле долгое время и, хотя ему чувствительно, однако, терпит, а чага горит на том месте до тех пор, покудова прожжет кожу и догорев до здорового мяса, отпрыгнет, тогда больной получает здравие.

Напоследок во всяких опасных случаях от обжорства чилибухою невзначай или и от случайного запору пьют жир рыбей ковшами, отчего у их служит в оба конца вместо рвотного и проносного.

Но сие лекарство более бывает между русскими березовскими жителями, где лекаря совсем нету, в прочих же болезнях остяки слушают наставления также и от русских баб, которые сами на утре не помнят, что вчера предписывали.

Глава X О их законе

Закон у всякого народа свой есть, но между всеми прочими, разным образом дикими народами, более имеется порядку, нежели заблуждения, какое между сими беспутными остяками и самоедью происходит, ибо, если можно сказать, то у всякого человека почти свой закон в его чуму особенной. Заблуждению их и незаконству довольно надивиться нельзя, хотя они и по примеру предков своих поступают, однако не искореняется глупость прежних установлений, но умножается дурачество; сие в пример представить можно без всякой опасности, что предки их от идолопоклонников ли произошли или от каких чуждых народов, разные веры имеющих, неведомо. Но идолопоклонники в своей вере всегда порядок имеют непрерывной, а сии, хотя и таким же столбам поклоняются и бесчувственным вещам, однако, вдобавок пущего их заблуждения кланяются и тому, что у их было прежде во употреблении, чего прежде гнушались, тому напоследок умильные отдают почтения. Просто сказать, что у их закону нету, а имеют только остатки идолопоклонства, которые напоследок и вовсе искоренятся. Почитают и хвалят заблудшее о столбовых своих богах разсуждение. Греху и добродетели, не знаю, что б они приписывали. Идолу своему, ивно мало-мало человеку подобному, ивно и совсем не сообразующему, кланяются, почитают и в случае нужды просят его со умилением. Хорошо, коли так делается, если же не по вкусу просищего, то чем бедной болван провинился пред хозяином, что стоял в углу, молчал, смотрел и смеялся его дурачеству, чрез что получил себе наказание, что он его рубит, бьет, увечит и всячески мучит за то, что не подал ему помощи.

Часто такие вещи, которые оне у русских не дешевою ценою покупают, как коробки, ящики, ножи и прочие мелочи, имеют быть в числе богов ихних. Я сам знаю, что коробка, железом обложенная, которая несколько лет была в держке у хозяина, та ему крепостью своею полюбилась, и он ее обоготворил за то: обвесил ее разными лоскутками, перепоясал многими поясами, снабдил многими кольцами, перстнями и разными снарядами украсил, поставя в пере-

дний угол, содержит в божеском почтении²². Щастлив тот столяр, которой коробкою своею бога сделал. Щастлив и продавец, что продажею угодил шайтану, взяв хорошие за то деньги.

Иначе поклоняются герам, коих или ужасаются или какую отменность видят от прочих, таким отдают почтение из луков стрельбою в какое-нибудь, также особенное, дерево, равным образом и деревьям также служат. Однако вящее богослужение приказывает им иметь каких-нибудь болванов, коих они делают не только в образ богов, но и после умерших некаких ворожеев или богатых, или какими особенными делами прославившихся, поставляют в знак памяти и просят каждого о том же, в чем его ходатаем почитают, и таковых они полагают себе за заступников.

В каждом чуму имеется рукотворенной бог в образ человека, маленькой, сделанной инде коробка, инде палочка или дубинка, а инде и кляпышек или клин деревянной. Всех их богов описывать много да и притом же они имени не имеют, так и нужды в том мало.

Домашней бог, или болван, имеет большую себе почесть, ибо стоит в переднем углу, пред собою имеет ящик, куда обещанные ему кладут подарки: каждой день от кушанья помазываются его губы, а между прочим имеет при себе большой рог с табаком, чтоб нюхал и отлеп (таловые мягкие стружки), чтоб затыкал ноздри и утирался. Оной табак, какая бы нужда ни приспела, хозяин не смеет взять, ниже нанойки, боясь, чтоб не раздражить своего заступника. Русские, приехав к им в чум, часто делают, что у шайтана, вымышав ночью, когда все спят, табак, тихонько оставляют рог пустой, что служит у их поутру к немалому в суеверии подкреплению и удивлению, как, дескать, шайтан нынешнюю ночью так много табаку вынюхал, — конечно, куда-нибудь за промыслом отлучался.

Все в чуму, не выключая баб и девок, каждой имеет своего собственного болвана, а иногда два и три, коих каждоедневно, по обычаю своему, тешат.

Впрочем, хотя они никаких священных чинов и не имеют и праздников не знают, но при всяком жертвоприношении служат только шаманы или ворожеи, которые хитростью своею глупой сей народ обманывают; они, по боль-

шей части, и уставщики их веры и закона, другие — богатые люди, ибо во всяких случаях, что один начнет делать из ихних почтенных, то и все прочие ему последуют.

Божков своих происшествие полагают от предков и, хотя их обожают, однако власти над светом никакой не приписывают, а изображают одного вышшего над оными таким же болваном, как и прочие.

Почитаемый во всем роде остяцком бог и славной изо всех идол установлен в Воксарковых юртах, около семидесяти верст ниже Обдорска. Стоит в лесу, куда от русских и дорога скрыта, опасаясь, чтоб не обокрали, тут ему наибольшее почтение и жертвоприношение бывает ото всех, некогда и нарочно приезжающих. Имеются два болвана в образ человека: один мущина, другой женщина, сколько возможно, по остяцкому обыкновению, великолепно убраны со всем остяцким одеянием. Стоят в лесу, в маленьких, нарочно сделанных теремках, одеты в суконные малицы, всякими литыми оловянными, медными, железными фигурками снабженные, в пимах, и на голове венцы серебряные, вокруг их наложено довольно всяких домовых вещей, как чашек, ложек, ножей, рог с табаком безотлучно бывает и прочее.

Примечено, что мущины мужскому болвану, а женщины женскому кланяются, служат и всеми силами равным образом украшают, и в особое время жертву без мужского полу приносят, где также и служит ворожейка, а не мущина. Вокруг их развешены на лесах олени постели, которые после жертвоприношения ему в подарок на деревьях оставляют; дерево же, к которому болван приставлен, обвешивают разными сукнами, китайками и другими материями, а наверху обвивают жостью и привязывают маленькой колокольчик, которой во время ветру позванивает, по лесине же развешены инде небольшие лука со стрелами и прочее.

Сие болваново место остяки несказанно берегут, чтоб проезжие как бы не покрали, ибо прежде у их бывало, и во многих местах такие богатые идолы по лесам расставленные, и многими богатыми вещами одаренные, бывали и деревья стоящие, равным образом обогащенные, и в лесу оставляемые, но узнав, что русские до таких вещей, на-

прасно тлеющих, лакомы, то ныне делают иначе. Из того дерева сделают большой чурбан, которой нарядят хорошиими сукнами и однорядками, снабдят всякою посудю и так привозят на то место и по принесении жертвы опять увозят обратно.

Болваны, после умерших, не незнатных в своем роде стариков, имеют также себе почтение, ибо где он жил, сыновья его сажают вместе обедать, откладывают ему особливо и просят, чтоб покушал. Сие продолжается чрез целый год. Напротив того, и жена, если мужа любила, а он умер, то сделает себе в знак памяти болвана, потчует его и всячески довольствуется, и с собою на постелю спать кладет, но сие показано будет ниже.

Напротив того, все места, кои в лесу богам отведены, как дачи, или по протокам, или урочищам и горам, в таком святом у их почтении пребывают, что не только ничего не берут, но и травки сорвать не смеют, ибо, по их мнению, надо неотменно того шайтана озлобить, если чему-нибудь в его дачах коснуться, чего ради ниже дерева рубят, ниже из реки воды против того места пьют по тех пор, пока пределы его границ проедут с такою осторожностью, чтоб и близко под берег не подыхать и вешлом до земли не коснуться. Оное столь крепко наблюдают, что как бы ни захотел пить и что ему ни сули, однако пить не будет. Часто бывает, если у шайтана пределы проезжать далеко, то запасают с собою воду, и как бы его нужда ни приспичела, однако не выйдет на берег, разве проплыв шайтанские границы.

Все места, где такие славные шаманства производились, долго между потомками еще почитаются, но разве уже совсем знаки того места уничтожатся, нередко у их и места также переменяются при жизни еще славного тадыба, что бывает по некоторым особливым примечаниям, ибо случается, что в некоторых хороших местах увидят много птиц и зверей, такое почитают богам приятным, напротив того, если увидят орла, несколько лет на одном дереве гнездо вьющего, такое дерево, равным образом и место, своим шайтанам посвящают, а орла так берегут, что за великую себе обиду почитают, если узнают, кто отважился разорить гнездо его.

Часто бывает, что весь остяцкой народ в великой страх и печаль предается, а особливо тогда, когда какой-нибудь

полномочной проедет и против их установлений что-нибудь сделает, тогда они долгое время будто бы вне себя ходят, не зная, как умилостивить своих шайтанов, ибо они все единодушно думают, что русской от их оплошности узнал о их законе и то сделал, то неотменно и полагают, что какое-нибудь отмщение от богов им воспоследует. Сие натурально рассудить можно, что и просвещенные люди от многой думы довольной вред себе получают, а сии в то время так бесятся, что истинно ни о чем не мыслят, как только опасность себе представляют, а особливо их богомерзкие шаманы в тогдашнее время то и дело им сны свои толкуют. Иногда жертву приносить и шаманить советуют, иногда разные проски изыскивают к их большому утеснению думы, ведая, что ему за каждое жертвоприношение и шаманство каждой должен платить по возможности, и знает, что ему последний из остатков не даст меньше одного оленя.

Таким образом, в таковое время немалая погибель бывает оленям и немалая корысть помянутым обманщикам случается, ибо богатой, будучи со всех сторон такими плутами уверен, уже вдался в печаль большую, чего ради не рад уже становится всему своему имению, не жалеет целого стада оленей поставить пред шайтана на разные мучительные кары, не жалеет поднести навлучших зверей своему шайтану на умилостивление, не щадит себя, также и дарит ворожея, желая от его выслушать доброго предвестия, однако по тех пор желаемого не получает, покудова не исполнится шаманская ненасытная утроба.

Глава XI

О их тадыбах, или шаманах

Теперь приступаю я к их шаманам, или ворожеям, по-самоедски — тадыбам, кои у остатков в такой тайности содержатся, что хотя и спросишь у его про шамана, но он не только имени его не скажет, но и от искусства его отпирается. Сии обманщики хитростью своею заслуживают у их некоторое почтение, а каким образом они в шаманы производятся, того совершенно сказать не умею, слышал только, будто бы от частого толкования слов они признаются от народа, однако сего недоволю, ибо без какой-нибудь на-

уки от прежних ворожеев и без употребления бубна не может он к такому страшному по их делу приступить на первой случай и предсказаниями своими ответственать на вопрос при шаманстве стоящего народа, но должно думать, что отец или мать, не хоти открыть своих обманов пред глупым народом, обучают сыновей своих, утверждая их в истинную; однако мы хотя и почитаем их невежество обманом, но они, верно, не от хитрости, но от заблуждения это делают и сами тому ж не верят. Они ни малой отмены ни в житии, ни в поведении, ни в чем не имеют и не разиствуют от простого остяка, а только что титул носят шамана, которой все народы издревле почитают. Напротив того, все шаманы одними только мнениями отличны, потому что всегда на лице своем носят удивительную важность, чрезвычайно много думают обо всем, почему и кажутся они будто холерики; обо всем толкуют с великим уважением и, напротив того, сие знак вящего его достоинства — бешество и пугливость, которыми они так одарены, что нельзя думать, чтоб сие была правда. Я не знаю, чему это между ими приписать надо: слабости ли их состояния, или легковерию, или вовсе глупости. Правда, за лучшее признаю причислить оное к роду болезни, но тем невероятно кажется, что вдруг в здоровом человеке делается такая перемена, которая нередко до худых следствий доводит; и хотя весь народ, как видно, от природы пуглив, но сии шаманы уже неудобноеримо пугаются самой маленькой безделки, а особливо тогда, когда его рассердишь, тогда он несказанно бешется, скачет, валется, ухаает, бьет и что б ему в руки не попало, всем готов уязвить предстоящего. Самое начало их пугливости, когда дразнить начинают. Свист лишь только услышит, тотчас из лица выступит, побледнеет и начнет мешаться; потом, естли на его дунешь, тоже последует, а после, ежели ему хотя чурку покажешь, то ему неведомо чем покажется, которой он со всяким поспешением убегает, обороняется и всячески страшится. Я знаю одну бабу, которая не бесславная колдовка, и во многом правду угадывает, только у их не шаманит за старостию. Она столь пуглива, что не только дальнего свисту, но и ветру, в щель со свистом дующего, боится. Сие, неостменно должно почесть, происходит от отягощенных их разными мнительными иде-

ями голов, которые иначе были бы пусты, естли бы разными страшилищами не были наполнены.

Ворожит она, смотря на огонь, на воздух, на солнце и прочее, но каким образом, того ниже самым цельным вином и спросить не можно. Другого видел я на р. Енисее самоедина молодого, в Селякине зимовье, которой больше показал страсти своего помешательства, ибо когда ему покажут палец, то он боится, представляя, будто бы его палкой бить хотят. Сие из того разуместь можно было, что он хватается за его обеими руками и после сам укрывался, потом по долговременном чрез толмача уговоре, чтоб ничего не боялся, надел я на его руку черную замшеную перчатку и сам уговаривал. Он перво смотрел на ее пристально, а потом так взбесился, что естли б подле лежащей топор попался ему в руки, то б верно не спастись бы нам было: он ревел из всего горла, бросался во все стороны, искал, чем бы оборониться, трясет всею рукою, чтоб сама перчатка свалилась, а другою рукою и прикоснуться не смеет, представляя себе, что это не моя рука, а медвежья лапа, чего ради с страхом принуждены его схватить и перчатку сдернуть, тогда он мало-помалу образумелся²³.

Таким образом, весь оной род людей по своему маломунию так пужлив, что в сем одном имеет немалую отличность от прочих диких народов, однако простые, еще несколько отважнее, кроме богатых и пужливейших шаманов. Русские, а особливо незнающие в шутках от своей братьи, подбиваются испужать какого остяка или самоедина, нередко такую веселость с большим уроном терпят, так что естли не успеют разбежаться или его схватить, многие от его ножа горестно погибают. Напротив того, и испужавшемуся, естли противники не попались, то он, тайно, с злобою изошед в юрту, позабыв своих сродников, отца, мать, жену или кто попался, всех бьет или колет, ежели в скорости не схватают. В таком случае, коли схватают, образумлевают его опять палениною, то есть тотчас отрежут лоскут от оленьей постели с шерстью зажгут и дадут ему понюхать, тем он здрав становится.

Равным образом их шаманства происходят с великим бешенством, скачкою, ломанием и со всем кажется мучительным образом.

Оные их шаманства бывають более от видения снов особенных, когда ворожей во сне видит что-нибудь страшное или удивительное, тогда созовет соседей из ближних юрт на предсказание, или и из простых также кто что увидит во сне, то и спрашивает своего шамана. Таковым вопрошающим волхования отправляют таким образом: ворожей или волхв связавшись бросается на землю и делает разные своей харей чудобразия, ломается и, при великом в чуму огне, коверкается с плачевным разговором и ожидает пришествия дьявола, которой будто бы на вопросы от его отвечает о предбудущем и будто показывает ему место, где лучшей зверей промысел будет, также и во враждебных делах подает способы к избежанию напастей, а между тем ожидающие нетерпеливо отаатов стоят с непрестанным криком, стуком в котлы и в доски и прочим шумом около его, до тех пор, пока над им синей туман или дым явится и обстоящих разгонит (но он действительно и без того весь в дыму стоит, потому что, где он ломается, тут во все время огонь дымом курится), а шаман, подымаясь, то и дело бросается во все стороны будто угорелой, через что они больше часа без памяти и без чувства бывають, а очнувшись, вопрошающим держат хитрые ответы, что только водумает, то и бредит, рассказывает им все, как он видел дьявола и что с ним происходило, и совершенно, что его пустая голова и в спокойствии мало о добром помышляет, а в таких беспокойствах может быть какими мечтаниями и заражается, но сие всякой благоразумной человек рассудить может, что сущей обман и самое заблуждение и что оные плуты шаманы для бездельного приобретения сами себя ломают и мечтаются так, что после ослабеет и приходит в беспамятство, но чтобы дьявол мог ему что-нибудь сказать о предбудущем, не токмо закону христианскому, но и разуму человеческому противно, так никто не токмо верит, да и за истину поставлять не может: только то подлинно, что оные шаманы, как хитрые и догадливые люди и в обстоятельствах дела о многом догадаться и некоторые следствия предсказать могут одними только догадками, но опасаясь, чтоб оне в врялях не остались, то ответы свои сказывают так, что из их надобно только заключать, а естьли что не точно сделается, то они свои слова толкуют в иную сторону и бедных людей верить заставляют.

Я в мою езду между простыми остяками и самоедцами никого не находил столь любопытных, столь к вопросам прилежащих, как сих шаманов, которые обо всем выспрашивали меня, что до их, кажется, и не касалось, а сами о своем ничего не рассказывают, а хотя что и скажет, да и то нехотя, а от больших вопросов всячески убегает.

Самоедское тадыбство не имеет узаконенного времени, когда б оному праздновать надлежало, но оне, согласясь, как вздумают, так и позовут своего шамана. Уже небезизвестно, что помянутым шаманам каждой день снится, по которым снам они и толкуют, как ему захочется. Иногда же и один, кто вздумает, зовет, один за посещение и отдаривает, а естели все звали, то все и дарит по возможности. И так званой такой тадыб, или ворожей, приходит в чум богатого самоедина в обыкновенном самоедском платье, гусе и малице, а между тем с собой приносит бубен и платье, которое он в действии надевает, садится, пришел, посередине чума на одной стороне. Между тем, знающие будущую ворожбу, смотреть кто хочет, сходятся вокруг его по обеим сторонам чума, в то самое время раскладывают в чуму большой огонь и сушат бубен, чтоб был звончае, а он, между прочим, одевается в платье суконное или ровдужное, к коему вокруг пришиты разные доскутки суконные или кожаные, к рукавам и на спине привешаны железные цепи, чтоб был гром, когда он ломаться будет, и так, когда он оденется, то все самоедцы, кои тут есть, закричат сильно в один голос с протяжкою: «Гой!» — а потом долгое время перекликаются между собою порознь: «Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!.. Гой!..». Тогда ворожей, сидя на своем месте, перво озирается диким образом, поглядывая на все стороны, поводит глазами, вверх и вниз смотрит, потом берет бубен в руки и перво колотит тихо, сделанною нарочно к тому палкою, обшитую оленьей лапой, или по тамошнему кысом, сидя на том же месте, где сидел и прежде, потом колотит шибчае, а напоследок изо всей силы и, вскоча с своего места, скачет по чуму и ломается, брося бубен в сторону, долгое время так бесится, при большом огне, в дыму, отчего такая в нем делается перемена, что иной обессилевши падает на землю и так рассказывает, пев то, что ему во сне снилось, и что он из того заключает к уверению председящих.

Другие же есть такие, которые в таких случаях делают невероятные действия, и хотя совсем непонятные человеческому разуму, однако же, уверясь словам и самых самоедцов, и русских людей, кои некогда слышали и видали, осмеливаюсь предложить не к возмущению гисторию, но к слову слышанное, неудобоверимое и совсем непонятное дело, но во всей тамошней стране за правду полагаемое и несомнительное: среди самого шаманства и шаманов бешенства, некоторые только из шаманов просят нож, коим колются сами или другому дают себя колоть, которой немалой величины, впусая по самой череп, вытаскивает без всякого кровавого знаку на ноже. Знаю я сам, что шаманы в то время не толсто одеваются, но каким образом избегает ножевой язвы, держа нож против самого брюха, очень сомнительно. Другие ж², перевязав шею веревкой, концы дают двум посторонним человекам, чтобы тянули изо всей силы и голову б оттерли, которая по сказкам самоедцов и отвалится в котел, нарочно подставленной, но по прошествии несколько времени тадыб здрав встает и с головою³⁴. Невозможное дело.

Правда, хотя сие без знания обмана кажется и невозможно, но должно почесть, что неотменно в сем деле есть какое-нибудь их искусство или и сущей глупым зрителям обман. Недаром все оные шаманы тайтся русских людей, чтоб не усмотрели их хитрости. Правда, что сие и не все шаманы представляют, но я слышал про многих и ведаю, что у меня в провожатых от Обдорска до Северного окиана такой самоедской шаман был, который всему етому был искусен, но прочими самоедцами так утаен был, что по отпуск его не мог ни от кого наведаться, кроме сторонних, про его искусство, однако хотя б и во время его у меня бытия спознал про его шаманство, но прочие б все о незнании свои головы за его положить поручились.

Но мы возвратимся к прежнему своему делу о продолжении их шаманства. Когда он, очувшись, поет при вели-

² В числе провожатых чрез тундру до Северного окиана я имел такого тадыба, который ему был искусен, и хотя я знал, что оныя русским таких фокусов не отыграют, однако и он, спознав, что и единственно за таким делом послан, поскорей от меня отпросился назад, а я, не зная про его искусство, отпустил обратно. Он назывался Локó.

ком жаре, в дыму, испущая страшной из себя пот, то другой, подле его сидящий, повторяя его речи, подпевает тут же, и так далее продолжается без всякого особенного окончания. Но когда петь перестанет, то все по своим чумам расходятся, подаря своего тадыба по возможности. Из гово-ренных речей всяк свое мнение в заключение будущего при-лагает.

Сие у их употребляется во всяком особенном случае, но богослужение их, хотя и соответствует разным образом безумию, однако производится иным образом, но нередко и с шаманством.

При жертвоприношении употребляют оне все, что им мило, то своему болвану и посвящают, иногда живые рыбы приносят и, положиа пред мнимым своим богом на землю, кланяются (подобным образом, как приходит и к воеводам) и просят о неоставлении, а потом, тут же сваря, сами съедят, а ему жиром помажут губы, либо дадут ему в подарок какую-нибудь новую завеску, коею его обернут.

Другие приводят оленей и, поставя живого пред бол-вана, свяжут ему ноги. Тогда жрец или шаман кричит во всю голову, объявляя желание жертву приносящего, а прочие поют. Между тем, один, зашед наперед, натянув лук со стрелою, держит напротив зверя до тех пор, пока жрец не даст ему знать ударом палкою в голову того зверя, а третьей рогатиной уткнет в брюхо, и когда убьют, то, взявши за хвост, обтащат три раза около того болвана, коему олень в жертву приносится. После того, выжав кровь из оленьего сердца в особенную посуду, кропяют свои шалаши, а остатками мажут губы своему болвану. Кожу одного зверя с головою, ногами и хвостом для украшения повесят на дерево, подле божка стоящее, а мясо, тут же сваря, съедят с великою радостью и непрестанным пением дьявольских* песен. Напоследок опять от вареного кушанья жиром болвановы губы помажут, а что не съедят, то возьмут домой и раздадут по часточке своим приятелям и потчивают жен, от коего жертвоприношения иногда и домашней болван остальным жиром губы свои улучит помазать. По окончании обеда все начнут махать

* Песен никаких они не имеют, а кому что на ум пришло, то и лепечет²⁵.

палками и кричать во все горло, что кому на ум взойшло, а сие значит провожание того божишка, где и кланяются ему вслед и благодарят, что благоволит к им на обед пожаловать.

При таких провожаниях делают оне разные действия: инде стреляют по три стрелы каждой, иншо далее пение свое продолжают, но зачинщики всего — их шаманы и богатые люди, ибо что он только начнет делать, то и все подхватят.

Славное когда бывает у их жертвоприношение при многолюдном отовсюду съехавшихся собрании, тогда удивительное и жалостное бывает скотское падение, ибо при такой их ревности к болвану один другого превзойти старается, желая пред всеми доказать свою усердность к проклятому изображению. Жалости более достойной, сей зверь олень, не ведущей будущего мучения, смиренно идет на жертву бесчувственному болвану, отдавая жизнь свою глупости хозяйской, и действительно удивления достойно, что свет еще таковых кар не ведает, каковые глупые сии народы над животными умнейшими себя производит, ибо в бешенстве своем пред божишком не знает уж он, что делает: колет оленей всех в задоре, сколько ни пригнал с собою, и разве только под себя в санках оставит двух или трех. Желая перецеголить свою братью и доказать ревность к мнимому своему богу, всякие изыскивает кары и мучение: бьет, стреляет из лука отовсюду; колет же не так, как добрые люди, но со всех четырех сторон обостренными колями пропинают. Сие у их навяцше почитается, потому что олень, и сзади и спереди пронутый, смирно преклоняет в изнеможении пред болваном колена, к их пуцему заблудшему мнению, что, дескать, нашему болвану и оленю покорны.

Других приводят к такому реки месту, где б был или омут, или бык, или какое б быстротою особливое место. Тут, навязав на шею оленю большой камень, кидают в воду и тем жертву свершают.

При частых таковых многолюдных жертвоприношениях можно сказать, что не столько в ясах рухляди собирается, сколько на приклад и пагубное действие пропадает, ибо, я думаю, каждый бедняк должен хотя раз по своей вере

чем-нибудь жертвовать своему болвану, а мне верно знаю, что в ясак он лучше худых два зверя положит, нежели одного доброго, которого своему богу посвящает, а богатым одного или двух зверей убить очень постыдно; того ради, по крайне[й] мере должен убить десятков или, при таком множестве народа, не стыдно будет и два или три заколоть. Между тем, каждый кроме того дарит болвана самыми лучшими зверёвыми шкурами, как добрыми лисицами, песцами, росомахами, соболями, бобрами и прочее, не рассуждая того, что лисица стоит многого числа денег, но бессмысленно на ветер отдается; и совершенно давно бы все тамошние ниже Березова леса белели б чистейшими оленинами, естли б русскими хищниками число их не умалалось и ветром и дождем не изгарали.

Ежели убьют они медведя, то бывает опять особенное действие; перво, сняв с его кожу, повесят подле болвана — мнимого своего бога — на высоком дереве, творят ей великое почтение, просят прощения в убийстве, принося извинение и разные выговоры, что они в том не виноваты, ибо де железо, коим ты убит, мы не ковали, но стрелу оперили, и не их, а чужих птиц перье, которое в стреле так быстрое летение причинило, а просим прощение в том только, что стрелу, натянув, пустили. Понеже боятся, думая, что душа оною медведя им великий вред учинит, ежели с ею заблаговременно не помирятся.

Из сего видно, что они во всех зверях душам быть почитают, но есть ли подлинно, по их мнению, и в прочих мелких животных о том речи заводить не случилось. Медведя же боятся и отдают ему душа, столь усердное почтение потому, что дерет их нередко. Но естли бы в их стране слоны водились, то б они всех их за богов почитали.

В болезнях же равным образом поступают с оленями: смотря на долготу немощи, столько и убивают, но нередко при опасности болезни богатые и по десяти вдруг в жертву приносят. Приведенного оленя поставят перед чумовыми дверьми, сквозь которые протянут веревку, одним концом за ногу оленя привязанную, другим же за руку больного. Между тем больной, лежа в чуму, а прочие вне чума просят своего заступника — болвана, часто указывая на небо, чтоб он вылечил в немощи находящегося. Но как больной,

в чуму лежащей, нарочно или невзначай лишь только дернет за веревку, тотчас и давят оленя, а после варят и едят, кожу себе берут, голову, одну кость с рогами, на кол втыкают, а больному болящее место помазывают кровью и жиром и между тем обыкновенно лоб. Но если больной печально за веревку дернет, то сие наивысше почитают, думая, что в тот час убить оленя самому богу так изволилось.

О присягах самоедских

Теперь при ихнем заблуждении не пристойно кажется объявить и самые их клятвы и присягу, каким образом и с какими притом договорами они присягают, но чтоб клятву отличить от присяги, то упомяну здесь, что они хотя и всем, что только глазами видят, клянутся, однако их, так сказать, божбе не очень верить можно, ибо нередко при крайностях не оставляет он ни самого огня, ни неба, ни воды, ни воздуха, ничего иного, чем ни побожился, но еще обманет, и сие случается только в долгах или торгу с русскими, а в важных делах, как в воровстве, в верности и в прочем, заведены у их присяги, которые при сем прилагаются и на ихнем диалекте и на русской язык переведенные, а хотя они некогда и против присяги бунтовать думают, то оное не должно почитать нарушением, а верно по какой-нибудь причине, либо увидят какую обиду от русских, коей давно избегнуть не могут, то от нетерпеливости и бунт заводят, который ни самим оружием утолить нельзя, кроме одной ласки, либо от какой-нибудь ложной вести, для их неспособной, которую пронесет между ими какой-нибудь бездельник. Однако напоследок более тому и достается, кто оное между ими выдумал, ибо оне уже тогда не стоят за своего товарища, когда узнают, что он локь им предсказывал.

Когда они пред воеводою государю должны учинить присягу, то сведут их в одно место, а за множеством делят их на разные круги, положат пред ими топор, коим рубили медведя, и дают каждому с ножа съесть кусок хлеба и притом должны говорить сими словами:

C'hu málhana mañ Parawadan elibjüd Ĵámbana sowá aĵunséna ni — ĵengü charént siék epsü, sowa ir madangu mang

Jöltjchewý ałwamir ni saldangù, á psananda chuñjò chaëptschù nibÿnà ani amhari sérkana sérta sjum talwapsù, tjuki emnja hÿlowÿ wörga sjum táaptaí, tjuki howartà njanju sjo erajà nulgèi, tjuki tupka ałwami soppàt, char sjum mottidëngu.

Перевод:

Естьли я моему государю до конца жизни моей верен не буду, но волею отступлю и верность нарушу, надлежащего ясака не заплачу, сам куда уйду или иным образом винно себя учиню, то да растерзает меня сей медведь, сим хлебом, которой ем, да подавлюся и чтоб мне сей топор голову отсек, а ножом мне бы зарезаться.

Другой род присяги почти сему подобен, но разве для некоторого отличия в словах упомянуть здесь не непристойно, ибо сие зависит от толмача, которой им при присяге что велит говорить или делать, то они и слушают, но перед началом второй сей присяги расстилают медвежью кожу, а их около ее поставят всех на колени и посланной за присягою человек над головами их держит обнаженную саблю, а другой на ноже держит пред ими кусок хлеба, а сам говорит речи, которые они должны повторять каждой, а проговоря, каждому дает с ножа есть кусок хлеба, зубами велит кусать медведя и между тем, в знак сущей верности каждой ущипывает шерсти. Речи же говорят следующие:

Tëda tjuki emnja Parawàda budÿri chaipjãídi sjan mjân sérkana sittë jânzelëide, amgari tabadangùda, mÿbÿna chna chud ałdaptangùda saínórtschi ëbta ijndÿkana nisi sjantsch, sertãídi, parawàda ałwamir pongà na saldãide, budÿri pongà na sowansër jilëídi, teda mamÿ manw dat, amhari mandanguda nibÿna ni enselë ngun, tjuki palÿnà aiwã saptangùda char sit motridengùda, njan sjóna nichaidangù, plunsida worga sidÿ omtàda.

Перевод:

Теперь в том государыне вы присягаете, во всяком деле будете ей послушны, что повелит или куда пошлет, хотя и на войну, живота своего не щадя, исправляйте, государев ясак каждогодно платите, между собою живите согласно, теперь из говоренных мною речей что преступное учините или не будете послушны, етою шагою вам головы отсекут, ножом себя заколете, хлебом подавитесь, страшной медведь вас съест.

Естьли между ими сделается какая ссора, то выбирают посредственников и, буде по сказкам обоих еще решить нельзя, то велит одному из их учинить следующую присягу: перво поведут его к божку и от неправой клятвы увещивают, представляя ему страшные примеры, потом дадут нож, коим он болвану ног отрезать, и топор, коим он божка порубить должен, говоря:

Chu mahanà man tʃukì purdòrpÿbsÿnà sʃakà n chái pʃangu,
taibi joltjchembòj man pÿleú jodam, tupkà nà aʃamì jandà nà
taaptangù, wòrga poderà nà sʃum omtái, sʃan mjan ja'bsida
ser man nja'nda tutta.

Перевод:

Естьли я в сем споре неправо клянся, то хочу равномерно нос мой потерять и топором изрублен быть, и чтоб меня медведь съел в лесу, и всяко бы несчастье на меня пришло.

Сию же клятву употребляют и свидетели, чему крепко и верят, и естьли кто неправо оным клялся, то, конечно, какое-нибудь наказание вскоре последует. И действительно, сей народ в таких случаях столь справедлив, что при ихней дикости можно их в сем почестъ вернейшими, ибо он после такой присяги и во время оной весьма всего боится, почему и надежно, что несчастье воспоследует от угрызения неправой совести, и он неправо присягнуть не смеет. Впрочем, в небольших ссорах и обидах разбирательство имеют их князцы, а о других важных делах просят выше.

Что ж касается до князцов их, то оные никакого ни оклада, ни особенного почтения не имеют, кроме тех, которые жалованные грамотами от государей, да и те один только титул князца на себе имеют, а питаются всяк своими промыслами, по смерти же оных правление жалованных достается по наследству сыновьям тем, кои ясашными усмотрены будут и удостоены к тому способными, а у которого наследников не осталось, то выбирают между собою лучших и умных людей, но богатые по большей части у их в особенном пребывают почтении, почему и можно всех их назвать как старшинами, ибо всегда его множеством народа всячески встречают, многим числом, будто холопи, за им ходят, а пьяного водят под руки и носят за им, что подарочное или оставленное.

Глава XII

Об обычаях и поступках

Что касается до их обычаев и поступков, то нельзя сказать, чтоб у обоих народов не были одинакие, ибо как всегда пребывают и остяки и самоедцы между собою в согласии и всегда почти друг друга посещают, а особливо в зимнее время и мену между собою производят, как самоедцы меняют оленей и рухлядь на съестные припасы, то из оного заключить можно, что во всем у них сходственность немалая, кроме самых вероломных поведений, да и то не в лишнем отличестве. Обычаем, что они грубы, в поступках примчивы и просты, сие обоим народам сходственное, а что оне для хорошего человека с подобострастием не жалеют лучшего, обоим сродно. Одним словом сказать, что из их ни один не имеет пред другими преимущества и исполняют по своему поведению с большею только искренностию, ибо когда к ему из хороших людей кто приедет, то желает его угостить резностно и для того велит тотчас убить хорошего оленя и сварить только для его язык, мозг и грудинку и несколько кусков сала, что почитается у их за лучшее кушанье и знак достойного гостя. После же обеда дарит его по возможности, желая доказать свою услугу и благодарность за посещение.

Но бабы остяцкие или девки никогда почти не кажутся и никогда почти видеть их не можно, потому что, лишь только появится невой в чуму человек, то тотчас, закрыв лицо вокшемом, отворачивается лицом к стене и что надо делает, а нередко случается, что и из чума совсем в другой чум уходит, и остается одна старука, но сие у их не значит ревность мужию, но самой стыд женского пола, которой у обоих народов ни за что почти в свете не почитается.

Напротив того, о самоедках того сказать нельзя, ибо те никогда голов своих не покрывают и хотя в таком же презрении у мужчин пребывают, однако как мало проезжих у себя видят, так мало и стыдятся. Между собою они равным образом ни малого приятства, ни учтивства не знают, да и не сродны к тому, не знают оне, как шапки скидываются. Приехав к другому в чум, никак не здороваются, а садятся прямо, где нашел место пусто. Хозяин же,

зная своего друга, уже знает, что его потчевать надо, но потчевание их уже известно. Зимой поставят варку с пожемами или мерзлой рыбы, летом свежей сырой, или что сварит в котле, тем и потчует. Недавно еще, как они приняли от русских снимать шапки пред хорошими людьми и говорить по-остяцки — виза (здорово и прощай, все одно)²⁶, по-самоедски — дорово²⁷, которое слово, видно, совершенно русское, и они его при свидании и провожании гостя также употребляют, но понеже своего собственного не имеют, то между собою и не здороваются, а только с русскими так поступают.

Глава XIII О увеселениях

Увеселений имеют между собой очень мало, а особливо самоедцы, и я почти совсем не слыхивал, может быть потому, что они, как народ кочевой, редко во множестве бывают, но, будучи на Енисее, слышал, что самоедские увеселения точно как и некоторые камчатальские, но в сем не могу ручаться; имеет ли по правую сторону Тазовской губы к реке Енисею живущая Самодь некоторую отличность от обских самоедцов или нет, верно не знаю, того ради и увеселения здесь упоминаются не обских, а енисейских самоедцов, которые, стоя когда-нибудь во множестве при одном урочище, производят разные веселости, или просто сказать, кто что вздумает, тем и веселятся; иногда зачастую имеют увеселение в скачке, разбежавшись от меты по три раза, кто скакнет далее, также и борются, но сие и у обских остяков в моде.

Пляшут хотя и особливим образом от остяков, но с ураками²⁸ и тавгами²⁹ очень сходственно. Пляска их состоит не во многих разностях телодвижения, но каково одна пара делает, таким же образом пляшут и последние, хотя б какое множество их ни было. Самоедин, взяв бабу левою рукою за правую, ноги свои одна за другой наперед высовывает. Сам выговаривая полным ртом громко: «гой!», потом с ужимкою сквозь зубы в нос: «ги»... протяженно, потом опять громко: «гой!», а напоследок, забирая в себя дух, всхрапывает, и так далее. Сие не значит у их вместо песни, но будто бы для показания такты; баба же, напро-

тив того, подле его стоящая, стоя на одном месте, с приседанием выворачивает ноги и сама только всхрапывает при окончании каждого колека. И так за одну парю собирается и множество; тогда бегают кругом, держась руками друг за дружку иногда чрез целый день, желая одна пара переплясать другую****.

Напротив того, березовских остяков пляска гораздо удивительнее, мучительнее и смешнее, которые сами своими веселостями желают только представить самое дело, а не вымышленное, или пересмеять кого стараются, как видно из ихних песен, о коих ниже упомянуто будет.

Пляска ихняя не до иного чего касается, как или до самых ихних промыслов, как они на оных поступают, или что увидят странное и смешное, то в пляске изобразить стараются с некоторыми лишними удивительными телодвижениями, коих словами и изобразить нельзя. Перво представляют пляскою, как промышляют лося. Плишут по инструменту, домброю называемому, она же называется и шангальтон и нарысьюг³⁰; игрок старается изобразить самое качество и действие зверя, т.е. как он бежит, рысью или скаком, как стоит и прочее, а плясók тшится представить своим телодвижением, киванием головою, ломается, стоя на одном месте, руками и ногами, и головою стараться должен изобразить живо. И так мне самому случилось видеть то изображение на домбре и пляске, когда промышленник намеряется гонить лося. Перво игрок играет по всем пяти струнам, изображая, как он бежит рысью, а плясók по такте топает для ясного изображения, потом, по игре, плясók изображает, как лось, остановясь, оглядывается на все стороны и смотрит, далеко ли от его человек, за ним гонящийся, находится, и так, несколько представляя бегов и оглядов назад, играет игрок с представлением плясoka, как его из лука убить хочет и как убьет, то промышленник возвращается назад по веселой песни с радостию и веселою веснею, пляскою, но когда же зверь у его уйдет, то ясно изображает возвращение свое с великою печалию и гневом.

**** Как сама натура научает любовным изтростям, то и сами дикие народы знают как к любви приступать должно. Говорят, что во время пляски, когда похмет у ее рызу, то и увидит свое счастье.

Еще видел я игру на домбре и пляску, представляющую промышленника, идущего на соболиные промыслы, тащущего за собою нарточку, и так, идучи он через лес, представляет вышеписанными движениями, как у его нарточка за пень задела, как, отворотя, опять идет и напоследок, нашед следы соболиные, как щупает пальцом, узнавая следы оного, свежие ли они или старые, и, увидя, что свежие, как доходит до самого соболя и каким образом добывает, из дупла выгоняет, стреляет и прочее, получа же за труды соболя — с радостию, а не получа — с горестию представляя, возвращается¹¹.

Сие говорено было о зверях, до их веселых промыслов касающихся, но которые промыслы у их со страхом и отчаянием бывають, тех они не представляют. Я сколько их плясок ни видывал, однако нигде не случилось видеть, ниже слышать, кто б выиграл или б представил промысел медведей.

Есть у их равным образом и птичья пляски, которые таким же подобием представлять стараются, чтоб трафить в самую живность, так например, журавля изображает, согнувшись и надев на себя долгое платье или полог, взяв в руки костыль, сделанной наподобие головы журавлиной с носом и долгою шеею, делает, повертывая ее на все стороны, т.е. как он оглядывается, как спит, как сидит сторбась, чешется, клюет, ходит, поет и прочее. Так, другую пляску представляет в образе мышелова или ястреба, ищущего мыши, и перво представляет руками и головою, как он летает по полем плавно, потом как вверх и вниз подымается и опускается, когда же найдет мышь, как трепещет над ею, с немалым писком протянув ноги, бодростию своею сложения оказывая охоту схватить оную, но когда мышь укроется, как он околом того места летает и опять следит, а напоследок плясбк вдруг падает на землю, распустя руки, представляя, как мышелов пымал мышь, распустя крылья, и ова под им пищит, потом изображает полет мышелова с мышью и как станет оную трескать.

Хотя уже довольно примеров показано их пляски, однако нельзя не упомянуть и на смешные и такие увеселения, которые или касаются до своей братья — остатков другого роду, или до русских, но я здесь приложу только одну, касающуюся до русских баб, коих они пересмежают, как

оне на реке рубашки полощут, ибо оне в своем житии и не знают, что такое есть на свете мытье рубахи, потому им сие и кажется не за малое удивление; и так, лишь только игра началась, плясók, тотчас взяв палку и навеса на ее всяких тряпок или что попало, кладет себе на плечо, будто бы ко-ромысло, приходит на реку, разбирает рубахи, стирает, ко-лотит другой палкой наместо валька, выжимает, потом вдруг останавливается и слушает: где-то, дескать, на гудке игра-ют (зная, что русские бабы до музыки охотницы). Нет, ос-лушалась. Опять мыть начинает, потом вдругоредь услы-хавши, любитесь и тотчас тут же будто запляшет и так по-скорее. Наконец, платье вымыть торопится, чтоб поспеть, дескать, по голосу, где так хорошо играют. Таким образом и бежит туда скоро и на дороге, будто по нестерпеливости, остановится и попляшет и так далее; тем оканчивают.

И так все их роды плясок за смешные почесть можно. Хотя оне и не выдуманные, а, можно сказать, натураль-ные, однако, не без трудности производятся. Ломание чле-нов [в] таковых представлениях, можно сказать, мучитель-ное, однако они не только болезнию сею не скучают, но еще кроме сносных ломовых позитур и лишне отваживаются ломать свой стан так, что от лишнего истечения поту на-последок в слабость все члены приходят.

Ломается, кажется, для того, чтоб его удалство и ис-кусство смеючись похвалили; и действительно, в то одно и стараются, чтоб, изобразив, как можно живее, не отставая от такты, привести зрителей в смех и некоторое удивление.

Бабых плясок я не видывал, но слышал, что оне таким же образом веселятся.

Что ж касается до песен, то правда, что они, видно, к выкладкам оных или не склонны, или не умеют, а часто слышал у пьяных остяков и самоедцов, которые все поют то, что ему на ум узбредет, или что ему случилось, или что говорить хочет. Много я видал пьяных, которые, сошед-шись, друг с другом песнями переговаривали все, что им надобно, а когда один в степи едет, то поет про степь, или про воздух, или про погоду, или что ему вадумается, без всякого склада, только голосом, куда хочет, поваживает, но и насмешства также в песнях у их или над своим бра-том, или и над соседями не не бывает.

В весенние свободные часы имеют они также и сказки, про которых я слышал только мало, однако заключить можно, что их сказки иное в себе хвастовство и невозможность заключают, ибо если бы они в своих баснях коснулись до другого кого, то не иное стараются, как опорочить и тем самым примером себя превозвысить какневозможнейше. Дякому и трусливому сему народу не иное что к ободрению себя служит, как небывалая победа в ссорах и драках, как рассказывают оне в своих сказах:

«Один-де был остяк, собою весьма сильной, которой поехал свататься и по несогласию мнимого своего тестя сделалась у их ссора, он один тут побил несколько тысяч человек, но, еще будучи тем недоволен, улетел в другое место и там побил столько же».

И так далее рассказывают по большей части о побойцах, разве несколько прикрася историческими словами, но что до второго моего предложения касается, то, кажется, нельзя не верить, потому что в городе Березове я слышал и от многих русских, которые не к сказке, но к самой правде причисляли. Мнимая невозможность принудила меня сие повествование написать между сказками, хотя бы ему здесь и не должно иметь места. Вся невозможность состоит в расстоянии места, которое остяк, как сказывают, будто б переезжал от Обдорска, еще прежде их покорения, до самого Кондийского монастыря в одне сутки, на одних оленях, кажется невероятное дело, ибо от Обдорска до Березова хотя немерные версты, однако неотменно триста положить надо, а от Березова до монастыря — сто девяносто, то легко в сей правде усумниться можно, чтоб одне олени так много в сутки могли выбежать; однако верить можно потому, что я сам знаю такой особливой род оленей, которые немного и весьма редко в больших стадах случаются, притом же неизвестно, что сей зверь, кроме всего, весьма легок, и я сам, на переменных, от Обдорска до Березова немного более суток выбежал.

Они же рассказывают таким образом: сие неизвестно, что все дикие народы прежде покорения ни в чем ином, как в одних женах наиболее ссорились и воевали, то и вероятно, что у их прежде ужасные, как слышно, были кровопролития между собою, как и ныне есть остатки тех мест,

где славные побоища бывали, или на котором месте что особенное в тогдашнее время сделалось; те места собственные себе имена и поныне имеют. Тогда не было ни монастыря, ни Березова, а были одни чумы, которых стояло в местах по коленам инде множество, и так сей низовой остяк поехал вверх за невестой и, к монастырскому месту приехав, украл надобную себе девку и выехал обратно с девкой на одних оленях в одне сутки. Сие повествование носится между ими и поныне, и бывшее по сему тогда кровопролитие доказывает, что оное было справедливо, а я потому написал в сказках, что они сами между сказками употребляют.

Между прочим, в проезде самоеды меня уверяли и сказывали за самую истину, будто бы праотцам их около Чукоцкого носу попадались особенные люди, которых они (пыегоурта) носедами называют, и говорят, будто бы они ловили живых людей и, разбив нос, кровь сосали и прочее, однако сему верить невозможно.

Глава XIV О сватанье и свадьбах

Сколь в презрении женской пол у остяков и самоедцов пребывает, того довольно изобразить невозможно, а смею сказать, что у их женщины живут не как люди, но как надобной скот, без коего он обойтись не может. Бедные бабы весь свой век в беспрестанных трудах препровождают, не зная ни отдыха, ни праздника, всячески ему угождает, все его состояние лежит на ей одной, а он с ей и говорить никогда не хочет. Грубость их поступок с женами довольно меня уверила, когда я находился около двух месяцев между самоедцами (смешное примечание: не знают они никогда с женами целоваться, не знает никаких лобзаний и ничего не ведают, как лучше в свете с прелестным полом обходиться). В дороге или на месте в чуму мужик сидит, лежит или что делает, она ему во всем служить должна, не как жена, но как купленная служанка. Пускай сего оспорить нельзя по их дикости, но в таких обстоятельствах хотя бы он ей говорил поласковее, а то нет у их любезнее слова по-остяцки или по-самоедски — нейру (баба). Приятнее бы было женке служить из сего имени, когда бы от его хотя б это

часке слышала, а то, не сказав ничего, сам смотрит на небо или на землю, а сам говорит о своей надобности, и она должна догадываться, что ей говорит о том-то. Правда, хотя вообще у сих народов женский пол по век имян себе не имеет, но, однако, за счастье себе почитает, если бы он ее называл хотя полчеловеком, а человеком они только себя называют, как по-остяцки, Таһе²², по-самоедски Chazowa, что значит мужик, или человек, и они хотя все имена имеют, однако поимянню друг дружку не кличут, а все оным именем. Так, напротив того, и бабы не называют мужиков именем, а по большей части вышеписанным названием.

В общем их жизни мало стыда найдется и почти совсем нету. Мужчины обыкновенно сидят у огня нагие. Бабы остяцкие равным образом, часто при чужих людях, садятся в присядку у огня и, подняв подол за колени, без зазору греются, которое бесстыдное житие только выше Березова водится, но и у татарок не в моде. Тем сей народ похвален, что любви мало разумеют, не избирают они жен себе красавиц, не смотрят на женские нежности, которых нету, а берут всяк по рассуждению своего состояния. Правда, хотя они не охотники, да и не ревнивы, одну жену иметь ему стыдно, и не почитает себя довольным, того ради берут многих, если только его состояние дозволит; но и мало видал таких, кои бы обыкновенно больше трех или четырех имели; на каждой должен он свататься, за каждую платить калым, не исключая ближней родни своей, ибо остяку или самоедину вольно брать братнюю жену, мачеху²³, сноху и прочее. В Войкарских юртах есть остяк, который двух сестер в супружестве имеет, и я не знаю, кто бы в остяцком роде был его на промыслах счастливее. Так свататься не только между ими, кажется, сходно, но и не бесприбыльно; только немногие так имеют, может быть, потому, что немногие столько приданого отдать могут, сколько за двух дочерей отдать надобно, хотя у их и то обыкновенно, что если за первую отдал калыму столько-то, за другую сестру уже половину платить должен.

И так, рассматривая обоих сих народов, мало можно найти разности, а особливо в том, что я верно знаю, кажется, немного между собою различествуют, разве есть некоторая отмена в прочих порядках, кои мне неизвестны. Здесь

намерен я описать ихние сватовства и свадьбы и хотя бы можно мне было по ихному между собою сходству написать в одном месте, однако я предложу и ту и другую порошью, через что могу уверить читателя, сколько они в обыкновенных своих между собою разнятся.

У остатков за грех почитается взять себе в жены из того же роду, коего фамилиею сам прозывается, которая по мужчинам у их считается, а не по женщинам, а если женщина вышла в другой род, родила дочь, а в первом роде родился паренёк, то уже законные супружники, и так, не касаясь до племени своей фамилии, выбирает себе невесту из другога роду, хотя б двоюродную сестру свою, но когда иначе прозывается, то свататься и жениться на ей нет запрещения, того ради собрав к себе равных молодцов в поезд из ближней родни и выбрав сватчегу, приезжает в те чумы, где живет отец избранной его невесты, входит прямо в юрту со всеми поезжанами; между тем, хозяин, видя такое собрание и зная у себя дочь, уже должен догадаться, за чем приехали, чего ради, не спрашивая причины их приезда, что случилось — тем потчует; когда же приехавшие наелись, выходят в другую избу и оттуда посылают сватчегу, о требовании согласия и о договоре о калыме, тут довольные труды сватчегу бывают, ибо, подобно торгу, тесть требует много, зять дает мало, и так сватчей то и дело из чума в чум переходит. Наконец, когда договорятся, жених, по прошествии несколько времени, отдает часть своего калыма (редкие есть такие, кои бы вдруг весь отдали, потому что между богатыми много и на ту и на другую сторону добра переходит, и редкая богатая девка уходит за калым кроме прочей рухлядя во ста оленях) и наказывает ему, чтоб на следующую ночь и место, где спать, и невеста б была готова. Когда согласится, то в ту ночь и приходит зять к тестю и ложится тут, где ему укажут; после же приходит к нему и невеста, с коею перво для стыда лежат под разными шубами, а когда все уснут, то под одну переходят и так спят во всю ночь; а поутру смотрит мать, какова пришла дочка ее, если благополучная, то сейчас просит с зятя однорядку и оленя, он отказать не должен; если же не благополучна, то зять с матери требует то же.

Для славы благополучной невесты мать постелю, на которой молодые спали, изрезывает на мелкие части и разбрасывает во все стороны. После сего, покуда жених не заплатит полного калыма, по тех пор не может увести невесту в чум свой; однако, по милости отцовою бывает, что увозит ее со всем приданым и не заплативши всего, то отец, пождав несколько годов, приехавшую случаем в гости дочь свою удерживает у себя, чрез что принуждает зятя, чтоб он весь отдал.

Вышедшая такая невеста в век свой стыдится тестя, а жених тещи чего ради в первые годы после свадьбы ходит при теще в шапке до тех пор, покуда не сделает ребенка, и естли она попадетя на дороге, то, отворотясь, нахлобучивает шапку, чтоб он ее и она его не видела.

Взятую за калым невесту остиг не смеет ни за какую большую вину бить без соизволения своего тестя, ибо злобная жена тотчас уйдет к отцу своему и там нажалуетя, говоря, что более с им жить не желаю, того ради раздраженной отец, естли есть что, то тотчас бросает зятю своему взятый калым, а дочь берет к себе и отдает за другого.

Самоедин, напротив того, задумав жениться, выбирает ровную себе во всем невесту, не по красоте лица или славе, но по достатку, коим он с ей и она с им ровняться могут, и так прискивает свата, коему уже известная за труды награда — дать оленя. Собрав несколько человек из ближней своей родни, наряжается ехать в те чумы, где живет избранная его невеста. Приехав, останавливаются у чумов, не входя в избу; поставя все санки рядом, сидит каждой на своих саях, а жених посылает сватчего к будущему своему тестю о требовании совета в отдаче своей дочери за приехавшего самоедина, на что вскорости либо отказ, либо благоволение получает. Естли отказ, то с неудовольствием уезжают, что бывает немалою причиною их недружества, но сие редко случается. Естли же невестин отец согласится, то тотчас имеет сват с им уговариваться и о калыме, что очень долго продолжается к немалой на дворе сидящим скуке, ибо отец невестин требует много, а жениху столько жаль отдать, и так сватчей перехаживает то и дело от одного к другому, перенося вести или договоры. Договоры у их обыкновенно бывает в том, чего у тестя мало или и совсем нету,

того от зятя и требует, как обыкновенно разные цветные однорядки, котлы медные и железные, сети, зипуны и олени. Уговорясь же, определяют время, когда все оное тестю получить, а невесту отдать должно. В сем случае сколь скучно бывает зятю отдавать будущему своему тестю то, что он требовал, столь, равным образом, будет весело обирать тестя во время приданого с двойною себе прибылью, потому что тестю взятое от зятя одному завладеть невозможно, но он, отложив себе большую часть, прочее по всей родне разделить должен.

Пришло уже то время, чтоб калым заплатить зятю, которой, отдавши, приезжает в гости, где и потчует его тесть оленьим мясом и между тем переневаются друг с другом. Тесть припеваает зятю, чтоб любил дочь его, а зять припеваает тестю, чтоб содержал его в милости и было б между ними согласие. Между тем говорят и о приданом; как скоро тесть исправится, ибо обыкновенно тесть должен и жениху и невесте спать по паре, и когда исправится, то жених приезжает с какою-нибудь чужою бабою по невесту; получает в то время отдарки от тех, кои в его калыме участие имели, что получа, берет свою невесту, сажает на санки, кои привязывает к санкам приезжей бабы, а прочие с приданым, сколько б их ни было, привязывает к саням невесты, из коих первые трой или четверы с разною кладью должен тесть покрыть сукном хорешим, а прочие хорошими и чистыми постелями. Сам жених едет назаде, а по приезде домой невеста должна послать постелю для мужа и для себя, и хотя муж с женою ложатся на одну постелю, однако не совокупаются иногда по месяцу и по два, а когда сойдутся, то уже девство наблюдать жениху осталось, и еслили придет чувственная, то должен дать тестю оленя или два, а в противном случае столько же требует с тестя.

По прошествии несколько времени невеста приезжает к отцу своему в гости и живет у его сколько времени пожелает, а муж также к ей каждую ночь ездит и спит вместе, легши при свете под разные шубы и на разные постели, а когда все уснут, то и под одну сбиваются. Поживши у отца довольное время, уезжает домой и между тем получает от его новые подарки, и так сколько бы раз в году она у отца ни побывала, отец всегда дарить ей должен, чего ради мало

от мужа и занимает, разве как только живет с ним, а пьет, ест и носит отцовское, а не мужнее.

В противном случае, когда развод бывает, тогда они считаются, что с которой стороны истрачено, так и расплачиваются друг с другом, или ежели жена умрет вскорости после свадьбы, то так же поступают между собою, а еслили муж жену любил крепко, то и по скорой ее смерти калым с тестя взыскивать не внимается.

Впрочем, все сие говорено про богатых, а бедной с бедным о бедности в калыме и рассуждают, чего ради один с другого лишнего и требовать бонтся.

В житии своем самоедка живет замужем, как невольница, не видит себе от мужа большой ласки, ниже какой приятности, кроме любовной той ночи, пред которой он жене своей днем всячески угождать старается. Ночью же обыкновенно на боку лежа Венере жертву приносят. Из таковых жрецов многие есть молодцы такие, что почтѹ, скорее кобеля гоняют, как и между остяками слышал, и не про немногих. По возвращении из венерина храма жертвенные сосуды не очищают, но во время обыкновенных женских нужд окуриваются дымом, перешагивая чрез огонь несколько раз или, положиа на горящее уголье струй бобровой или шерсти, тем очищается, отчего хорошенькие самоедки все почти издрябли.

Глава XV

О женских нуждах

Женские нужды я разумею натуральное месячное кровотечение, которое, я слышал, у их мало бывает и не порядочно, ибо иногда в четвертую, и прежде, и в пятую, и в шестую неделю проиходят. Рубах из их мало носят, а по большей части ходят нагие в тулупах, того ради неотменно должно тулупу замараться; но остятки выдумали изрядное средство носить пояс, по-иному вероп называемой, которой, закупорив перво свое сокровище отлепом или таловыми мелкими вымятыми стружками, подвязывает с исподе и вкрут поясницы. Когда же почувствует, что довольно накопилось, то тотчас на стороне ототкнет и выпустит, но помянутые отлеповые стружки никогда не не бывают, хотя бы

не было и кровотечения, но оне от натуры так уже всегда иметь привыкли.

Напротив того, самоедки, хотя также ходят нагие, и как сшито платье, так его не скидывает, покудова на ей не истлеет, носят штаны ровдужные, в коних и родят и во время сих нужд накладывают отлену, которой после выкидывают, естли замарался, и кладут свежей, но затыкать не знают.

От сих кровей откуриваются они вышеупомянутым образом. Окуривают также и платье, которое в то время на себе имеют. Мущина же не только после родов с ей два месяца не спит, но и во время кровей не пьет, не ест с ею, ниже что в руки от ее принимает. Она же в таком состоянии не должна ничего есть от вновь промышленного, но довольствуется прежним запасом. Никогда также взрослые девки и бабы не должны есть от оленьей головы, кроме малых девушек, которые месячного кровотечения не имеют.

Сего не довольно, что женской пол натуральные сии нужды сносит великодушно, но у их, кроме сего, еще она должна стыдиться, будучи обизана их заблуждением. Народ не только не уважает сии женские трудности, но еще и за поганой, так сказать, род считают. Бедная самоедка не только каждой день сама себя, но и все, что в руках имела или на чем сидела, должна окуривать. В дороге, перво лишь только приедет на место, расстановя чум, прежде всего должна сама окуриться, потом за вещи принимается, которые в чум внести надо. Каждую вещь должна окурить особливо, должна окурить санки, на которых ехала, напоследок — что у саношных передков было привязано (обыкновенно мужская и женская обувь привязывается), не должна отвязывать сверху, но из-под потигу, за что олени тянут. Также не должна чуть крутом обходить, но только до половины ходить смеет, равным образом с одной стороны на другую, коли иттить понадобится, то или весь обоз обойти должна или проползти под потяг.

Остяки и самоедцы, равным образом как и прочие дикие народы, сколько ни охотники к делам любовным, однако родится между ними немного. Редко я видел таких остяков, кои бы больше трех или четырех человек у себя в живие имели, а в жизни много, что десять и очень редко бывает.

Сему самая истинная та причина, что оне живут очень гнусно и не разделяют от старика нежного младенца, кормят его почти тем же и тою же самою пицею, какую сами употребляют. От молока же матери до пяти лет и далее не отнимают, покуда сам не отстанет.

Глава XVI О рождении

Родов сих народов, хотя и не видывал, однако слышал довольно, что оне, дивиться надо, как легко родить могут. Самоедки обыкновенно в штаны выпускают, место закапывают в землю в глухом месте, где б ни зверю, ни человеку ходить нельзя было. Остятки, напротив того, место с отлепом, которым обтираются, кладут в коробок и притом прикладывают тут заено какой-нибудь рыбы или мяса, и так подвешивают на дерево. Удивления достойное, но неудобовверимое почти дело я слышал про одного енисейского остяка³⁵, считающегося везде за пицею во тундрах с женою. Бедной остяк, но варвар, не имеет у себя оленей, шатается по тундре, которой день что промыслит, тот день и сыт бывает. Имеет при себе нарточку с разною мелочью; жена оную тянет, он сзади мало-мало пособляет; жена брюхатая, пришло время родить, надо остяку остановиться на одном месте, дожидаться того времени, как женская болезнь окончится, следовательно, терпеть голод, потому что запаса никакого нету, как выше сказано; хотя, может быть, у его имелось столько жалости не как для жены, как для новорожденного дитяти остановиться, но голод его гонит следовать неотменно далее и промыслять себе пицци. Бедная остятка, лишь только родила в нарте запряженная, взяла дитя свое, окутав шубою, положила на нарту; остяк же, видя изнеможение жены своей, сварил клею и немалой величины дал ей выпить с тем намерением, чтоб удержать известное после родов течение крови, и так, тот же почти час, опять поехали далее.

Нельзя же, напротив того, почесть сей случай у их все нечувствительным и им бесстрашным, как видно из ихнего исповедывания грехов, которые родильница должна при всех рассказывать пред родами. Баба, которая в тог-

дашнем времени при самоедке ходит, хотя всячески страшится, чтоб пристрастнее во всем призналась, одного нельзя думать, чтоб, кроме угрозных ее речей, не было и таких примеров, коих бы она совершенно боялась, чего ради самоедка во всем, при всех, предстоящих на родах, кается и притом, естли с кем блядовала, должна сказать имянно, естли же из ближайшей родни, то имя умалчивает, чрез что дает знать, что тот был ближней свойственник. Лишь только младенец родился, какая бы баба ни приблизилась, взяла тотчас нож, нарочно к тому случаю получше изготовленной, отрезала пупок, отдавши оной с местом другой бабе спрятать в укромное место, а младенца, перевязав пупок жилой, отдает его мужу, которой, потрепавши да полюбывавшись, отдает другому сродичу и так далее все таким новорожденным любуются, не зная во всем самоедском роде уроков.

После сего делают ему люльку наподобие коробки, у которой по бокам есть петли, к голове сделано повыше вместо сголовья, а в ногах ровко, как в ящичке. В люльку насыпают гнилого толченого дерева для мягкости, на которое кладут младенца, а после, закутав его маленькою шубою, увязывают ремнем сквозь помянутые боковые петли и так его носят или под пазухой или за плечами.

Новорожденному младенцу не дают никакого имени до пяти лет его возраста, а когда пять лет свершится, то дают ему ребячье имя, коим он до пятнадцати лет называется, а по прошествии сих пятнадцати лет родители дают уже ему настоящее имя или по сходству какого-нибудь давно умершего сродника, или по силе, или по сложению, сходству с животными, проворству, прилежанию к промыслам, трудолюбию, щастию и прочее, как из следующих самоедских имен видеть можно кои переведены на русский язык.

Chá n—chagú — Сани листовяничные; Négtne — Пролубь; Láatscha — Кочка земляная; Lacúg — Неровная земля или кочковатая; Háimate — Ломаная нога; Palýma — Шпажной обух; Chalýna ꝥ Mal' — ova — Рукавица глухая без напалка; Peóttama — Ладонная спина metacarpus; Mò — Сук; Wána — Корень у дерева; Chalewuhái — Мартышечья нога; Chaídjü — Дикой; Waípti' — Вешеной; Hýlpád — Исподней мешек; Pazú — Женское естество; Eptuhál — Гусиная нога;

Maĵa — Косноязычной; Enhÿtschë — Кривинькой; Paŋÿ tabai — Изодранная шуба; Udaši — Безрукой; Halsi — Безногой; Podora — Лес; Lanà — Говори; Lambäi — Широкая лыжа; Mottjü — Тупой; Worcomà — Обделенной; Salwÿzi — Безглазой; Sjäutta — Нельма; Mÿrtechl — Ветреной; Pojü — Олха.

Такие имена дают родители пятнадцатилетним своим сыновьям, но богатые, в дружестве между собою, занимают также имена друг у дружки после умерших сродников; в противном же случае, если без соизволения друга своего даст сыну своему чужого сродника имя, то не только бывает великая ссора, но и до смертоубийства нередко доходит.

Впрочем, женской пол, уже прежде сказано, что имен по век свой не имеет, того ради более об их и распространяться не для чего.

Младенческих похорон не видывал, но русские и самоедцы многоразды меня уверяли, что похороняются так же, как и большие, выключая только лишние обряды, которые над большим покойником со излишеством производится.

Глава XVII О погребении

Мертвые тела тамошних народов есть первой и надежной корм тамошних зверей, потому что по всей тундре похороняются, и самоедцы не имеют определенного нарочного к тому кладбища; и в дороге, если умер, при пространным болоте, то вывозят его на сухое место, а если на способном умер месте, то далее не отвозят, а тут же и оставляют³⁶.

Остяки, напротив того, как уже народ опоселившейся на одних границах, имеют нарочные кладбища, кои халасями называют, и хоть также мало некутся о телах умерших, чтоб схоронить их от зверей, гробы вырывающих, однако кладут бережливее самоедцов. Могу ли сказать, что оне головами кладут на северную сторону, верно не знаю, но которые гробы я видал, те все мне так казались.

Остяки и самоедцы мертвых тел долго не держат, и так, если остяк умер поутру, то в полдни его и похоронят, сделают тотчас могилу неглубокую, меньше аршина, может быть, потому что мерзлая земля далее рыть не дозво-

ляет. Мертвого одевают в лучшее его платье, как летом в однорядки, парку, малицу и негован, а зимою в известное также зимнее платье; подле его кладут все то, что ему на сем свете в жизни было надобно в дорогу отправляющемуся, как постелю, нож, топор, рог с табаком и прочее, все, кроме кремня и огнивы, кои делают деревянные. Покудова все оное исправляют, мертвой лежит в чуму своем, куда сходятся мушны и женщины, оплакивая его с великим воплем и терзанием. Женщины с женщинами сидят в своем месте, закрыв лице обыкновенно вокшемом, а мушны ходят около его и плачут между тем делают ему гроб из лодки; обрубив нос и корму, кладут его и несут на руках все, сколько бы их не случилось. Принесши на обыкновенное свое кладбище, которое бывает на пригорке, кладут его с большим воплем, быв притом одне только мушны, а если умерла женщина, то одне женщины и бывают, кроме одного или двух мушн, которые выкапывают могилу. За упокойным ведут самых лучших и любимейших его оленей с санями и во всем убранстве, коих, приведши на могилу, лишь только закопают мертвого, тотчас привяжут у каждого оленя на заднюю ногу по веревке, за которую один или двое тянут, а четверо, обостря большие кольца, оленей со всех четырех сторон насквозь протыкают; что служит вместо поминок и жертвы по покойном. По богатом бьют еще более оленей; надев петли на шею и на ноги, растягивают и, приведши его в слабость, ударяют стягом вдоль спины по хребту и тем умерщвляют. Всех убитых оленей над могилкой оставляют, убор с их и с санков кладут в теремок, сделанной над мертвым из прутьев, а санки сверху опрокидывают. Между тем, для поминовения, в стороне от могилы варят есть и, наевшись, остатки, принесши домой, разносят по чумам, чтоб поминали, не употребляя притом имени умершего.

После сего всегда почти бывает поминки, когда кто из родников его помянуть захочет, кои отправляются таким же образом, как и выше сего сказано.

Самседцы, напротив того, умершего своего, как и остяки, не обмыв, одевают во все платье, сколько на его надеть можно, а что не полезет, то вокруг его окладывают просто. Кладут его, протянув руки, надевши на голову котел, об-

вертывают постелями или чумовою крышкою и обвязывают веревками. После сего, опасаясь дверьми вынести мертвого (думая, что естли дверьми вынесешь, то он вскорости уведет других за собой), вытаскивают из-под чума, подняв крышку, за голову и, положи на санки, отвозят или в то место, где похороняют, или где лучше сами изберут, или где сам при жизни наказывал. Привезши на такое место, естли летом, то копают неглубокую могилу, так, чтоб мертвец с землею мог сравниться, которую, после заложив досщечками или прутьем, засыпают землею; естли же зимою, то делают на том месте небольшой обрубец в длину человека, в которой, положи мертвого, закладывают прутягом. Тут же кладут и все, что он имел в жизни, рассуждая, что на том свете оное ему будет надобно; того ради кладут лук, стрелы, нож, топор, табак, трубку, котел, чашки, ложки, и прочее. Оленей же тех, на коих привезли мертвого, задавливают над могилой и во всем их снаряде оставляют. Между тем, у богатых приводят и тех, на которых мертвой в жизни своей промышлял диких зверей, коих всех, задавленных, зимою в снег закапывают, а летом мохом и прутьем окладывают, будучи в том мнении, что ему на том свете было б на чем промышлять и ездить.

Между тем, старают, где б поскорей сыскать поближе ворожея для отпеву, и естли в близости нету, то ездят и далеко нарочно, которой, приехав, начинает перво колотить в бубен и между тем припевает, чтоб на каких он был промыслах, те были б сродникам его счастливее; потом поет, уговаривая его, чтоб оставшихся после сродников оставил с покоем и за собою б не вводил вскорости.

После чего делают ему обыкновенные поминки, но оставшийся муж или жена не должна есть с другими поминающими из одной посуды, покудова не окурится бобровою струею или шерстью и не обмоется водою.

Сродникам его, естли случится обозом ехать хоть чрез десять лет мимо того места, где положен его родни покойник, то естли вспомнит, должен, убив оленя, помянуть его, т.е. сварить и съесть со всею своею артелью, а голову с рогами, воткнув на кол, поставить на то место.

Имена умерших купно с телами пропадают, потому, когда кто умрет, то другой и в разговорах его имени поми-

нать не должен, а говорить об нем околицею, иначе у их знак великого недруга, кто помянет имя покойного. Не забывается же оно потому, что оно дается уже дальним сродникам — правнукам и другого колена¹⁷.

Сродник умершего человека, желая оказать печаль свою не только по смерти, но и при его болезни, не подвизывает ног и не подпоясывается, чем пред всеми жалость свою доказывает по больном своем сроднике. Сие и у остяков также в обыкновении.

Глава XVIII О рыболовстве

Рыболовство — первое у остяков и самоедцов пропитание — включает в себе большую часть их жития и экономии, потому что он, сызмала уже привыкнув к сим промыслам, под старость и отстать не хочет и совершенно, что великое множество зверей, хотя в их жилищах, шатающиеся, так их не оголодит и не приведет в нужду, как один недостаток рыбы. Оленные мужики, которые стадам своим не знают щету, равным образом жалуются на голод во время недостатку рыбы, как и бедные, кои и рады бы убить оленя, да нету. А богатой сносит тот же голод, претерпевает нужду, жалуется на недостаток, а оленей своих бить жалеет. Богатые там те и называются, у коих оленей множество. Они совершенно особливого рода, потому что в их обитает особливой род скупости. И так экономию их можно разделит[ь] так, что рыболовство их пропитание, а олени богатство заключают.

Начало оного рыболовства происходит в июне месяце; как река Обь вскрыется, тогда всякая рыба идет вверх по Оби из морских губ и заливов и заходит по всякие речки, уже в Оби впадающие и совершенно, что в полузю воду; когда Обь великое пространство понимает, нельзя на ей промышлять никакими образами, кроме малых речек, протоков и озер, но где таковых способных мест нету, там выдумали остяки особливое средство, т.е. под осень выбрав такое место, где на прек рыбу ловить можно, хотя бы оно было и каменистое, но лишь бы высокое, то накосю между лежащими на поднятых берегах камнями вколачивают глад-

кие небольшие кольца, чтоб тащущаяся по дну сеть за камнями не задевала, а по кольям катилась; таким образом вытаскивают сеть в целостности с рыбою.

Летом же и зимою рыболовство производят по всем рыбным рекам, как по Оби, Сосве (над которою стоит город Березов), Казенне, Сыгве, Полую (над коим стоит Обдорский острог), Собе, Щучьей, Хайе, Надыму, Тазу, Пуру, Войкарской и прочим малым речкам и озерам разными, издревле употребляемыми к тому хитростями.

Рыба, какая в той стране имеется, значит ниже сего с самоедским, остяцким и вогульским названием:

По-русски	По-самоедски	По-остяцки	По-вогульски
Осетр	Eriä	Joch	Schabý
Стерлядь	Chyrë	Kyř	Karäl
Муксун	Sjämbugä	michsun	—
Щокур	Hörtsahä	tschöhor	—
Пижман	Pökur	Pýdzschän Parouf	—
Сырок	Paï	Joroch	—
Таймень	Nohaï	ain	—
Хариус	Tuä	—	—
Омуля	Sjäugchale	—	—
Кунжа	как и таймень	называется	—
Чир	ihychale	Köghull	—
Селдь	—	—	Ery Schem
Нельма	Sjäudt	Unsch	—
Налим	Njije	Panne	—
Щука	Pýe	Sort	—
Язь ¹⁸	Lýzä	Nide	—
Сорога	—	—	—
Ерш	—	Lar	—
Окунь ¹⁹	—	Chondzschönhull	Symë
Карась ²⁰	Touchale	Mýlemchull	—

Вся выше помянутая рыба всходит вверх очень далеко, кроме сих трех: омуля, чира и кунжи, кои при море в реках и озерах остаются. Плавают обыкновенно стадами; подымаясь вверх, приплывают в Березов в июне, а в сентябре назад сверху возвращаются в те же морские губы и заливы, покуда некоторые из помянутых рек замирать не станут. Причины, отчего реки замирают, из тамошних жителей еще никто не разумеет; только известно, что замирают по большей части такие, кои не каменистые, как и самая река Обь,

которая с около лежащими реками замирает с половины генваря месяца, а Подуй, Надым, Таз и Пур в ноябре. Прочие же — Сось, Щучья и Хайя не замирают, потому что, я сам известен, реки каменные, из которых в Хайе вода столь светла, что в окутах, думаю, сажень около двух малых рыбок можно видеть, как оне гуляют. В Щучьей же, напротив того, вода очень мутна, но среди самого лета столь холодна, что человеку четверти часа посидеть в ей не можно.

В первых, то есть в Оби с около лежащими реками вода мертва бывает по тех пор, покуда весною с гор не будет стекать свежая, в какое время вся стая рыбы, которая на низ уйтить не успела, пребывает у самых берегов и устьев малых речек и ключей, кои живостью из гор наполнены. В таковых местах тогда удивительное рыбы множество бывает, так что на малой воде друг дружку давит, а рыболовы ничем иным, как сетками, будто готовую, загребают. Чтож касается до икры помянутых рыб, то примечено, что щуки выметывают оную в мае и июня в начале, выбрав за способные места в небыстрых реках, озерах и заливах; щокур и пыжьян осенью, в ноябре, в способнейших для себя местах рек, довольной каменья имеющих. Икра же небезизвестно, что в осетре и стерляди бывает черная, в щокуре и налиме — желтая, в пыжьяне, язе и щуке — красная.

Теперь не неприлично, кажется, объявить и самую величину тамошних рыб, как осетры бывают от трех до десяти четвертей, стерляди в три четверти и менее, налим от одной до пяти, муксун от двух до трех, щокур также, пыжьян от одной до двух, щука и налим от одной до пяти, омыль от трех вершков до трех четвертей, кунжа от двух до четырех четвертей, чир от двух до трех четвертей, сырок от двух до восьми вершков, язь также, ерш от одного до пяти вершков.

Всю оную рыбу здешний народ с пользою употребляет, в пищу изготовляя; русские как самую рыбу, так и икру солением, а везигу сушением, зимою же сырую едят охотно, так, как и летом. А ясашные вароды, остяки и самоедцы, по неимению соли, следуют застарелому своему обычаю: из тела рыбьего, снятого с боков, делают поземы, из спинков и брюшков варят варку, кости же сушат, а напоследок изтолокши, в случае голода сами, а не то варенье со щербой дают есть собакам.

Налимы, напротив того, на низу в таком множестве ловятся, что народы их за презренную рыбу считают, того ради никак их не заготавливают, а берут только из их одну максу для варения жиру, а прочее кидают собакам, да и собаки их не едят. Я видел налимов превеликие кучи, около юрт набросанные, которые в жаркие дни гнили, отчего далеко от юрт воздух смрадом наполнили.

Клей вынимают из осетра и стерляди. Распорив брюхо и ополоскав его в воде, немного подсушив, снимают сверху жирную перепонку, а после варит в котле до тех пор, пока дова наверх сплывет, что значит поспелой, и закалывают в холодной воде, а потом сушат карлуками и лепешками, но самой лучшей бывает осетровой, а из других рыб не вынимают.

Что же касается до жиру, то у здешних обывателей можно почесть за самую нужнейшую вещь по всей стране к северу, ибо не только употреблением его в пищу довольствуются, но и в варении мыла очень пригоден, в делании из лосиных и оленьих кож юфтей, замши и белой ровдуги, да и в домах, за неизменным свеч и сала, для свету пользуются оным. Вынимается из осетровых и стерляжьих брюшков и молот, налимель максы, из муксуновых, щокуровых, сырковых, нелемчих, язовых, омылевых, и чировых кипок, но самой лучшей бывает налиминой и всем прочим предпочтается.

Не излишнее почитаю предложить читателям и о цене в Березове, на продажу обыкновенной: осетрины пуд 40 копеек и дешевле, муксун, нельма, пыжьян, щокур и сырок по 25 коп. пуд и менее, а временем, за малым промыслом, неотменно и дороже быть должно; клею фунт от 15 до 28 коп.; везига из одного осетра — по конейке, жиру от 50 коп. до одного рубля пуд.

Теперь приступаю я к самому рыболовству, как какую рыбу, каким образом и какими притом средствами промышленяют, из коих первой обыкновенной и всем известной навод у всех почти остяков и самоедей в употреблении, от июня до сентября ходит непрерывно, как и кылыдан — сеть, сделанная наподобие мешка, шириною сажени в полторы, более и менее, длиною же в сажень, у которой нижнее основание жердь, к коей отверстие сети пришито, и для

тяжести на половине жерди привязан камень, чтоб жердь шла по дву; к камню привязана веревка и продета сквозь кольцо, у верхней половины отверстия имеющееся, коею (веревкою) он, едучи в лодке, всю сеть за собою тянет. Вверху у сети, на четверть от кольца, привязывается другая тоненькая веревочка, которую он в руке держит меж пальцев на слабке, чтоб все ему было чувствительно и так, когда рыба, взошед в кылыдан, торнется в сеть, то промышленник, помощью маленькой веревочки, почувствует, что в сеть вошла рыба, тотчас опускает из рук оную, а к жерди привязанную толстую веревку вытаскивает из воды с сетью, чего ради опущенная тоненькая веревочка не препятствует сети тяжестью воды опуститься кольцом по толстой веревке до самой жерди, чем сеть сверху рыбу прикрывает и не пускает вон выйти. И так сими двумя средствами промышленники осетров, нелем, калимов, муксунов и щокуров.

Летние бережники делаются обыкновенно запором; когда рыба вверх идет, от берегу сажени на три и более, у коего на стороне в глубину привязана морда, отверстием своим вниз реки стоящая, от оной морды вниз по реке делаются небольшие прясла, коих при конце стоит другая морда, и так, естли рыба, идучи вверх, в запор упрется, то по стене сходит на глубину реки и ежели не попадет в первую морду, то обошед, в другую неотменно попасть должна, в той надежде, что тут пройти можно. Промышляют летними бережниками в июле, августе и сентябре, а зимними, таким же образом сделанными, от октября чрез всю зиму даже до апреля месяца.

Когда же рыба зайдет в соры или протоки для своей пищи, то делают запоры, у коих хозяин сколько хочет делает воротец, куда проходить рыбе, но в самых воротах ставит или морду или ваган для осетров, сети так называемые, сделанные мешком таким же образом, как кылыдан, только с тою разностию, что с оным сидит на одном месте, которое он заранее изготовляет над воротцами, чтоб ему сидя ловить было ловчее, а прочее совсем на то похожее, ибо основание важана также на палке, к коей к середине привязан для тяжести камень, к той же палке к середине привязана другая, которую промышленник держит в руках, уперши нижним концом в землю, чтоб ваган не снесло водою, а

верхняя половина важана к сему колу привязана веревочкой, а нить, по которой взшедшую рыбу узнать бы можно, привязана к пупику важана; и так лишь только взойдет рыба, то нить зашевелится, и рыболов помощью шеста вытаскивает нить с рыбой. Сие происходит, когда рыба из соров назад возвращается, т.е. в августе, сентябре и октябре месяцах. В таких же запорах у воротец становят также пуши, такие же, как морды, у коих жерло очень широко, а там что дале, то уже, и длиною бывает иногда сажен около двух печатных. И так, зашедши рыба в воротцы, водою уже забивается в узкой рукав, которой концом привязан к воткнутому большому колу, коим после и вытаскивается. Оными по большей части в полую воду промышляют.

Вары называются запоры, которые городятся чрез всю реку, чтоб рыбе нигде проходу не было, кроме одного окна на запоре, к коему привязывается также морда или поманутый пуш.

Обской ез делается чрез всю реку стоячим лесом, какой делают на заливах и других реках. Оной хозяйни также насколько хочет, настолько разделяет присел. И так всякая рыба, не имея проходу, пойдет по оному искать места, где б пройти ей было можно; однако, пришед обратно к пряслу, видя, что вода туда протекает свободно, проходит и она в ворота, и напоследок в морду попадает, откуда рыбак уже вытаскивает чрез нарочно сделанное на боку окошечко. Оное бывает от октября до генваря месяца. Земляные, напротив того, запоры делают с самого начала весны таким же образом и стоят с полую водою, которою запирают в поле и выускают в октябре и ноябре месяцах.

Переметами промышляют одних только осетров в июле, в августе и сентябре месяцах, хотя, правда, и налимы и большие нельмы попадаются. Сие не дивно, что всякая рыба во всякие снасти за своим множеством попадает, хотя бы были и осетровые, но часто и малой муксун за то же ж удю хватает. Простая сия снасть перемет остякам столь много приносит прибыли, что можно почесть лучше всех промыслов прочих мог бы остяк обогатиться, если б оная рыба по настоящей цене там продавалась. В сорок копеек и менее пуд осетрины продается, уже от русских березовских

жителей, которые от остяков целыми осетрами или за долг, или за несколько листов табаку, или за несколько чарок вина получают. Из сего всяк заключить может, сколь велико в Оби рыбы множество и что тамошние народы в довольное время самым лучшим куском гнушаются, а в голодное время и костей не покидают.

Гладкое бревешко, к коему навязаны друг подле дружки на длинных веревочках удочки, коих и по 12 бывает, а каждую удочку наживляют для приманки из мелких рыбок маленькими кусочками, за которые осетр, схватя, на уду попадает, а промышленник переметы раза по четыре и по пяти осматривает, и для того инде осетров снимает, инде наживу иль новую накладывает, иль стару оправляет. Нередко случается, что на каждой уде по осетру вынимают, но редко, что пуст возвращается. Язвилье и стерляжки бывают переметы, только те с начала весны стоят вплоть до осени.

В реках около Березова, Сосве, Казенне, Сытве и по другим местам осенью, в сентябре месяце, ездят по одному и по два человека в небольших и легких лодках и зажигают бересту на длинных шестах, которые держат перед носом той лодки. Рыба тогда к берегам обыкновенно на мелких местах между каменчиком становится, то по светлости того огня колют острогами налимов, щокуров и пыжьянов.

Сосва река такая, в коей красной рыбы не бывает или, по крайней мере, редко заходит и в самую водополь, хотя она также в Обь впадает. Того ради по всей оной реке простыми средствами промышляют и легкими, как например, маленькими запорами, в коих также ставят морды; но поелику тут по большей части бывает белая рыба, то летом более сетями и добывают; но во время мертвой в реках воды, когда рыба у свежунов, с гор текущих прибавляется, как выше показано, то делают досчатые запоры два ряда против свежуна, меж коими насыпают земли и крепко утаптывают, а по сторонам привязывают морды, куда рыба попадает. Сие случается в марте, по большей части в то самое время, когда уже вода начнет освеживаться и рыба от берегов в реку отходить станет.

По рекам же, речкам и озерам ниже Обдорска и около моря, как в реках Войкарской, Щучьей и Хайе, по укреп-

лени льдов делают небольшие шалаши над пролубками, в кои опускают нарочно сделанные для приманы деревянные рыбки, маленькие на тоненьких пересочках с камешками и, как к оным маншкам подойдет рыба, то колют острогами щук и прочее. А у небольших запоров опускают на дно с камнем белые доски, и кои на те доски всплывут, тех колют острогами ж.

Самоедцы в летнее время в реках Тазу и Пуру также и в околлежащих при море озерах и других малых речках промышляют неводами; и у кого нет сетей конопляных, то делают из талового лыка, а веревки плетут из мелкого колотаго талу и таким образом ловят в сентябре и октябре. Они называются ячеицы, длиною сажень по 40, и становятся их на небольших речках и озерах, около моря в тундреных местах лежащих: в полую воду и по подледью ловят пыжьянов и кунжей, так, как ниже Мангазеи пуцальницами.

Прочие остяцкие рыбные промыслы самоедам, думаю, не неизвестны. Того ради они в случае нужды, или вместо забавы тем подобными ловить также рыбу не не стараются.

Глава XIX О звероловстве

Зверей около Березова и далее к Северному окиану по тундрам годом имеется очень довольно; но прежде, нежели и приступить к самым промыслам звериным, должен упомянуть остяцкое суеверное примечание, которого они иногда желают, иногда всеми силами избыть стараются. Ввечеру, когда остяк на промысел наряжается, то очень желает, чтоб ему чихнулось, почему он уже верно счастливому поутру промыслу быть надеется; естли же утром, против его чаяния, ему чихать захочется, то он не знает, как бы ему оного избегнуть, крепится всячески, суется во все стороны, но когда не удержится, горестно вздыхает, сказав: «Ах, зверь у меня пропал». Чихотку также свою разделяет на разные роды: естли чихнет тихонько, то мало о том тужит; естли же шибко, то, почитая, что зверь у его был хорошей, так досадует, что тот день из юрты вон не выходит.

Звери, какие там бывают, суть: медведи черные, которые, однако, все согласно говорят, что не тамошние природ-

ные, а заблудшие, почему их мало там и бывает; волки серые в великом множестве зимой и летом шатаются по тундрам и много губят оленей; лоси, росомахи, бобры по рекам только около Березова, выдры, соболи, белки и изредка бурундуки, лисицы, песцы везде по тундрам около моря и на самом океане, горностаи и изредка ласки и множество оленей.

Медведей ловят скрадом, стреляют из луков стрелами и из винтовок пулями. Когда же найдут его в берлоге, то вход оных закладывают лесом и засовывают на двух деревьях железные костыли, кои за верхние концы держат, чтобы его не выпустить на волю, а между тем сверху той же берлоги прорубывают большую дыру, чрез которую колют его копьями; также на тропах ставят настороженные луки, от коих проведут по тропе тонкую нитку, за которую задевает медведь передними ногами получает себе стрелу в самую грудь навстречу; когда же давит рогатого скота, то над надежом строят лабазы, с коих в его стреляют.

Впрочем, все сии средства не тамошних народов, а такие, кои в России употребляют, да и медведей ниже Березова, где русских нет, мало видають.

Волков отравляют заквашенною чилибухою в мясе или рыбе. Промышляют настороженными капканами, коих к нитке привязывают мяса или рыбы, так что лишь только волк дотянет за нитку, то захватывает его капканом либо за лоб, либо за нос. Ловят так же, как и медведей, становя луки на тропах со стрелами, потом ловят клещами, кои более ставят на тех местах, где волки бьют оленей.

Лосей промышляют зимою, гоняя по толстому снегу, а весною по насту собаками; и как он, утомясь, останавливаться станет, то человек близко к нему подходит и стрелит из лука. Весною же и осенью зарубают засеки и ставят настороженные луки.

Рысей промышляют луками над надежом.

Росомахи в тамошнем уезде бывают черные и с белыми боками, коих ловят так, как волков, одинаково. Бобры бывают карие и рыжие, от их же кошколки называемые, молодые, т.е. однолетки, живут в воде при небольших речках и озерах, в ворах, из речек проведенных в материк до самого гнезда, над которым вверх прорывает маленькую

норку для прохождения свежего воздуха. Промышленники ходят зимою искать оных с собаками, которые, найдя по духу его жилище, промышленник делает со всех сторон в воде запоры, чтоб ему никуда уйтить было невозможно. Притом устье норы загораживает кольем, а сверху разрубает помянутую норку топорами и пешнями и, разрубив, привязывает собаку за задние ноги и пускает в нору, которая, задавив бобра в норе, хозяин тащит ее за ноги, а она тащит бобра из норы; в противном же случае, если собака бобра в норе не застанет, то промышленник у запору делает пролубь, в которую бобр для воздуха принужден бывает выскочить, и он тут его хватает крюком. Еще ж их ловят в полую воду по рекам во время утренней и вечерней зори, плавая в лодках и, найдя его на берегу, стреляют из луков фальшивыми стрелами, к коим привязано слабо на долгой веревочке с зазуброю копейцо, которое, попав в его, с дерева спускается, и он с ним уходит в воду, а дерево плавает на веревочке; и так промышленник, приплыв к плавающей наверху стрелке от ее по веревочке находит и бобра, куда он скрылся.

Выдры большие и малые, шерстью карие и рыжие, находятя по малым речкам, где больше полых мест и ржавцов, где оне на берега выходят; тут на следах промышленники становят настороженные луки, когда же от воды далеко отойдет, то достигают собаками и на лыжах и бьют палками.

Соболей промышленляют по тонкому снегу собаками, на дереве стрельбою из луков, в норах и в дуплах обметывают сеть; также из дуплей выкуривают дымом.

Лисицы находятя седые, чернобурые, красные и бело-душки, коих промышленляют; сделав из снегу бугорок, приманивает, сперва разбросав в разные стороны рыбьих костей, и как лисенок повадится к тому месту, то он впредь закапывает кости в самой бугорок и примечает, как он есть их станет, стоя или лежа; таким образом на боку от того бугорка выкопает ямку и ставит самострельной лук, которой после опять заваливает снегом, чтоб не видно было.

Весною же, когда лисицы щенятся в норах, то промышленники те норы разрывают и берут малых щенят, коих кормят у себя дома, покудова хорошая шерсть выростет.

Сверх того ловят также кляццами, капканами, слобцами, луками на тропах и отравою.

Песцы бывают двоякие: одни голубые, другие летом бурые, а зимой белые; водятся в тундревых и поморских местах, около ручьев на небольших бугриках, в норах, множество отнорков имеющих, кои, нашед, промышленник слушает перво, есть ли в ей зверь или нету; когда же не приметит, то деревом или рукою тотчас поскребет над норою, сие песец, услышавши, думая, что другой зверь лезет в его нору, тотчас подаст голос, что промышленной, услыша, ставит тут черкан³⁹, в которой песец при выходе из норы попадает. Летом же мужики и бабы копают норы из оленьих рогов нарочно сделанными лопатками и, докопавшись до зверя, берут за хвост и бьют головою о землю, напоследок промышляют так же, как волков или лисиц.

Белок осенью по тонкому снегу следят собаками, и когда собака найдет на дерево, то стреляют тупыми стрелами или тамарами и из винтовок пулями; также промышляют плашками с каживою мясною или рыбьею.

Бурундуки серые с черно-желтыми полосками бывают длиною не более трех вершков; промышляют так, как и белку.

Оленей промышляют разными образами: 1) Гоняют по толстому снегу в лесах на лыжах и стреляют из луков и винтовок. 2) В тундряных местах увидя самоедцы довольно диких оленей, выбирают на высоких горах плоские холмики, на которых станоят своих езжалых оленей на ветреную сторону, а от оных оленей начинает ставить к шестам нарочно привязанные на долгиных веревочках гусиные крылья, по-ихнему лапки⁴⁰ называемые, кои на ветреной стороне расстанавливают друг от дружки сажени по четыре и по пяти, а далее и по десяти и до тех пор устанавливает, покудова увидит, что олени по ветру дух человеческой обонять могут; потом с другую сторону против ветреную сторону ставит такие же лапки от сней, уступя сажен на пятьдесят, до тех пор, пока уже против самых оленей поровняется, ибо тогда он не боится, что ветер нанесет человечесей дух ка оленей, а олени, собирая мох, того и не видят, да и правда, что олени менее глазами видят, нежели как духом обоняют. И так постановя лапки с одну

сторону, ложатся несколько человек в снежные шанцы не в очень дальнем расстоянии от санков, а по другую сторону скрываются стрельцы с луками и винтовками, кои и называются у них особливим именем — варданы. Между тем, несколько человек заезжают в даль, чтоб оттуда погнать оленей к санкам прямо между расставленных лапок. И так олени бегут тою проталиною, видя с обеих сторон страх от лапок, ветром веющих наносимой. Бегут прямо на санки к возжаемым оленям, а скрывшиеся в шанцах люди встают и чем попало машут, кричат и всячески пугают, чтоб с своей стороны отогнать на другую к варданам, которые приблизившихся оленей сколько можно стреляют и побивают. 3) Еще ж бывает, что оне, приметя стадо оленей, выбирают какую-нибудь горную сопку, которую обставивают кругом своим обозом и на шестах вывешивают платье и все, чем бы олень мог пугаться. А между тем, сделав пространной проход на гору, с обеих сторон опять расставивают лапки и несколько человек сзади загонивают оленей в оной проход на гору и, когда вбегут оне, то оной проход задерживают еще санми, чтоб назад нигде не могли выбежать. И так олени, видя себе отовсюду страх от развешенного платья и веющего крылья, бегут вокруг холма той сопки, а стрельцы между тем в их стреляют, так что редко случается, чтоб хотя один из них выбежал, но всех побивают, сколько б захвачено ни было. 4) Летом, когда бывает сильной комар и пауты, то олени выбирают прохладные ключи, где б им ложиться было можно, и тут стрельцы стреляют скрадом из луков и ружей. 5) В сентябре и октябре месяцах промышленник, увидя стада диких оленей, берет с собою из своих нарочно к тому обученных оленей пяток, при коих находятся также и телата двухгодовые и годовые; из тех пяти оленей одного пускает наперед на долгой веревке сажень в 20, а конец привязывает за пояс, других ведет он по сторонам также на веревке, по два оленя на стороне, за пояс же привязанные, которые один за другим идут порядочно; и правда, оне столь привычны, что ежели мало разрознившись, не так пойдут, то не допуская до того, чтоб он еще веревкой поправил, но только лишь взглянет, то олень, догадавшись, что не так идет, как хозяину надобно, сам поправляется, а промыш-

ленник идет, наклоняясь между ими даже до самого табуна диких оленей и, приблизившись к оным, стреляет из луков и ружей. Осенью, когда олени гонятся, то промышленники по одному и по два человека ездят на оной промысел диких оленей, выбрав с собою крепкого и сильного кормового хара⁶⁶ или некладенного оленя и, наехав табуна, оставляет санки, а хару, навязав петлю на рога, укрепя подле самого рогов корня и расправи по рогам, где надо привязав худенькими ниточками, чтоб после порвались, а петля б прежде времени не спустилась. И так подводит своего оленя к табуну, и он, увидав стадо, побежит к оному, а оттуда выбегает такой же хар, и они, сразившись, начнут бостися и до тех пор бодутся, пока один другога не осилит; однако дикой олень во время борьбы срывает петлю с кормового на свои рога, и когда побежден вздумает бежать, то кормовой хар тотчас свои рога утыкает в землю и его сдерживает и не пускает, а между тем промышленник, набежав, убивает дикого.

В стадах, по тамошним тундрам, диких оленей бывает от десяти до двухсот, но прежде сего незадолго видали такой табуна, в коем более трехсот положить надо.

Олень — зверь столь пужливой, что в тундре или в лесу от треску малого под его же ногою изломавшегося дерева и от веющего лесу пужается, чего ради в таком случае бежит по лесу прочь сильною рысью, задние ноги закидывая за передние так, что иногда по мере примечено по аршину меж копытами расстояния; рыщет, подняв короткой свой хвост кверху, заламя голову, положа прекрасные большие свои рога на спину, спереди представляет вид неприменного иноходца, а сзади на его смотреть — так, как разбитую клячу, которая, отбив у себя ноги, бежит раскорякой. И так испужавшись, бежит далеко и долго по тундре бегаёт, но столь опять любопытен, что не преминет после, чтоб ему не прибежать к тому ж месту и не посмотреть, чего он испужался. Иногда таким образом раза по два и по три прочь убегает и опять на то же место прибегает для свидетельства, а между тем, покудова он по тундре от страху бегаёт, промышленник перебирается на то место, куда оленю прибежать должно, где он его прибежавшего застреливает из лука или из винтовки.

Самоедцы, когда промысляют дикого оленя, то перво всего отрежут ему уши и на том месте, где сняли с его кожу, кидают в знак благодарности тому зверю и для счастливейшего впрядь промысла. Голову и ноги с мозгом едят сырые. Глаза закапывают в землю в такое укромное место, где б ни бабы, ни взрослые девки не шатались. Иначе, если баба перейдет, то у их за грех и великое несчастье в промыслах почитается⁴².

Средствами, какими зверей ловят, суть разные, из коих первые, слобцы, делаются следующим образом: с двух сторон делают огородец улочкою ширины меньше полуаршина, а поперег улочки вершка на три вышиною от земли делается поперечинка, которая ниже в колье с обеих сторон устанавливается; сверху накладывают плоское бревно, задним концем на коле утвержденное, передним же настораживается, будучи поднято кверху, лежит на спине, в развилку первого кола ущемленной, которая одним концом поддерживает бревно под поперечину, а бревно утвержденную; к другому же концу спины привязана насторожка, верхним кончиком в кол упертая, а нижним за первую меж колев невысоко от земли на лже установленную поперечинку, чтоб бревно прежде времени не спустилось, за которой кладется прутье и другая примана, а как зверь или птица взошед заденет за поперечинку и из места ее вышибет, то насторожка соскакивает, а бревно, опустившись, придавливает добычу. Оным ловят зайцов, лисиц и тетерь.

Куронсес⁴³ делается на столбиках, в землю врытых, вышиною от земли на пол-аршина, чтоб во время погоды его не занесло снегом. На столбиках стелют доски длиною в сажень ручную, а шириною в пол-аршина, по бокам также огораживают дощечками шириной в четверть. Сверху делается такой же гнет бревенной, у коего исподняя сторона обтесана в пласт; задней конец оного утвержден на столбике. На половине пола кладется нажива из сухих рыбных костей или мяса, а на наживу кладутся две круглые палочки или скалки длиною вершка по два, а толщиною в палец. На оные палочки кладут небольшую дощечку, с нижней стороны опуистую, на которую ставят сторожек не толстой, длиною в пол-аршина и менее; на оном сторожке устанавливается гнет, и как зверь войдет в куронсес и, нашед

наживу, станет доставать, тогда палочки из-под опупистой дощечки покатятся, сторожек выпадет, а гнетом придавит. Попадается в куронсес всякой пушной зверь, как: волки, лисицы, росомахи и песцы.

Плашки или пасть, известное средство, коим в России мышей промышляют, но та только разность, что здесь на белок и соболей становятся таковые. Внизу кладется доска, а сверху другая, кои обе содержатся на одном коле; над оными сделаны рели, покою подобные, коих к верхней перекладине привязывается сторожек, которой верхним своим концом поддерживает верхнюю доску, а нижним задевается за зарубку тоненькой дощечки, такую же длиною, как и самые доски, привязанною к тому ж колу, на котором поманутые доски утверждены; под тоненькую дощечку кладется нажива, которую, когда зверь трескать будет и чуть лишь пошевелит дощечку, то она упадет, сторожек выскакивает, а верхняя доска зверя придавит.

Засака делается, как городьба из кольев, а между ими оставляется проход, в коем становятся либо луки, либо утверждает сверху кольев петлю и оную расширяет, а как зверь в оной проход пойдет, то либо в петлю попадает, либо, задев за спинку, натянутой лук спускает и стрелу прямо себе в грудь получает. В таковые засаки заходят олени, лоси и медведи.

Морские звери, кои самоедцам только известны, суть белые медведи кои жительство оне неправильно в воде полагают, но он только себе там пищу добывает и по воде плавает и ныряет, а часто его и по берегам промышляют. Около Мангазеи и Туруханского монастыря, что на Енисее, такое их множество, что в ином месте столько не сыщется черных, сколько там по рекам и по тундрам, от моря отдаленным, их промышляют; там оне очень смиряны и с коровами так, как дворовый скот, вместе ходит. Причину тому мне сказывали, будто бы им есть запрещение от святых мощей Василия Мангазейского, чтоб скот не губили. Самоедцы их промышляют, нарочно разезжая по берегам Северного океана, но когда и невзначай близко наехать случится, то кидается он на человека, естли же далеко, то убегает; напротив того, когда увидит в лодке плывущего, то и издалека за человеком гонится, желая как бы лодку опрокинуть. На сухом пути по его непо-

воротливости легко промышляют иногда скрадом из ружей и из луков стрелами.

Моржи хотя не более трех сажен ручных бывают, однако по сказкам промышленников из всех морских зверей суть величайшие. В верхней челюсти имеет два зуба, четверти в три, посредством которых он выпалзывает на берег или на лед, где спящего его или отдыхающего колют носками, имеющими на конце немалые зазубрины. Ног он не имеет, а только одне лапы; и на берег же выпалзывает, закинув назад шею, и, утвердя в лед или в берег большие свои зубы, так вытаскивается. Когда его найдут таким образом спящего, то промышленники подкрадываются с носками, на долгих ремнях привязанными, коих другой конец привязывает к пню или колу, в землю утвержденному⁴⁴; и когда носок в моржа воткнут, то он, испугавшись, совсем пустится в море и, дошедши до глубины какого места обессиливает, откуда его опять на берег вытаскивают и добивают.

Зайцы морские, нерпы или тюлени разных родов находятся, из которых большие самые не более двух аршин бывают. Шерсть малая, пестрая и серая, стреляют у приглубых и гористых мест около моря, морских губ и рек, подкравшись, из луков стрелами, а иных и так находят, погодою из моря выкинутых. Зимною же, когда реки льдом покроются, то оные звери проделывают пролубки, из коих на вольной воздух выходят, а промышленники подле оной пролубки кладут небольшую доску, а с другой стороны сами в сне[г] неподалеку от оной зарываются; и когда тюлень выйдет из пролуби, то оне доскою на долгом ремне задерживают пролубь и тут его бьют палкой или ножом колют.

Белуга⁴⁵ зверь или рыба, у самоедцов в немалом сомнении, однако оне более за зверя считают, нежели за рыбу, доказывая зверёвым подобные ее части: голова продолговатая, глаза малые, круглые выпуклые, ушей нету, а только одне дырки, шеи нету же, туловище поперег толще, к голове пократее и к хвосту гораздо тонее, кожа толщиной человека подобна, беловатая, слизкая, перьев нигде нету, на груди имеются две лапы, жиром наполненные, в коих имеются пять косточек, извне означены пятью будто ноготками, к груди тоньше — в человечесю руку, а наружу шире —

лопаткой наподобие ладони; под брюхом имеется детородный уд, от которого не в отдаленности имеются две титьки, как коровье вымя, молоко белое, детородный уд длиною вершков более десяти, а толщиною в руку пониже локтя, собою вострой, как у быка, мясной, без кости; хвост хрящевой, плашмя, не как у рыб, но как у рака, которой она, подгибая под себя, воду назад попирает и так плавает. На затылке имеется дыра, в которую набравшую в себя воду она выбрасывает вверх сажени на три, зубы равные, клыков нету, мясо черное, как уголь. Дети ее рождаются кожею чернее против матки, рот невелик кажется, но когда зевнет, то обширностью своею удивляет самоседев. Жир ее очень чист и прозрачен, как масло. Оную, когда увидят зашедшую в залив, по большей части в июле месяце, то самоедцы, собравшись от 50 до 100 человек, выезжают на устье того залива и гонят оную до самого тупика на мелкие места, где колют ее копыями.

Киты в промысле у самоедцев никогда не бывают, но только сильною погодою на берегах выкинутых из моря, мертвых находят.

Глава XX О птицеловстве

Птицеловство начинает быть в начале самой вешней оттепели, когда снег растаивать начинает по водопольным местам, где к скорейшему растаиванию снега сыплют также и золу; и лишь только вода на таких озерах окажется, то и птица прилетает всякая. Подле такого озера делают нарочно снежной шанец или станок, у которого на все стороны имеются окошечки, из коих стрельцы стреляют из винтовок пулями, с которую бы сторону птица не прилетела. К большому приману птицы имеют оные промышленники запасенные уже чучелы, кои ставят на воды и к коим птица больше склоняется. Удивительно, что птица, гуси или лебеди, лишь только сядут подле таких манциков, то тотчас начинают с ними драться. И если ей однажды спастись от сего обману случилось, то впредь разве в другие средства попадет, а к сим манцикам никогда уже близко не подойдет. Наиболее стреляют

на таких местах крупную птицу — гусей и лебедей, а прочих разве по нужде.

И так покудова оттепели бывают, охотники промышляют только сим вышеписанным образом, но когда воды уже гораздо больше распольется, то и птица, покудова не улетит на гнезда, водится на одном месте до самой глубокой весны, пользуясь озерною водою, перелетая с одного озера на другое. В таком случае охотники от одного до другого озера вырубают лес пространно перспективою, коею бы утки и проч[ие] с озер[а] на озеро способнее перелетали; таким образом, налету в сумерках разстонавливают сеть, которую распяленную на высоких шестах за тетивы хозяин держит на слабке, и лишь только птица, одна или много, в сеть торнется, то сеть опускается, и она запутывается. Таковые сети называются перевесы, и вместо того, чтоб говорить — промышлять перевесами, говорят: сидеть перевесом.

Другое средство, во всем сему подобное, называется кыскан — такая же сеть, но с тою только разностию, что оною и в ясные дни промышлять можно, как и ниже сего явствует, ибо вся сеть лежит на земли на кольцах раздернутой, и когда птица полетит, то он, со стороны вида, что уже близко находится, того ради вздергивает кыскан; и птица, не успев так скоро вверх подняться, вся в его попадает. Между тем, лишь только еще торнется, то кыскан весь по кольца сбегает в кучу; того ради и во время множества попавшихся птиц не могут так скоро кыскан прорвать и вон вылететь, но когда же случится, что все пролетят поверх кыскана, то в запас неподалеку становятся чучелы, и в таком случае остяки столь искусны в бересту кликать по-гусиному, что никоим образом распознать нельзя. Того ради лишь только пролетят, то он и начнет в бересту кликать, а гуси, услышавши гусиной голос, опускаются ниже к манщикам, как к товарищам, и, плавая издалека, опять в кыскан попадают.

Около Самаровского яму наиболее промышляют понжами, сетями так называемыми, которые длиною бывают сажень в 20, а шириною в две. Оную расстилают на песку, где гуси более садятся, а человек скрывается в стороне в нарочно сделанном к тому огорожде, держа в руках веревки, на которые сеть с обеих сторон надета, а после не в отдаленнос-

ти укреплена в кол, и как гуси на сеть садут или найдут, то промышленник дернет за веревку, и сеть вся в мешок собирается, а гуси в ей запутываются.

Впрочем, можно сказать, что птицы во все лето бывает здесь такое множество, что большая часть Березовского уезда запасом оных довольствуется чрез год целой. Прав[да], что хотя из крупных птиц, гусей и лебедей не столь много засолить случится, потому, что в одно только начало весны и промышляют, однако уток столько много на каждого достается, что и на другой год вон выкинуть останется.

Разных родов хотя и немного, однако стада бывают великие, как доказывает удивительное множество прилетающих и отлетающих гусей и лебедей и ужасная по водам чернь уток и разных прочих птиц. Из всех родов бывают, исключая гусей и лебедей, казарки, чагвои, турпаны, сынги, чернеди, соксуны, полухи, гоголи, свищи, савки, чирки двух родов, селезни, крохали, лутки и прочие, в пищу употребляемые птицы.

Прочие: сукалены, турухтаны, стерки⁴⁶, журавли, а ггары разве невзначай поладутся, а нарочного старания к промыслам таких птиц никто не предлагает.

Глава XXI

О состоянии всей тамошней страны, погоде, травах, северных сияниях и светлости

Что касается до состояния всей тамошней страны, то думаю, каждому небезызвестны беспокойного севера перемены. Правда, хотя и в самом деле город Березов можно положить в северном градусе, как самое место доказывает, однако погоды по своему непостоянству так часто переменяются, что иногда не в свое время случается великая стужа, иногда среди глубокой зимы мосты от оттепели до земли оголяются. Прошлого 1771 года лето столь было жарко в городе и жителям несносно, что не только самые старики не помнят такого рода, но и молодым было для памяти, затем, что оне последних своих огородных овощей, коих и без того родится там мало, принуждены были лишиться. Наивышние же жары были под осень в августе и сентябре месяцах, а после вдруг север столь проворно поворотился с

своею стужою, что в середине октября и реки становиться начали. Меня в сие лето в Березове не случилось, а был в дороге к Северному океану и для того не мог жаловаться на сии несносные, как мне сказывали, жары, а находился в числе почти тех знобких людей, кои и зимою из шубы не выходят. Хотя у меня было и лето, однако я не скидывал ее, кроме пяти дней, в которые от северного жару пот в себе почувствовал.

Травы коти и родятся около Березова, и лесов всяких довольно, то тонкость их и малость доказывают особливость тамошнего климата. Триста верст считается от Березова вниз по реке Оби до Обдорского городка, где уже лес ни к какому строению не годится, а при впадении реки в Обскую губу уже и никакого нет, кроме талу. Самое последнее дерево к северу растет лиственница, которая около двухсот [верст] в северо-западную сторону на реке Щучьей кончится, откуда начинаются уже чистые тундры и на мокрых местах ничего не видно, кроме моху и разного рода тальника вышиною менее аршина. Травы, напротив того, ниже Обдорска около реки и на мокрых только местах имеются, а на тундрах ничего, кроме сухих холмиков, на которых мелкие всякие особливые растут травки, да и те недолго, ибо естли слишком непостоянной год выдастся, то не цветут более трех ден, так, как мне сказывали тамошние жители. Один, дескать, день вырастает, другой цветет, а в третьей пропадает. Да и правда, что естли северной ветер потянет, то уже редкие травы в целости останутся, во-первых, что холоден, во-вторых, что и перестает нескоро. В июле месяце я имел от северного ветра такие морозы, что не только поля все заиндевели, но и у меня в чуму вода в лотке замерзала, что очень служит доказательством холода северного ветра.

Что ж касается до животных, то во всей тундре, кроме оленей, лисиц и песцов, зимою не найдется, а прочие, кои любят потеплее, те сюда, ближе к Березову, и водятся. Из домашних же одни коровы, кои в Обдорске живут до пяти лет немногие, а лошади ниже Березова отнюдь быть не могут. Были охотники, что на [с]удах в Обдорск лошадей завозить пробовали, но и году не пользовались своим вымыслом. Свиной и овец березовские богатые некоторые содер-

жат по малому числу, да и то не надолго, ибо оне там плодятся худо; корму для их мало, потому что и хозяева довольствуются привозным запасом с купли; при том же должно их всегда содержать взаперте, иначе через час и костей на найдешь, как собаки растащут с своею игрою. Здесь, кажется, не пристойно упомянуть и об обычае тамошних собак, коих там премножество, потому что зимою оне вместе лошадей служат и в дальние дороги и в лес по дрова. Оне когда голодные во время недостатку рыбы (как и остяки от сего более голод претерпевают), то так смирины, что не подумает и залаить, а когда сыты, то то и дело, что играют. Того ради и со скотом перво играют, а потом всего растерзают, коли отбить никого не прилучится. Каждой день небывалым там людям наведут чрезвычайную скуку своим воем, которой по всему городу раздается таким образом: сойдутся собаки три или более, перво подерутся, потом начнут выть, что услыша прочие собаки то ж подымут; и так во всем городе сделается такой вой, что из конца в конец переходит, будто караульные перекликаются, стоя на караулах, крича: «С богом! Ночь начинаем». В кошках я особливости не приметил, но бывают всякие, как белые с черными и рыжими пятнами, серые, черные и совсем белые, кои водятся также и в Обдорске.

Петухов и куриц для яиц содержат, некоторые только с великою от собак осторожностью.

Тараканов и сверчков во всем Березовском уезде нету, а начинаются оные от Самарского яму, что больше 400 верст выше от Березова. Клопов у русских довольно, блох мало, а у остяков много, также и вшей. У самоедцов, напротив того, блох нету, а вшей со излишеством.

Вся сия сторона, хотя болотами превзобильна и на болотах устроена, однако лягушек нигде не видно, как и змей, а редко видеть случается одних ящериц, которые только одному Березову известны.

Впрочем, сколь скудная сия страна во всю зиму, так что описать нельзя, столь, напротив того, весело в ей жить, начиная от весны до самой осени, так что изобразить невозможно, по той причине, что зимою там почти свету нету, а бывают они около Николы не более трех или четырех часов, в кои при свете писать можно. Летом же, напротив того, и днем и

ночью такая светлость, что не только читать и писать можно, но между ранним вечером и ночью почти различия нету, и без привычки на первый случай уснуть нельзя. Самое солнце в Обдорске не более часу на глаз скрывается, и то за одну высокую сонку закатается, из-за которой видеть его нельзя, иначе во всю ночь катится по горизонту, как превеликая кадка, на которую прямыми глазами смотреть можно; и светлость его немало не препятствует себя видеть; наконец, и места хотя в самом деле негодные, но при таком ночном сиянии кажутся весьма приятными.

Кто желает сими приятностями наслаждаться, то лучше сам туда съездит, тогда увидит и мне поверит, сколь прелестное летнее тамошней страны состояние.

Северные сияния там не в большом почтении и не за великую особливость считают, потому что там и зимой и летом часто случаются, а особливо под осень. Простые северные сияния очень неувидительны, но которые с немалым треском и большим шумом зимою случаются, те часто приводят зрителей в удивление, ужас и предугадание. Тотчас после таких пойдут у их переговоры, перенятые от русских невидальцов, и всяк предбудущее по своему разуму заключает, но таковым заключениям здесь места нету, а для курьезности приложу одне мнения тамошних господ физиков, отчего оне происходят. Иные говорят, что солнце в море купается, и оттого свет оказывается и скрывается, а треск значит, когда оно о воду ударяется. Иные сказывают, что море горит в то время, и от его волнования происходит сей стук и движение колоннов.

Так наши остяки свою физику толкуют.

Об оленях

Богатство северных жителей, как остяков и самоедцов, не называется богатством иметь разные достатки, но у них тот и богат бывает, кто сегодня сыт, а завтра голоден не будет. Правда, есть из них такие, которые имеют и амбары, разными зверьми наполненные, но оными только от ясака и от неуравня оплачиваются, а о запасах на содержание всей своей экономии редкие помышляют. Летом, когда рыбы довольно, ловит ее с небрежением, а берет из великой кучи однажды вытянутой ту, которая выше всех скачет, и запасает столько, чтобы ему только до весны за неделю стало, не думая о будущей ловле следующего году, каково де удастся. Пршедшей 1770 год столь им был скучен, что каждой, живучи вдали от городков, сколько ни терпел голод, сидя дома, однако, взяв с собою сколько-нибудь зверевых кож, принужден подвигнуться из своего жилища со всей своей фамилией, и покудова находятся в нем силы идти пешком, по тех пор и следует, а выбившись из сил совсем, на дороге пропадает. Многие есть такие, кои, будучи не в силах терпеть такой голод, все с себя чувства сравнивают, и оставляет то себе повятие, что ему в глаза мерещится, то почитает, на языке сладостию; многие, узревши перед собою какую-нибудь падину принуждены охотно такую кушать; многие, от богатства своего отставши, принуждены с великою нуждою ходить по миру; а напротив того, сей только запас у них за худой почесть невозможно, что кто имел на себе платье из рыбьих или оленьих кож, те ныне ему в варених бурлука ригодялись⁴⁷. Щастлив из них тот, коего бог благословил стадами оленей; такой уже почти никогда ни о чем и не думает, хотя ходит также и за заероловством; однако сей труд принимает на себя от безделья, либо от великой скуки; олений же кто стада содержит, тот у них и богатым называется, ибо никогда голоден не бывает. Но и действительно содержание такого скота можно

смело назвать прочным, ежели пастух попадется доброй совести. Понеже стада сих оленей требуют всегда при себе человеку быть с фамилией (по-ихнему чум называемой) в кибитке, к которой он привыкши каждой день принуждает пастуха перебираться с места на место, потому что через сутки скот, выбив весь мох для корму из-под снегу, выбивает и место; следовательно, требует, чтоб кибитка подвинулась далее, где б он свежева мог найти себе моху или корму, а иначе он рад голодом стоять на одном месте, а от кибитки прочь не пойдет. Сей зверь не такой, как лошадь, коих стада пасут табуиные жеребцы, но в оных хар стадо своих самок пасти не может, а завсегда бывает пастух, надзирая, чтоб которой олень куда-нибудь не утратился. Пасутся же на всяких местах, где б ни пригодилось, а нарочных к тому мест не выбирают. В стадо пуцают некладешных самцов или харов не по выбору и не помногу, а столько, чтоб только самок не оставить бездетными, а ярость харову удовольствовать, коему в то время бывает не без трудности. Ибо обыкновенно числясь между 25 самками один, то только за собою знает, чтоб успеть с одной вскочить на другую, по порядку обошедши каждую по два и по три раза, от чего в такую приходит немощь и бессилие, что и на ногах стоять не может; понеже ему в то время и наестся недостает времени; чего для пастухи оттаскивают его в другое место от стада, где б он, не видя самок, в спокойствии отдохнуть и несколько поправиться мог. Сходятся как рогатой скот, обыкновенно в сентябре до половины октября и далее, охоту же харову можно предвидеть таким образом: перво начинает царапать землю или снег, потом станет мочиться на задние себе ноги, а напоследок, как придет в ярость, то начинает искать самок к тому же охочих; напротив того, ежели самка не захочет, то хар как бы ни старался, но никоим образом склонить ее не может, а имеет такую охотку до тех пор, покуда своих рогов не лишится, что бывает в год по однажды, как то у хара спадывают в октябре и ноябре месяцах, у молодых же и декабря в первых числах, у кастратов в марте и апреле, а у самок в мае тержуются; и как скоро спадут, то тотчас новые рости начинают, растут же до осени они мохнатые в коже с маленькою шерсткою⁴⁸, которая разве у некоторых кастратов в целости засыхает, а прочие все, с дерева очищая, делают голыми. Самка, когда почувствует у себя от самца что-нибудь в брюхе, то уже ни под каким видом

хара скакать на себя не пускает, однако, и в то время его от табуна никогда не отделяют.

Носит самка в брюхе теленка семь месяцев, и каждой год приносит по одному, а двойни редко случаются. Время в последних числах апреля и первых мая; когда наступает теляться, тогда пастухи или сами хозяева выбирают для спокойствия самки места либо лесистые, а где нет лесу, то чистые ручьи, и около ручьев на горах талые места, чтоб от погод было безопасно; но иногда бывають, правда, и великие ненастья, как то ветры со снегами и морозы, то хозяева рожденного в то время одевают разными своими одеждами, только чтоб были не ветхие и дымом не закоптелые, коего бедняка, одетого в человеческое платье, теленка матка оставляет без всякого призора и жалости, так, что и совсем его позабывает, которую после пастухи, хотя и с немалою трудностью, однако с принуждением кормить теленка приучают таким образом: перво таких на снегу привязывают и не дают ей ни пить, ни есть сутки трои или четверы, а потом сваливают ее с ног и припускают теленка сосать титыки; матка же, проголодавшись, когда начнет его лизать и питать без принуждения, тогда ее спускают с привязки, в прогизном же случае по тех пор не освобождается, покуда сама кормить его не будет. Родятся телята четверти в три вышиною и более, а после, роста и питаясь молоком, бывають и больше; и когда уже бывает месяцев двух и менее, то сам начинает есть мох и мягкую траву, однако и матку сосет до тех пор, пока она не понесет другога, и тогда уже его редко к себе подпускает; бывають же и такие, кои матку сосут года по два, хотя и сами детей носят, но матку не покидают, и их никто не отъимают, а отстають либо сами, либо матка припускать его не станет. Напротив того, удаются из них такие наглые, что, пососав мать свою и увидя в близости другого также сосущего, то, оставя мать свою, забегает сзади, и сосет иную с другим тут же; таковые бывають ростом больше обыкновенных; а иные и самки есть такие, кои из охоты воспитывають оставшихся после матери телят по два и по три, не только такие бывають уже ростом менее прочих. Сие смеху достойное в сем животном: при рождении в благополучную погоду, лишь только родившись, мало-мало обсохнет, то тотчас и начнет скакать и бегать, а сам хоркает; увидя такого, матка сама также бегает за ним и хоркает; колми паче естли таких в стаде прилучится много, то

смотреть на такое позорище не неприятно. Бывают опять из самок такие (кои обыкновенно чрез два года должны принести сами телят), а оные, например, весною родившиеся сами, да к другой весне уже и теленка принесет; таковая называется у них блядью (неуды), а самец также, хотя прежде времени и скачет, но ничего сделать не может.

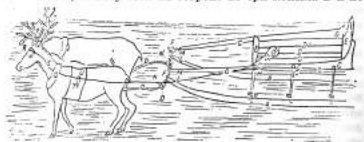
При первом случае их возраста хозяева ничего еще приметить не могут, и куда его способным употребить не узнавают, месяцев же шести когда будет, то неизменно оленей его впрягает под легкие везы, перво приучив, чтоб не дичился, таким образом: надевает на него с петлею веревку, и за оную дергает, а олень, боясь того, бегаёт вокруг, но когда усмирится и не будет веревки болтаться, то водит его на оной, куда хочет, и напоследок без трудности впрягать может; а нередко также случается, что, не умея олень приваливать в веревке, тою же и задавливает. В езде олень служить может с перемешкою во всю зиму и лето, только б с отдыхом был довольной корм; в день можно на нем ехать часов 12 и более, а когда уставать станет, то должно выпречь и покормить мохом, а после до станова вести уже простого. В противном же случае, еслили хозяин отдохнуть ему дать не похочет, то после с жалостною смертью на дороге упавшаго оленя олакивать будет. Никакого знака видеть не можно пред случаем падения такого усталого оленя, но везет так, как и свежей, и ниже захыхается; а как придет время, то в один миг упадет и не дышит. Сильные из них бывают кастраты, и они в возке долее служить могут. Живут олени по примечанию 21 год, более или менее, еслили только на нем кроме неизбежных никаких других немощей не было, от которых часто случающихся приходит в слабость, и так как старик или пропадшей олень бывает жертвою хозяину в пищу. Болезни на них бывают: 1) колется копыто, 2) кашель, 3) из рта течет слюна, 4) весною на каждом олене бывают свищи, 5) в горле черви; конх оной народ никак лечить не умеет, кроме последней, что черви из горла рукой вынимают. Что ж до свищей касается, то сия болезнь такая, коей некоторой олень избежать в жизни своей не может, и каждой весны, еслили на одном появится, то уже и все стадо тем же заражается. Она состоит из червей по за коже у зверя живущих, кои иногда так усиливаются, что оленя совсем задавливают, а иначе без всякого также лекарства в свое время из-за кожи выпадают, и

олень очищается. Кроме сих двух болезней, прочие усилившиеся можно назвать неисцелимыми; копыта хотя и спадывают, но очень редко, и притом разве по какой болезни. Олени рогами одарены бывают великими и немалым числом отростков; но сне разно случается и разное число на таковых бывает, а есть некоторые, кои и совсем отростков не имеют.

Бывают олени разных шерстей, как: белые, пегие, чубарые, черные, бурые; которых держать самоедцу не убыточно, ибо, просто сказать, он его поит и кормит, обувает и одевает. Понеже мясом оного довольствуется столько, сколько самому ему хочется, и никогда голоден быть не может. Шерсть особливо никому не употребляют, но естьли которую оленину и очистят для юфты, то шерсть с нее кидают за негодностью; а выделанные сих зверей кожи употребляют на платье и обувь, и на все содержание целого дома. Возят парой и по три вдруг; бегут рысью, таща за собою тяжесть очень согласно, а каждая пара легко тяжесть пятнадцати пудов на себя примет; легкими ж санями действительно в сутки не кормя можно до ста верст пробежать, только б ему давали через 20 верст немалое число выдыхать, поесть снегу и высцаться; однако он когда и бежит, то и на бегу снег глотает, а притом и во всю зиму пьют не воду, но снегу вместо питья едят довольно; летом же пьют воду всякую, речную и из морских заливов.

Продаются олени рубли по два, по три, а смотря по доброте и до десяти рублей доходят.

Санки, на которых ездят самоедцы, впрягая по два, по три и по четыре оленя, делаются из всякого, кроме тальника, дерева, коих полозья А бывают длиною аршина в три с половиною, имея у себя на стороне по три копыла В и по

четыре, вышиною от полоза А до дир С, в кои вкладываются поперечины или вязь, вершков одиннадцать. На вязь настилаются тесаные тоненькие досочки D, пришитые ремняки к козырям E.E, наперед и назад имеющимся; по сторонам же от самых полозовых головок F даже до заднего козыря пришивается с закрайками досочка G из дерева с корнем, наподобие крыка сделанная, где она тонким концом H адалбливается в передней конец полоза, а корнем I касается до заднего козыря E, от переднего же козыря E до самых головок F оставляется пустое место. Головки же F соединяются вместо вяза поперечивою K, чтоб полозы не разбегались. На полозьях A под сим вязем K провертываются дири L, в кои вдевается ремень M и завязывается за блок или досочку боковую G, на которой имеются лонтали N, коих чрез дири O продет один большой ремень P, за которой тянут олени, будучи запряжены по два в ряд в ляжках Q чрез шею, имея ремень у себя промеж всех ног. Вместо узды, имеют олени на голове кости R, нарочно к тому сделанные, кои надеваются на лоб, и, подтянув под челюсти на затылке, концы завязываются. У левого оленя имеется одна вожжа S на левой стороне, и привязывается вверху за узду K почти подле самого уха и, чтоб не спадывала, накладывается на кость T, пришитую к широкой коженой подпруге U, а другой конец держит в руке. Припряжной олень к левому привязывается накрепко, чтоб был поводлив, куда левой поворотит, туда бы и он следовал. Ездок сидит в санках, скорча ноги калачиком, или одну ногу под себя, а другую свеся; в одной руке держит вожжу, а в левой тоненькой шестик⁴⁹ длиною сажени две и более, коим олень понужает, и ежели ему надобно ехать влево, то немного подержит вожжу, а потом потрясает ею, естли ж вправо, то должен ударить вожжею наотмашь оленя по боку; буде же остановить, то потянет вожжу, и он остановится, а припряжной безо всего уже слушает левого; но чтоб назад к ездoku головой не поворачивался, то, выкув наперед шест, с угрозою приказывает, чтоб стоял прямо.

Комментарии

Краткое описание о народе остяцком...

Воспроизводится по изданию «Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году» (Издав Л. Майков. — Спб., 1884).

Репринтное издание не позволяет расставить по книге номера затекстовых комментариев. По этой причине в настоящем издании указывается номер страницы издания 1884 г., абзац, в котором находится слово или часть текста, нуждающиеся в пояснении или комментарии. Если начало абзаца находится на предыдущей странице, остаток его на новой странице считается первым. Если абзац на странице один — указание его порядкового номера не производится. Чтобы читатель быстро мог найти искомое слово, вслед за номерами страницы и абзаца приводится выделенная курсивом часть текста. В отдельных случаях, если примечание касается отдельного слова, оно выделено подчеркиванием.

- C. V. 1-й сверху абзац: «Случилось это уже после 1720 года, когда скончался Филофей». — Дата смерти указана неверно: Филофей Лещинский скончался 31 мая 1727 года в возрасте 76 лет в Тюменском монастыре и был похоронен у западного входа в Троицкий собор.
- C. 6: «Толкие збо безсмертне славы твоея не только на злате жермады». — Очевидно, «на злате» — «в мраморе».
- C. 6: «...сияные солны солнечную светлость...». — Очевидно, в слове допущена ошибка: скорее, «ваша солнечную светлость».
- C. 17. 1-й сверху абзац: «...своим омианым ничегоже не утверждаем...». — Скорее, необходимо читать «ничегоже не утверждаем».
- C. 18. 2-й сверху абзац: «Многолюдствем зело довольно государство сие различных родов и племен языков, от них же мнози суть безвестны в Европе, яко: Тунгусы, Остяки, Отяки, Якуты, Самодеры, Брацкие людья, Пегая ордя, Кирисы...». — Современные названия соответственно: эвенки, ханты, удмурты, якуты, нежцы, буряты, селькупы, казахи (возможно — канасы). Из них отяки (вотяки) — удмурты попали в перечень ошибочно, т.к. они обитают в Прикамье, к западу от Уральских гор. Вероятно, вместо них должны быть указаны вогулы (манси).
- C. 18. 3-й сверху абзац: «Сибирская полуостровная страна от восток, от царствующего града Москвы расстоянием с три тысячи верст; облежит же камень превысочайший, яко стена, и толкия высоты, яко

- инны холмаж досядаши до облак небесных». — Имеются в виду Уральские горы. Русские первопроходцы называли их «Камень». В официальных документах название Камень употреблялось до начала XVIII века. Вероятно, это название — перевод с языков местного населения: нешты именуют Урал Нгарпа По («Большие камни»), ханты — Кеа («Камень»), манси — Нёр («Камень»), коми — Из («Камень»). Сведения о чрезвычайной высоте Уральских гор Невандий почерпнул из Есиповской летописи.
- С. 19. 2-й сверху абзац: «*О древнем же правлении сего государства восприяша ведение и от летописцев татарских...*». — Параграфы 7—10 этой главы написаны на основе данных Есиповской летописи.
- С. 19. 2-й сверху абзац: «...именем Чингидна...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...именем Чингина...».
- С. 19. 2-й сверху абзац: «...именем Тайбука...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...именем Тайбуга...».
- С. 20. 2-й сверху абзац: «...град свой Чингидна...». — Опечатка: следует читать «...град свой Чингина...».
- С. 21. 2-й сверху абзац: «...побудивши царствующи князю Себирских Еписера...». — Опечатка: следует читать «побудивши царствующи князю Себирских Едигера...».
- С. 21. 2-й сверху абзац: «...бежа с единомысленники своими в Чусовую реку...». — следует читать «...бежа с единомысленники своими в Чусовую реку...».
- С. 23. 1-й сверху абзац: «Мнозиа речки, иже прямо от востока прихотля в Обь, сия же суть Кунован, Подуй...». — Правильно «Полуй» — правый приток Оби, близ современного Салехарда.
- С. 23. 1-й сверху абзац: «По другой же стороне прямо от заходу Обь, Сосва, Ляпин...». — Правильно «Ляпин» — левый приток Северной Сосвы. В XVIII веке русские называли его еще Сыгза. По Г.Ф. Миллеру на реке находился тогульский городок Лопанг-уш, в русских летописях упоминавшийся как Ляпин. Позднее Ляпином стали называть реку.
- С. 23. 1-й сверху абзац: «...там же предделается Сажоод, на самом устии, иде же великая сия река Обь впадает в морскую губу, юже нарицают зде Тазовскую...». — Правильно «Тазовская». Залив Тазовская губа получил название по реке Таз. До начала XVIII века залив назывался Мангазейским морем, т.е. недалеко от устья Таза, на его правом берегу, с 1601-го по 1672 годы стояла русская крепость, знаменитая «златокопидан» Мангазья.
- С. 23. 2-й сверху абзац: «...и прочия речки в едину губу сия собираются Пур...». — Правильно «Пур». Одна из самых крупных рек, впадающих в Тазовскую губу. В переводе с ненецкого означает «Река с быстрым течением».
- С. 23. 3-й сверху абзац: «...а от другой стороны утескает новая земля...». — Новая Земля — группа из двух островов, расположенных к северо-западу от полуострова Ямал между Баренцевым и Карским морями.
- С. 24. 2-й сверху абзац: «Аще же и близ ея касаются и тамо для промыслу на звери биваются, иде же всахало зверя пражное доволстаю лесцы, елены и прочиых зверей, множество же поест рыбных промыслиши...». — Имеются в виду моржовый клык.
- С. 26. 1-й сверху абзац: «...здреле бо зде емиз по Оби и всей стране жителствоваше народ Чюмцкий...». — Предания о вымершем народе

- чудь широко распространены среди народов европейского Северо-Востока России, включая коми-зырян. Судя по всему, Нозницкий услышал о чудском народе именно от коми, переселившихся на Обь. У ханты и манси подобные предания отсутствуют. Немцы называют прежних насельников тундры сиртя.
- С. 26. 2-й сверху абзац: «...сей Остяцкий народ в сия востлея страны маченше от дна саямало Стефана Великия Пермь епископа...». — Стефан Пермский (1339—1396 гг.) — уроженец Устюга, епископ Пермский, проповедовал православную веру среди коми-зырян, известен как неустойчивый борец с идолопоклонничеством, создатель зырянской азбуки. После смерти был объявлен святым.
- С. 28. 2-й сверху абзац: «...дид же значию их Остяки...». — Опечатка: следует читать «...дид же значию их Остяки...».
- С. 30. 1-й сверху абзац: «...птицы, зери или что ни будь, тем именем родившеся каризает». — Этот обычай объясняется отнюдь не отсутствием собственных имен у ханты. Настоящее имя ребенка табуировалось, т.е. его нельзя было произносить вслух. У каждого хантыйского рода был свой фонд имен, передававшихся из поколения в поколение. Каждое из них принадлежало одной из родовых воспроизводящихся душ (жизненных сил). Из-за присвоения такого имени ребенку из другого рода нередко случались конфликты. «Обманные» имена давали детям, чтобы «бить с толку азых духов, защитить родовую душу (подлинное имя).
- С. 30. 2-й сверху абзац: «...мущия бо близ время родити исходить от общаго жилища и входит в некую особую хижину...». — Речь идет о т.н. «ай-хот» — маленькой избушке, куда женщины удалялись из жилища при родах и менструациях. Данный обычай объясняется верой ханты в то, что в эти периоды женщина становится «нечистой», окруженной злыми духами, и поэтому не должна призлекать последних и испугать семью.
- С. 33. 1-й сверху абзац: «...или взоры на ружех и персах, или на носех, аже в различныя воды и черты чернотию сице изображают еде здетски руже или носе или на персах иглою до прове изободше сажено с иными утварями тако крепко натирают, яко сожретися до кончим его не может». — Речь идет о татуированных знаках. Наносились узоры или схематические изображения животных (чаще всего птиц). По мнению известного финского этнографа, религиоведа К.Ф. Карьялайнена, первоначально татуировки имели характер защитного или излечивающего знака, позднее считалось, что в них переходят страдания больного человека. Возможно, некоторые знаки были родовыми символами.
- С. 38. 2-й сверху абзац: «...земля под студеным кругом...». — Речь идет о Полярном круге.
- С. 44. 2-й сверху абзац. — Этот параграф написан на основе данных Весповской летописи.
- С. 46: «Содержает же сие чрез некое время, чрез год и аякше упражняючися сии беззачином, последи же идола со всем во одежде скривает в землю, проваждающе с плачем и жалостию». — Деревянное изображение умершего («шангот», или «иттария») служило временным заместителем возрождающейся души («мл») на период до ее возрождения в следующем ребенке. Поэтому за ней (ним) постоянно ухаживали, оказывали почтение. После вселения этой души в новорожденного кукулу полагалось сжигать.

- С. 47: «...до чего вьще при страстен...». — Опечатка: следует читать «...до чего вьще пристрастен...».
- С. 48. 1-й сверху абзац: «...дороприношения...». — Опечатка: здесь и далее следует читать «...дароприношения...». — В этом же абзаце встречается «жерцы», которое здесь и далее следует читать «жрецы».
- С. 50: «Тако обретохом в Шоркоровских юртах кумира единого...». — Шоркоровские юрты — ныне поселок Шеркалы в Октябрьском районе Ханты-Мансийского округа. До конца XVI века городок Шоркар (в переводе с коми языка — «Город на ручье (речке)») был княжеской резиденцией правящей династии Кодского княжества — наиболее могущественного хантыгского раннегосударственного образования. Здесь находилась «кумирня» общеугорского значения, посвященная Мирванты-ху («За миром наблюдающему человеку»), одному из главных божеств обских угров, известному также и под другими именами (Орт-ики — «Богатырь-старик», Кон-ики — «Царь-старик» и т.д.).
- С. 53. 2-й сверху абзац: «Между различным кумира почитанием премного почитаются и дивии зверие, найпаче медведь...». — Почитание медведя обскими уграми связано с мифологическими представлениями о его сверхъестественном происхождении. У северных ханты и манси прародителем многих родов, относящихся к фратрии Пор, считается медведь (медведица). Наряду с этим у всех групп ханты и манси существует представление о небесном происхождении медведя (медведицы), спущенного на землю его отцом — верховным божеством Торумом. Наиболее ярко культ медведя выражается в традиционных медвежьих праздниках обских угров, сопровождающихся принесением даров перед медвежьей шкурой с головой и лапами, пением «медвежьих песен», культовыми танцами и очистительными обрядами, цель которых — задобрить убитого зверя, отвести от себя его гнев. Медведь считается вершителем справедливости, карающим людей, которые нарушили клятву. Отсюда — обычай приносить клятву перед шкурой, лапой или зубом медведя.
- С. 56: «Старик Обский сей имеюще скверное свое хранилище...». — Асики («Обской старик») у иртышских ханты считается одним из сыновей верховного божества Торума. С другой стороны, по своей характеристике он сопоставим с водяным духом — хозяином вод, владельцем всех рыб (Йинк-ики — «Воды старик», или Йинк-вурт — «Воды богатырь»), который считался вездесущим. Приносимые ему жертвы должны были гарантировать успех в рыбной ловле.
- С. 57. 2-й сверху абзац: «Гусь боготворимый идол их бяше...». — «Медный гусь» — изображение наиболее почитаемого обскими уграми божества — Мирванты-ху. Одной из его ипостасей является гусь: «весеннего гуся, осеннего гуся, облик имеющий богатырь». В этом облике Мирванты-ху выступает как хозяин птиц, покровитель охотников на птицу.
- С. 63: «...иже и Тангускую землю...». — Речь идет о тунгусской земле.
- С. 68. 3-й сверху абзац; С. 70. 2-й сверху абзац: *дѣлѣ*. — Здесь: 1712 г.
- С. 72. 3-й сверху абзац: «Поспешеством Всесилнаго и благодатию Его помощью путь сей простираешся неспрвадно, но везде сокрушая идола бесие достигоша даже до Кодийскаго монастыря...». — Религиозный центр крещеных остяков находился в Кодском городе — резиденции князей Алачевых, которые приняли православную веру в конце XVI — начале XVII веков. В 1600 году в Кодском городке была воздвигнута церковь во имя Живоначальные Троицы. Два года спустя князь Иги-

чей Алачей в ознаменование собственного крещения построил там же Воспое-Савватиевскую церковь. А в 1653 году в ответ на челобитную остиков четырнадцати кодских волостей царь Алексей Михайлович повелел «в том Кодском городе монастырю... быти». Монастыря назывался Троицким, а в просторечии — Кодским. Поодаль за городом и монастырем закрепилось название Кондинский (искаженное начальное «Кодский»). К концу XIX века монастыря пришел в запустение, а в июне 1918 года он был национализирован новой властью.

Каменный Троицкий храм, построенный вместо деревянной церкви в 50-х годах XVIII века, до сих пор стоит в пос. Октябрьский (бывший Кондинский).

С. 74: «Учмелда же якуть селения их достигли юрт Восполских...». — Возможно, Восполские — искаженное название селения Пословы, расположенного ныне на правом берегу Малой Оби, ниже устья р. Казым. Мнение вероятно сопоставляемое с названием Вылпосл — поселок на левом берегу Оби, ниже по течению от Салхарда.

С. 74: «...Казымских...». — Правильно «Казымских». Вероятно, имеются в виду Казымские юрты, располагавшиеся на р. Казым, правом притоке Оби.

С. 74: «...Шорковских...». — Правильно «Шоркарских». Ныне — пос. Шеркалы Октябрьского района ХМАО (см. прим. к С. 50).

С. 74: «...Белогорских...». — Ныне — пос. Белогорье, левый берег Оби, удалено от Ханты-Мансийска. Бывшая резиденция князей Белогорского княжества (до в. XVII в.), культовый центр общезурского значения. Рядом с городом находилось святилище, посвященное Мир-канти-ху. Хантыйское название Белогорских юрт — Худанг-пелек-пугог («Селение лебединого бока»).

С. 75: 2-й сверху абзац: «Юрты мекня, нармдаемых Атлым...». — Атлым — правый приток Оби. Рядом до сих пор стоят поселки Большой Атлым и Малый Атлым, близ которых находятся средневековые городища. Оба городища входили в состав Кодского княжества.

С. 75: 2-й сверху абзац: «...последы же лобежден во лчестии своем убежа с Перму за Камень, в Сибирскую страну и ту поселился». — Возможно, сведения о переселении зырян-идолопоклонников во главе с Памотником (Памом) на Обь Новичий потвернул из «Слова о житии и учении св. Стефана...», записанного в конце XIV века его учеником Елифаном Премудрым, или из Вычегодско-Пермской летописи. Данные сведения дополняются преданием атлымских остиков, которое в конце XIX века записал известный сибирский краевед Н.А. Абрамов. Реальность переселения древних коми на Нижнюю Обь подтверждается археологическими материалами, полученными в 1979—1984 годах при раскопках средневековых городищ Шеркалы I и Перегребное I в Октябрьском районе ХМАО.

С. 81: «О крещении Вагулич в року 1714». — Следует читать «О крещении Вагулич в року 1714».

С. 81: «Жительствующи же на Тааде и Конде прилежат присудам в град Пельм...». — Русский город Пельм был построен на р. Тааде близ устья р. Пельм в 1593 году. Был важным стратегическим и административным центром русской колонизации края до начала XVII века. В связи с освоением другого пути в Сибирь — Бабинской дороги, проходившей южнее, по реке Туре через г. Верхотурье, — значение Пельма упало, и он превратился в административный центр местного значения, которому было подчинено население бассейнов Таады и Конды.

- С. 81: «...происходит злод камене Верхотурского...». — Верхотурский Камень — одно из русских названий Уральских гор, бытовавшее до середины XVIII века. Когда берет начало почти в 600 километрах к северу от Верхотурья, с водораздельного материка, идущего через верховья рр. Мулымья и Васпугола (левых притоков Конды) к Оби.
- С. 82. 4-й сверху абзац: «В черных юртах...». — Следует читать «В Черных юртах...». — В XIX в. село Чернавское Табаранской волости на р. Черной.
- С. 85. 2-й сверху абзац: «Кондынский князь, называем Сатыга...». — Остяцкий князь Сатык (ниже Новицкий именует его Сатыга) имел владения в среднем течении р. Конды. На северном берегу проточного озера Сатыгинский туман было поселение Сатыга, которое ханты называли Урт-похыт («Селение князя-богатыря»). В середине XIX века потомок Сатыги добился возвращения княжеского титула и стал именоваться князем Сатыгиным-Кондынским. Имя Сатыга — двусоставное: вторая часть — ига — означает «старик» (-ия, -ига), значение же первой можно угадать с числительным семь (sat, sot). В таком случае Сатыга можно перевести как «Седьмой старик», что вполне объяснимо: число семь у обских угуров, как и у многих других народов, имеет сакральный характер (Мир-ванты-ху — седьмой сын Торума). Весьма продуктивно это число и в обско-угорской топонимике.
- В то же время небезынтересно сопоставление этого имени с другими названиями. Так, ниже по течению Конды находится поселок Сотник, в названии которого вторая часть, очевидно, -ики («старик»), а первая — Соти — неясного значения. Возможно, этот же корень звучит в хантыйском названии р. Салым — Согым и в именипокровителя салымских ханты местного духа Сатым-ия.
- С. 86. 2-й сверху абзац: «...путь свой к Пельму февруаря в Ёа ...». — Речь идет о 19 февраля.
- С. 86. 2-й сверху абзац: «...его же мимо граду идуща...». — Вероятно, следует читать «...его же мимо граду идуща...».
- С. 89. 1-й сверху абзац: «В деаь марта 5 ...». — Речь идет о 17 марта.
- С. 89. 1-й сверху абзац: «Истодяци рбе из церкви, нечаянно Талтанская волость...». — Талтанская инородческая волость включала селения, расположенные в верхнем течении р. Тавды и на ее притоке Лозье. По данным конца XIX века в нее входили 10 мансийских поселений (паулей): Юртовоцкий, Востоковский, Линтовский — на Тавде; Пашаный — на р. Пашанная; Рашкиновский, Кузнецкий, Ташинский, Комратьевский и два Сидяевских — на Лозье и ее притоках.
- С. 90. 2-й сверху абзац: «...типростию дивольскою наущенный князь их Кошукских юрт...». — Правильно «Кошуцких». В настоящее время деревня Кошук Таганского района Свердловской области. В Ремезовской летописи упоминаются хантыйский князь Кошук и его городок, который дружина Ермака взяла с боем. В XVII—XIX веках бывшие владения Кошука входили в состав Кошуцкой инородческой волости, включавшей 12 поселений по р. Тавде и прилегающим озерам: Янычково, Шайтанское и Гузеево.
- С. 93. 2-й сверху абзац. — Абыз — мусульманский священник, в данном случае — проповедник. Исламизация ханты успешно проходила в районах смешанного происхождения сибирских татар и ханты — в т.п. Зоболы и по Иртышу ниже Тобольска. Этот процесс содействовал творениям отдельных групп ханты, которые впоследствии были полностью ассимилированы татарами. Самый северный пункт проникнове-

- ния исламской веры — деревня Цингалы на берегу Иртыша, где и сегодня известно священное место — астана, на котором погребен мусульманский святой (очевидно, один из проповедников).
- С. 95. 2-й сверху абзац: «...также в Сухорукских юртах...». — Сухорукские юрты — ныне деревня Сухорукова, расположенная на левом берегу Оби в 70 километрах ниже устья Иртыша. Входила в состав Белогорского, а затем Кодского княжества.
- С. 95. 3-й сверху абзац: «Достигалом убо Карымкарских юрт...». — Правильно «Карымкарских». Карымкары — один из городков Кодского княжества. Располагался на острове (останке коронной террасы правого берега Оби) в устье р. Карымкары. Карымкарское городище находится рядом с современным пос. Карымкары Октябрьского района ХМАО.
- С. 97. 2-й сверху абзац: «...близ града Епанчи...». Правильно «Епанчин». Татарский городок Епанчин упоминается в сибирских летописях при описании похода Ермака. Располагался в среднем течении р. Туры. В 1600 году на месте Епанчинских (от имени мурама Епанчи) юрт был заложен Туринский острог (ныне город Туринск Свердловской области).
- С. 98: «О крещении Вагуличов в Конде 44го году». — Следует читать «О крещении Вагуличов в Конде 1715 году».
- С. 99. 2-й сверху абзац: «Егда же достигалом жмылиц сих, нарицаемых юрты Нахрачевы...». — Нахрачи — княжеская резиденция и культурный центр в низовьях Конды. Названа по имени князя Нахрача Епанчева; возможен обратный вариант: князь имел имя деревни. В XIX веке село Нахрачинское входило в состав Кондинской инородческой волости. В 1963 году было переименовано в с. Кондинское. До 1995 г. здесь был административный центр Кондинского района.
- С. 108: «Благополучно отплылише оттуда, вслodu крещением просвещаем, еликих обретахом, и доселехом юрт Камышевых». — Камышинские юрты находились на Камышской протоке реки Конды. В настоящее время — деревня Старый Камыш Кондинского района ХМАО.

**Описание живущих Сибирской губернии
в Березовском уезде иноверческих народов
остяков и самоедцов,
сочиненное студентом Васильем Зуевым**

Воспроизводится по изданию: *Зуев В.Ф.* Материалы по этнографии Сибири XVIII века (1771—1772). М.: Л., 1947.

- ¹ Имеются в виду отдельные северные хантыйские роды, которые подвергались ассимиляции со стороны ненцев.
- ² Прадки ненцев освоили западносибирскую тундру в начале II тысячелетия н.э. Согласно общепринятой гипотезе, прародина самодийских народов (некцев, ояцев, солыкупов и других, ассимилированных тюркскими племенами) — Южная Сибирь, Саяны. Некцы-оленьеводы, согласно их фольклору, застали на своей новой родине народ смиртя, который был ими частично истреблен, частично ассимилирован. До сих пор некцы связывают остатки древних поселений и культовых мест с этим исчезнувшим народом.
- ³ Хацова — по-ненецки «мужчина, человек, ненец».
- ⁴ Луца — искаженное ненцами слово «русский».
- ⁵ Малица — верхняя меховая одежда, изготовляющаяся из шкур полугодовалых оленей, забитых в августе. Носилась мехом внутрь. Относится к т.н. глухой одежде, не имевшей спереди разреза и одевавшейся через голову.
- ⁶ Гузь (кумыш) — глухая меховая одежда с капюшоном, надевавшаяся обычно в дорогу поверх малицы.
- ⁷ Пракильжо: кеблжю. Речь идет о шкуре полугодовалого оленя, снятой осенью.
- ⁸ Чэки, или чижки — меховые чулки из камусов (шкур с ног оленей или лоск).
- ⁹ Неговои — легкая замшевая обувь с голенищами (от хантыйских «нокое» — родута, замша и «кай» — сапог, чулок).
- ¹⁰ Имеется в виду жевская расшнурованная шуба — сах, который делался двойным: верхняя часть мехом наружу, внутренняя — мехом внутрь, ворсом вниз. Иногда верхняя часть изготовлялась из сукна. Снаружи сах украшался полосами мозаичного узора (по подолу, краям рукавов и спереди по разрезу) из разноцветных кусочков сукна или меха.
- ¹¹ Стружку делали зимой из мерзлого дерева (осины, тальника), поэтому она получалась очень тонкой и мягкой. Такая стружка заготавливалась в большом количестве и использовалась в качестве полотна, ваты и т.п.

- ¹² Вероятно, Зуев описал нахосники — сложное украшение из кожаной основы, украшенной бисером, от которой опускались два длинных жгута, соединенных медными запонками. К жгутам крепились медные зооморфные подвески, имевшие охранную функцию (от злых духов).
- ¹³ Правильно: охчам, или охшам — хантыйское название платка. У ханты женщины пальца было показывать лицо и волосы старшему брату мужа и его отцу, а также чужим мужчинам. Поэтому в их присутствии женщины закрывали лицо платком. Предполагается связь этого обычая с необходимостью регулирования половых связей. Кроме того, платок выполнял охранную функцию, т.е. закрывал от злых духов (чужих духов) голову и волосы, где находилась самая важная душа (жизненная сила) — лил, или илес.
- ¹⁴ Здесь и ниже речь идет об углубленных жилищах значительных размеров, в которых проживала т.н. «большая семья», состоявшая из родителей, их женатых сыновей и детей. Каждая семейная пара имела в такой избе свой угол, отделенный занавеской или пологом. Эта архаичная форма семейного общежития, вероятно, исчезла к началу XIX века, т.к. более поздние путешественники и этнографы такое явление не отмечали.
- ¹⁵ В начале XVIII века в результате включения ненцев в состав России расширились их торговые связи. К этому времени интенсивная добыча диких оленей для продажи мяса и шкур торговцам привела к резкому сокращению их поголовья. Наличие у отдельных ненецких семей больших стад домашних оленей свидетельствует, с одной стороны, об углубившейся имущественной дифференциации, а с другой — о начале перехода ненецкого оленеводства к крупнотравному. Этот процесс завершился в середине XIX века.
- ¹⁶ Ненцы не возили с собой все свое имущество и запасы, а оставляли их в местах традиционных стоянок на путях сезонных перекочевок.
- ¹⁷ Ез — приспособление для ловли рыбы. Представлял собой плотный частокот из жердей, лучин или прутьев, перегородивший небольшие речки. В этом частокоте имелся один или несколько проемов, в которых устанавливали различные плетеные ловушки т.н. «корокочного» типа (морды, важаны, фитили).
- ¹⁸ Кляпец — ловушка на пушного зверя, состоящая из планки с железными зубцами и полого деревянного цилиндра, в котором на горизонтальную ось наматывался шкур из растительного волокна или сухожилий. Когда зверь задевал «насторожку», шкур ослабевал, и планка резко ударяла бедолагу.
- ¹⁹ Имеются в виду оленьи желудки.
- ²⁰ Запрет варить голову оленя, вероятно, связан с представлением о том, что душа оленя, находящаяся в голове, могла возродиться, лишь не будучи «свареной», т.е. в основе обычая — стремление к «сохранению» поголовья оленей.
- ²¹ Здесь, вероятно, ошибка, т.к. волк у ненцев — священное животное, которое без крайней необходимости не убивают. По преданию, в волка бог превратил нехорошего человека, наказав его за какой-то проступок. Ненецкое божество Парсовой Варту, имеющее облик собаки, было хозяином волков, дарителем оленей. Поэтому для ненцев волки — своеобразные «пастухи» оленьих стад, а их убийство может разгневать Парсову Варту.

- ²² Скорее всего, шкатулка была местом для хранения домашних божков или изображений умерших родственников.
- ²³ В данном эпизоде, очевидно, рассказывается о проявлении т.н. «полярной истерии». Вообще, шаманы — люди со своеобразной психикой, поэтому они видят окружающий мир иначе, чем обычные люди.
- ²⁴ Описание подобных чудес, встречающихся в литературе, делались с чужих слов. В то же время, способность шаманов высшей категории к гипнозу и суперфокусам, перевоплощениям и точным предсказаниям обществу.
- Реакция Зуева в духе Станиславского делает ему честь как серьезному исследователю.
- ²⁵ На самом деле у ненцев, ханты и манси имелось немало ритмизованных эпических сказаний, легенд и обрядовых песен, тексты которых были устойчивыми, а зачастую канонизированными.
- ²⁶ Вино (вуся) употреблялось у ханты только как приветствие.
- ²⁷ Дорого — искаженное русское «здорово».
- ²⁸ Правильно «юраки». Устаревшее название гундровых ненцев. Обитают в энисейской тундре и леостундре.
- ²⁹ Тавги — устаревшее название иганасан.
- ³⁰ Точнее: саккылтап и каре-юх. Соответственно мансийское и хантыйское названия. Струнный инструмент типа цитры, у которого корпус напоминает плоскодонную лодку с выступающей нижней частью. Верхняя часть раздвоена и соединяется перемычкой. Имелось 3—5 струн на суживающей или оленьих кишках, колки — из птичьих костей.
- ³¹ Обычно танце пляски исполнялись во время медвежьего праздника.
- ³² Така — хантыйское «эй».
- ³³ Здесь свидетельство существования т.н. левирата — обычая, при котором разрешалось жениться на мачехе, сестре и других женщинах, не принадлежавших к роду жениха.
- ³⁴ Невеста принадлежала всему своему роду, поэтому члены рода имели «законное» право на свою часть невесты.
- ³⁵ Вероятно, речь идет о кетах.
- ³⁶ Неверно, т.к. венетские и хантыйские роды имели свои кладбища, где и старались хоронить умерших родичей. Захоронения за пределами кладбищ — явление исключительное.
- ³⁷ Пользоваться именем чужого рода у ханты и ненцев запрещалось.
- ³⁸ По-хантыйски: изь — шелье, окунь — jaw, карась — talenhull.
- ³⁹ Неверно: на песца ставили пласец.
- ⁴⁰ Точнее — лабах, т.е. «фляжок».
- ⁴¹ Правильно «хор». Так у ненцев и ханты называется племенной оленьим.
- ⁴² Женщина считалась «нечистой», поэтому, чтобы она не навлекла враждебных духов, ей запрещалось приближаться к дикому оленю.
- ⁴³ Разновидность слонца — локунка дельфинового типа.
- ⁴⁴ Архаичный способ охоты на моржа, вышедший из употребления.
- ⁴⁵ Правильно — белуха. Млекопитающее семейства дельфиновых подотряда зубатых китов. Достигает 6 метров длины и до 1,5 тонны веса. Живет в арктических морях. В погоне за рыбными стадами иногда заходит в Обь.
- ⁴⁶ Стерх — белый журавль.

- ⁴⁷ Использование одежды из рыбьей или оленьей кожи для защиты от холода применялось, естественно, в экстремальных ситуациях.
- ⁴⁸ Соскобленная с молодого рога оленя шкурка была любимым лакомством детей. Своеобразная «жесткая резинка» Обского Севера.
- ⁴⁹ Здесь говорится о хорее — шеста, на одном конце которого — кожаный шарик, а на другом — железный наконечник.

С. Пархимович

Оглавление

<i>С.Г. Пархимович. «...Тебе, ласкавый читателю»</i>	5
Краткое описание о народе остяцком, сочиненное Григорием Новицким в 1715 году	13
Описание живущих Сибирской губернии в Березовском уезде иноверческих народов остяков и самоедцов, сочиненное студентом Васильем Зуевым	137
Комментарии	225